

А. Ю. Серегина

par
vus
libellus

ЛОНДОН И РЕФОРМАЦИЯ

ЖИЗНЬ АНГЛИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ В ЭПОХУ ТЮДОРОВ 1485–1603

е в р а з и я

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. Ю. Серегина

ЛОНДОН
И РЕФОРМАЦИЯ

Жизнь английской столицы
в эпоху Тюдоров
(1485–1603)

2-е издание, электронное

Санкт-Петербург
2025

УДК 94(420)»1485/1603»

ББК 63.3(0)51

С32

Серегина, Анна Юрьевна.

С32 Лондон и Реформация. Жизнь английской столицы в эпоху Тюдоров (1485–1603) / А. Ю. Серегина ; ИВИ РАН. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 320 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0769-5

В истории Англии время правления династии Тюдоров (конец XV — начало XVII вв.) считается «Золотым веком», особенно в сравнении с предшествующим и последующим периодами, когда в стране бушевали Войны Алой и Белой Розы и Гражданская война. Символом тюдоровской эпохи стали экономическое процветание и рост могущества Англии под скипетром Генриха VIII и Елизаветы I. Впрочем, все было отнюдь не безоблачно. XVI столетие стало свидетелем исчезновения старого мира с его единой религиозной традицией. Начавшись с небольших подпольных общин, протестантизм внезапно стал государственной религией Англии, а католицизм был поставлен вне закона. Мучительно рождался новый мир, в котором разнообразие — а значит, конфликт, но одновременно и проявление терпимости — стало обычным явлением. Книга посвящена истории Реформации в Лондоне, городе, наиболее открытом новым идеям и веяниям. При этом в центре повествования находится повседневная жизнь всех слоев общества — как монархов и придворных, так и горожан, в большинстве своем не стремившихся к переменам, но оказавшихся в самой их гуще.

УДК 94(420)»1485/1603»

ББК 63.3(0)51

Электронное издание на основе печатного издания: Лондон и Реформация. Жизнь английской столицы в эпоху Тюдоров (1485–1603) / А. Ю. Серегина ; ИВИ РАН. — Санкт-Петербург : Евразия, 2020. — 320 с. — (Parvus libellus). — ISBN 978-5-8071-0480-9. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0769-5

© Серегина А. Ю., 2020

© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2020

© Оформление, ООО «Издательство

«Евразия», 2020

Введение

Конец XV — начало XVII вв., время правления династии Тюдоров, часто представляется «золотым веком» в истории Англии. Его и впрямь можно было бы счесть таковым, но только если сопоставить тюдоровский период с тем, что ему предшествовало и следовало за ним: Войнами Алой и Белой Розы, а также эпохой Гражданской войны. Тюдоровская эпоха была не вполне мирной, но английская земля в это время не знала кровопролитных сражений.

Тем не менее это время было сложным и изобиловало конфликтами, принесенными в Англию Реформацией. XVI столетие стало свидетелем исчезновения старого мира с его единой религиозной традицией и общей церковью. Мучительно рождался новый мир, в котором разнообразие — а значит, конфликт, враждебность, но одновременно и проявление терпимости — стало обычным явлением. Пройденный страной путь оказался болезненным и исполненным разрывов, хотя все же не столь травматичным, какой была Реформация в других странах Европы, например во Франции, Нидерландах и Священной Римской империи, переживших десятилетия религиозных войн.

Книга посвящена истории Реформации в Лондоне, городе, наиболее открытом новым идеям и веяниям.

При этом в центре повествования находятся не идеи богословов и политические решения, но их влияние на жизнь горожан, в большинстве своем не стремившихся к переменам, но оказавшихся в самой их гуще. Их опыт жизни в эпоху Реформации, вынудившей их искать свое место в стремительно меняющемся мире, я и постаралась отразить.

«Старый порядок»

В начале XVI века, как и в предыдущие столетия, жизнь лондонцев была связана с церковью тысячью невидимых, но прочных нитей. В церкви они находили выражение своему религиозному чувству. Она же сопровождала их по жизни, от рождения до смерти, и все сколько-нибудь значимые моменты этого процесса отмечались церковными обрядами. Церковный колокол отмерял время, а праздники указывали на смену времен года, а также возвещали наступление новой судебной сессии — время вершить земные дела. Все лондонцы одновременно являлись членами одной общины верующих — христиан-католиков и одного политического сообщества, подпадавшего под юрисдикцию глав городского совета.

Главным центром жизни лондонцев — и религиозной, и светской, — был их приход и церковь. Шпили приходских церквей окружали лондонцев в их повседневной жизни. Всего в начале XVI века церквей в Лондоне насчитывалось 113 — включая домовые церкви, но исключая монастырские и капеллы госпиталей и странноприимных домов. Именно в них фактически начиналась жизнь каждого лондонца — ведь новорожденного стремились окрестить как можно скорее, учитывая высокий уровень младенческой смертности. Крещение делало ребенка христианином и одновременно включало его в приходское

сообщество собратьев-христиан, вместе с которыми ему надлежало вести земные дела и заботиться о спасении души, помогать бедным и увечным, а также молиться за живых и умерших. Христианское сообщество охватывает всех христиан, когда-либо живших; так и для лондонцев со-прихожанами были не только те, кто сидел в церкви на соседних скамьях, но и те давно умершие поколения, чьи имена хранились в приходских свитках и поминались несколько раз в год, а иногда и чаще — если речь шла о благодетелях прихода.

Религиозный опыт лондонцев, безусловно, различался, но главным и определяющим его событием оставалась литургия — месса и причастие. В причастии лондонцы, как и все их собратья, соединялись с Христом и всеми единоверцами.

В каждой церкви месса служилась по воскресеньям на главном алтаре; кроме того, в церковных приделах ежедневно проходили поминальные мессы, а также особые мессы на рассвете, на которых могли присутствовать все те, кому из-за работы приходилось вставать на заре. Присутствие на воскресной мессе считалось обязательным; кроме того, благочестивые лондонцы старались прийти в церковь на раннюю мессу и в течение недели.

Месса начиналась с освящения соли и воды, которыми затем в ходе торжественной процессии благословлялись прихожане. Затем священник от имени всех собравшихся исповедовал грехи и молил Бога простить их, а затем читал тексты из Священного писания. Затем он обращался к пастве с призывом молиться за короля, друг друга и души умерших христиан.

После этого наступала самая торжественная часть мессы. Священник готовил евхаристические хлеб и вино и читал над ними посвятительные молитвы.

В это время звонил церковный колокол. Его звук призван был помочь не знавшим латыни прихожанам понять, что близится кульминация — момент таинства, превращения хлеба и вина в Тело и Кровь Господни. После завершения посвячительных молитв священник поднимал гостию в дарохранительнице, а потом и чашу с вином, высоко над головой, так, чтобы все видели Тело и Кровь Христовы. Прихожане в это время преклоняли колени. Многие англичане верили, что если увидеть вознесение гостии, то в тот день человеку не грозит внезапная смерть. Неудивительно поэтому, что лондонцы, ежедневно сталкивавшиеся с многочисленными угрозами, свойственными жизни большого города, стремились прийти на мессу хотя бы рано утром.

Затем священник целовал дарохранительницу, потир с вином, а также 'рах' — освященный круглый диск с изображением распятия или Агнца Божия. Вслед за священником 'рах' целовали и все прихожане. Этот поцелуй символизировал мир и любовь внутри общины верующих, отсюда и его название, происходящее от латинского 'рах', что означает «мир». Потом священник читал «Отче наш» и причащался хлебом и вином. Затем он благословлял прихожан и завершал мессу. Среди прихожан распределяли освященный хлеб — его по очереди пекли в каждом доме прихода.

Миряне причащались под одним видом (то есть только хлебом) и, как правило, раз в год — на Пасху. Перед этим на Страстной неделе они исповедовались и должны были примириться со всеми, с кем ссорились в течение года. Причащение именовалось «осуществлением своих прав» — то есть прав занять причитающееся каждому место в кругу братьев-христиан и в числе прихожан. А недопущение к причастию считалось позором. Вместе с тем идти к причастию, не примирившись с теми, кому были

нанесены обиды, почиталось неправильным; более того, обиженные порой могли воспрепятствовать совершению святотатства. Так, в архивах церковного суда сохранилась история о том, как на Пасху 1529 г. прихожанка церкви Сент-Мэри Квинсхит (Св. Марии в Квинсхите) Джоанна Карпентер за руку оттащила некую Маргарет Чамбер, которая уже было преклонила колени перед священником, готовясь принять причастие, в сторону и потребовала от нее сначала примириться с ней, попросив прощения за нанесенную ранее обиду, а уже потом причащаться.

Богослужение велось на латыни, которую большинство лондонцев не понимало. Однако священникам предписывалось время от времени (хотя бы несколько раз в год) разъяснять прихожанам смысл всех частей литургии. Прихожане также должны были знать и основные молитвы — «Отче наш» и «Верую» — и уметь произнести их как на латыни, так и на английском языке. Те из прихожан, кто умел читать, приносили с собой на службу молитвословы — рукописные, а позднее и печатные. В них содержался текст всего богослужения на латыни, а на полях зачастую присутствовали рубрики на английском. По свидетельству итальянского путешественника, посетившего Лондон в 1500 г., многие лондонцы приносили с собой в церковь молитвословы, которые и читали во время службы, а также молились, перебирая четки. Кроме того, молитвословы содержали и текст молитв, которые миряне могли произносить про себя, пока священник молился у алтаря. Именно поэтому и звучал колокол во время посвящения — он призывал прихожан оторваться от своих книг, поднять головы и узреть Тело Христово.

Проповеди в церкви звучали реже, хотя в большинстве лондонских храмов к началу XVI века уже появились кафедры для проповедников. Церковные

каноны предписывали священникам проповедовать четыре раза в год, однако это правило не соблюдалось повсеместно. Впрочем, Лондон в этом отношении имел преимущество — столица притягивала лучших проповедников, как из числа приходских священников, так и монахов. Главной проповеднической кафедрой города, да и страны, была кафедра, возведенная у креста во дворе собора Св. Павла. Такие кресты ставили в церковных дворах; рядом с ними проповедовали, а также и возвещали обо всех важных для прихода и местной общины делах.

Лондонцы с размахом праздновали церковные праздники, которые были для них не только способом выразить свои религиозные чувства, но и продемонстрировать — и на деле почувствовать единство приходской общины. А сопровождавшие праздники обряды порой не имели ничего общего с христианскими и восходили еще к языческим временам, однако духовенство в большинстве своем относилось к ним терпимо, воспринимая их как допустимые развлечения. Так, например, в Лондоне с размахом праздновался день невинноубиенных (28 декабря), являвшийся воспоминанием об избииении младенцев царем Иродом. Вокруг собора Св. Павла двигались шумные процессии во главе с мальчиком, облаченным в одеяние епископа. Праздник напоминал верующим о том, что христиане должны стать как дети, то есть смиренными и чистыми душой, для того чтобы войти в царство Божие. Но, кроме того, праздничная процессия, в которой все иерархии оказывались словно бы перевернутыми — власть давалась детям, то есть слабым и подчиненным, — позволяла дать выход скопившейся за год социальной напряженности, выпустить пар, чреватый опасными конфликтами.

Двенадцать дней между Рождеством и Крещением (25 декабря — 6 января) вообще праздновались

бурно. В эти дни никто не должен был работать, поскольку они были отданы радости, в том числе и вполне земной. Дома украшались ветками и венками из листьев падуба, плюща и омелы. Молодым парам, оказавшимся под веткой омелы, позволялось поцеловаться. Этот обычай уходил корнями в седую древность, к языческим временам. Устраивались рождественские пиры, которые должны были объединять всех: богатых и бедных, господ и слуг. Мэр Лондона и оба городских шерифа избирали на пирах глав рождественских увеселений, чья власть должна была продлиться вплоть до Сретения. На улицах, под окнами домов, звучали рождественские гимны, исполнявшиеся певцом и хором (они же обычно и танцевали). Певцов полагалось оделить угощением. На само Рождество в приходах устраивали театральные представления. Актеры, которыми были сами прихожане, разыгрывали на подмостках события евангельской истории рождения Иисуса. Устраивались и вполне светские развлечения, танцы, маскарады и пантомимы.

2 февраля праздновалось Сретение. В этот день лондонцы собирались в приходских церквях; с зажженными свечами в руках они обходили процессией вокруг храмов, а после церемонии уносили свечи домой. Считалось, что эти свечи в течение всего года защищали христиан от злых сил. Их зажигали, чтобы успокоить страхи и прогнать бесов — в сильную грозу, а также если серьезно заболел кто-то из домоладцев. Свечи вкладывали в руку умирающего, чтобы облегчить расставание души и тела.

Во вторник перед началом Великого поста (обычно приходившийся на март или апрель) в Англии, как и по всей Европе, разыгрывались битвы карнавала и поста, плоти и аскетизма. В Англии это был последний день перед постом, когда можно было есть яйца

и масло, поэтому именно тогда хозяйки пекли блины. На следующий день, в пепельную среду, начинался Великий пост. Все прихожане являлись на службу, где читался покаянный канон. По окончании литургии священник благословлял прихожан, рисуя на их лбах золой знак креста — символ покаяния и смирения плоти. Крест не полагалось смывать до захода солнца. Так начинался Великий пост.

Его завершение было кульминацией церковного года. На Вербное воскресенье во всех приходах города проводились торжественные процессии. Во время литургии, сразу после чтения Евангелия, священник благословлял символизировавшие пальмовые листья ветви тиса и вербы и раздавал милостыню приходским беднякам. Затем все прихожане, следуя за священником и хором, обходили крестным ходом храм; перед процессией несли мощи святых, обычно находившиеся в церкви, гостию в дароносице и большой крест. Процессии встречал хор; его участники изображали ветхозаветных пророков. Они приветствовали прихожан гимнами, возвещавшими приход Христа. Некоторые приходы устраивали целые театрализованные представления. Например, из сохранившихся расходных книг церкви Сент-Мэри ап-Хилл (Св. Марии-на-холме) за начало XVI века мы узнаем, что у северного портала храма ежегодно на Вербное воскресенье устраивалась мистерия: приходская процессия приближалась к специально возведенным подмосткам, где ветхозаветные пророки возвещали о явлении Христа. Счета сообщают нам, что в 1525 г. подмостки пришли в негодность и их пришлось чинить, а в 1531 г. прихожане потратились на аренду костюмов (видимо, у настоящих актеров), а также на накладные бороды, полагавшиеся «пророкам».

После представления процессия возвращалась в церковь, где все преклоняли колени перед большим

распятием. После мессы священник благословлял самодельные кресты, изготовленные прихожанами из палочек и веревок прямо во время службы: считалось, что они защищают их обладателей от зла и болезней.

За Вербным воскресеньем следовала Страстная неделя. В это время все лондонцы исповедовались и готовились к причастию. В Чистый четверг церкви тщательно очищали, а также убирали все украшения. На следующий день, в Страстную пятницу, в церкви ставили большое распятие, и все прихожане и священник, босоногие в знак покаяния, опускались на колени и ползли к кресту, чтобы приложиться к нему. Затем происходили «похороны Христа»: освященную накануне гостию в особой дарохранительнице и крест помещали в расположенную у северной стены храма «гробницу», обычно представлявшую собой деревянный (или каменный) ящик, покрытый искусно расшитой пеленой. Вокруг «гробницы» ставили свечи, и вплоть до пасхального утра рядом с ней несли бдение прихожане.

Вся неделя после Пасхи была заполнена праздниками, причем вполне мирского свойства. В понедельник и вторник юноши и девушки попеременно брали в плен представителей противоположного пола, связывали их и отпускали только после уплаты небольшого выкупа. Священники порой ворчали по поводу подобных игр, однако находили и положительные стороны: например, в уже упоминавшемся приходе Св. Марии-на-холме собранные таким способом деньги шли на нужды церкви.

На Темзе разыгрывались «водяные бои». По сообщению лондонского историка Джона Стоу, существовал обычай вбивать в речное дно высокую сваю, к которой подвешивали щит. Молодые люди спускались к ней в лодках без весел, подчинявшихся силе

течения. Их задачей было ударить копьем в щит и при этом устоять на ногах и не упасть в воду. Незадачливых «бойцов» вылавливали из реки их товарищи, сопровождавшие их в других лодках. Устраивали и «турниры», когда два юноши пытались столкнуть друг друга в воду палками. По словам Стоу, они обычно заканчивались тем, что оба участника падали в реку.

Пышными процессиями — приходскими и общегородскими — праздновал Лондон и другие праздники — день Троицы, Тела Христова и молебствия недели перед Вознесением. В конце XV века к английскому церковному календарю прибавились праздники Преображения (6 августа) и Св. Имени Иисуса (7 августа), и, как свидетельствуют сохранившиеся служебники XVI века, принадлежавшие лондонским церквям, приходы озаботились приобретением текстов новых литургий и молебствий, составленных специально для этих дней.

Все летние праздники сопровождались процессиями, а также и развлечениями приходской молодежи на свежем воздухе, порой не слишком упорядоченными и благопристойными. Молодые англичане танцевали, стреляли из лука, мерялись силой и, конечно же, играли в футбол.

Осенние праздники были связаны с благословением собранного урожая. А день Св. Михаила Архангела (29 сентября) означал время сбора рент и прочих платежей, а также начало очередной судебной сессии. 1 ноября праздновали день Всех святых, а 2 ноября — День всех душ, т. е. день поминовения усопших.

Мирские увеселения англичан, восходившие еще к языческим временам, также были связаны с церковью. Так, празднование Майского дня (1 мая), имевшее своими корнями ритуалы культа плодородия, стало символом единения приходских общин

и городского сообщества. Джон Стоу писал, что в этот день лондонцы всех сословий собирались во дворе своей приходской церкви, а порой объединялось несколько небольших приходов. Они воздвигали там майский шест и развлекались весь день танцами, стрельбой из лука и т. п. В тот же день в приходе избирали майского короля и королеву из числа местной молодежи. Во второй половине дня устраивали костюмированные шествия и пантомимы, а вечером — фейерверки.

Главный майский шест города, торжественно воздвигавшийся главами городской общины, высылся на Корнхилле, перед церковью Св. Андрея, получившей от него свое название (Сент-Эндрю Андершафт, Св. Андрея-под-шестом). Однако в царствование Генриха VIII (1509–1547) эта традиция была прервана. Это было связано со случившимися в городе беспорядками. 1 мая 1517 г. большие группы лондонских подмастерьев, подстрекаемые речами некоторых проповедников (в частности, некоего Белла, произнесшего на пасхальной неделе проповедь против живших в Лондоне иностранцев), разгромили и разграбили дома иностранных купцов и ремесленников, проживавших в городе. Сил шерифов (одним из помощников которых тогда был знаменитый гуманист Томас Мор) не хватило для подавления бунта, и по приказу разгневанного короля на следующий день в город вошли отряды герцога Норфолка и его сына, графа Сарри. Беспорядки были подавлены, а зачинщики — или те, кого таковыми сочли, — и большая, до 400 человек, группа участников, были схвачены. На следующий день 13 зачинщиков были повешены по приказу короля, а остальных Генрих VIII помиловал после того, как его супруга, Екатерина Арагонская, преклонив колени и со слезами на глазах, вымолила у мужа жизни юных бунтовщиков. Дарование

королевского прощения было обставлено в виде торжественной и устрашающей церемонии. Генрих VIII восседал в большом зале Вестминстерского дворца. Туда привели арестованных бунтовщиков, в саванах и с петлями на шеях. Они, а также присутствовавшие там и в окрестностях дворца лондонцы (их собралось до полутора тысяч человек) пали на колени и просили о милосердии. В ответ на изъявление покорности Генрих VIII соизволил даровать свое королевское помилование. Однако лондонцы знали о вмешательстве Екатерины. Годы спустя жены и матери незадачливых бунтовщиков проявят свою благодарность королеве в бурные годы Реформации.

После майского бунта городские власти не решались больше воздвигать большой шест, оказавшийся в 1517 г. невольным символом объединения городских подмастерьев. Он так и остался лежать во дворе церкви Св. Андрея-под-шестом, до тех пор пока и его не смела буря религиозного конфликта.

Приходская церковь была центром, вокруг которого объединялась община, средоточием ее мира. Прихожане не ощущали отчужденность церкви; она была своей во многих смыслах, в том числе и в самом прямом. Лондонцы вкладывали значительные средства в перестройку, ремонт и украшение своих церквей. Конечно, в этом проявлялось их стремление заслужить добрыми делами скорейшее освобождение души из мук чистилища после смерти и приобщение райскому блаженству. Однако немалую роль играло и желание обустроить свой мир — приход, причем в соответствии с собственными представлениями о красоте и порядке. Благотворительность подразумевала не только жертвование денег церкви, но во многом и распоряжение ими. Миряне в начале XVI века обладали значительными возможностями контроля по отношению к своему приходу.

А к лондонцам это относилось в первую очередь. Ведь в их числе были богатейшие купцы страны, располагавшиеся значительными средствами. Часть этих средств тратилась на благотворительные нужды при их жизни; кроме того, согласно традиции, $\frac{2}{3}$ имущества завещатели обычно оставляли жене, детям и родственникам, а $\frac{1}{3}$ должна была идти на помин души завещателя, то есть на различные благотворительные проекты. Перестройка или ремонт церквей были одним из приоритетов.

Большинство лондонских приходских церквей было построено еще в XI–XII веках, а позднее, в XIV–XV веках, подверглось существенной перестройке в соответствии с изменившимися архитектурными вкусами паствы. В XVI веке строительство продолжалось. На рубеже XV–XVI веков была перестроена в готическом стиле церковь Сент-Мэри (Св. Марии) в Ламбете. В 1486–1523 гг. на средства состоятельных прихожан перестраивалась церковь Сент-Маргарет (Св. Маргариты) в Вестминстере. Примерно в тот же период — 1494–1516 гг. — перестроили и церковь Олл Хэллоус (Всех Святых) на Ломбард-стрит. В 1509 г. к церкви Сент-Бартоломью (Св. Варфоломея) у Менял (Бартоломью-лейн) пристроили южную капеллу на средства сэра Уильяма Кэйпела, торговца сукном и бывшего (1503 г.) лорда-мэра. Другой лорд-мэр (1510), сэр Генри Кибл, потратил значительные средства на перестройку церкви Сент-Мэри Олдемэри (Св. Марии древней) и завещал 1000 фунтов на те же цели. Благодаря его вкладу строительство было завершено в 1518 г.

Два других представителя лондонской элиты, шериф, сэр Уильям Фицуильям, и бывший лорд-мэр (1509 г.), сэр Стивен Дженинс (1450–1523), пожертвовали деньги на перестройку церкви Св. Андрея-под-шестом.

К 1519 г. была закончена перестройка церкви Сент-Ведаст (Св. Ведаста) на Фостер-лейн. В церкви Олл Хэллоус (Всех Святых) у Стены в 1528–1529 гг. появился новый придел. Кроме того, в первой половине XVI в. были перестроены церкви Сент-Питер (Св. Петра) в Вестчипе и Сент-Джайлс (Св. Эгидия) у ворот Криплгейт.

Конечно, далеко не все в Лондоне располагали такими средствами. Однако практически каждый был в состоянии внести свою небольшую лепту. К сожалению, небольшие вклады легко ускользают от внимания историка, поскольку сохранившиеся источники — это чаще всего завещания. А их обычно составляли те, кому было что завещать. Кроме того, не учитываются прижизненные вклады и дарения.

Однако сохранившиеся расходные книги приходов помогают отчасти восполнить этот досадный пробел. Так, в уже упоминавшейся книге из церкви Св. Марии-на-холме, говорится, что в 1497 г. на средства прихожан в церкви был проведен ремонт, а также отреставрированы все изображения святых (статуи и фрески). В 1513 г. в церкви появилась новая ризница. Спустя два года прихожанки собрали 9 фунтов 10 шиллингов и на эти деньги заказали новый алтарный покров. Мы даже знаем, что покров был из красной и белой ткани и расшит золотой нитью. В 1527–1528 гг. прихожане заплатили за починку алтарного распятия, а также большого креста, выносившегося в приходских процессиях. Были заново раскрашены статуи святых покровителей прихода, а слегка облупившиеся подсвечники получили новый слой позолоты.

Средства на ремонт собирались как при помощи своего рода «налога» на прихожан, так и на их добровольные пожертвования. Они указывают на то, что для лондонцев XVI века церкви были домом Христа и, соответственно, их домом тоже.

Единение во Христе предполагало не только «присвоение» церкви, но и братскую любовь и взаимопомощь, связывавшую прихожан: богатых и бедных, живых и мертвых. Живые должны были молиться друг за друга и за души умерших собратьев, имена которых как минимум раз в год, в день Всех Душ, вспоминал священник, обращаясь к приходским книгам. Ведь они содержали не только перечень расходов — свидетельство благочестия здравствовавших прихожан, — но и имена покойников. Те, в свою очередь, произносили молитвы за живых, пребывая в чистилище.

Помощь бедным прихожанам со стороны их более удачливых собратьев имела две стороны. Она была проявлением христианской любви к ближнему, но имела и «корыстный» мотив: облагодетельствованные бедняки должны были в ответ проявить свою любовь молитвой за душу благодетеля. Порой в завещаниях весьма детально указывается, как именно следует потратить деньги на бедных, когда и как должны читаться молитвы.

Богатый торговец рыбой из прихода Св. Марии-на-холме, Джон Мэнджэм, в 1514 г. завещал похоронить себя в церкви, у северной стены, под окном с витражом «Семь добрых дел». Оправдывая подобные претензии, Мэнджем также распорядился, чтобы бедным прихожанам было роздано 20 шиллингов. Кроме этого, он пожелал раздать еще 40 шиллингов бедным непосредственно в день похорон, пошить для них одежду (на что выделялось еще 40 шиллингов), и оставить средства для того, чтобы заплатить за содержание 12 бедных заключенных в лондонских тюрьмах — Маршалси, Ньюгейте, Ладгейте и тюрьме Суда Королевской Скамьи. В тюрьмах XVI века заключенные сами должны были платить за свое содержание (то есть за еду, постель и прочие хотя

бы минимальные удобства). Неимущим выделялись средства короны, но они были мизерными. Оказывая помощь таким заключенным, завещатель фактически давал им шанс хотя бы дожить до суда.

Другой лондонец, Джон Фейри, прихожанин церкви Сент-Стивен (Св. Стефана) на Коулмен-стрит, располагавший большими средствами, также завещал деньги бедным прихожанам и выделил 20 фунтов на поминальный обед для всего прихода. А сэр Уолтер Льюк завещал на оставленные им приходу деньги построить (или приобрести) церковный дом, где можно было бы проводить приходские ярмарки и пиры и т. п. В ответ на это он обязал церковных старост ежегодно на Майский день при собравшемся приходе громко читать 129-й покаянный псалом *De Profundis* («Из глубины взываю к Тебе, Господи»). После этого все прихожане должны были прочесть «Отче наш». Так в распоряжениях завещателя в молитве объединялись живые и умершие.

Принадлежность к приходской общине определялась обстоятельствами рождения того или иного лондонца. Однако помимо приходов в городе существовало множество других религиозных сообществ, членство в которых определялось личным выбором.

Наиболее многочисленными и распространенными среди них были религиозные братства, которые в Англии также именовали гильдиями. Для того чтобы избежать путаницы с профессиональными гильдиями, объединявшими купцов, ремесленников или наемных рабочих по роду занятий и тоже имевшими религиозные функции (отступавшими, впрочем, на второй план по сравнению с мирскими заботами), здесь будет использоваться термин «братства».

Религиозное братство представляло собой объединение мирян под покровительством какого-либо святого, Девы Марии, Св. Троицы, Тела Христова

и т. п. Целью существования братства было обеспечение каждому его члену достойных христианских похорон — настолько пышных, насколько это позволял бюджет сообщества, — а также и постоянных молитв о скорейшем освобождении его души от мук Чистилища.

Ежегодно в день святого покровителя братства его члены собирались на торжественную мессу у алтаря «своего» святого. Мелкие братства нанимали для этого священника, а у более крупных и богатых были свои алтари в приделах или даже капеллы, в которых постоянно служили мессы специально нанятые священники (которые помимо выполнения обязанностей в капелле помогали еще и приходскому священнику — например, руководили хором). Во время мессы поминались все покойные братья.

После торжественной мессы члены братств отправлялись на ежегодное собрание, на котором рассматривались и утверждались счета братства, избирались его должностные лица, собирались ежегодные взносы. Они обычно были совсем небольшими и могли составлять 1 пенс «на мессу» и на похороны братьев, а за отсутствие на ежегодном собрании налагался штраф в полпенни, или полфунта воска на свечи, зажигавшиеся на алтаре в день праздника. После собрания братья и сестры отправлялись на праздничный обед. Крупные братства — такие, например, как братство Св. Троицы из Ковентри, члены которого происходили из всех графств Англии и включали в себя многих богатых лондонцев, — праздновали по 2–3 дня, с музыкой и танцами и мистериями — театральными представлениями на религиозные сюжеты.

Большинство лондонских братств, впрочем, крупными не были. Они часто трансформировались из скромных приходских братств, объединявших

прихожан, а иногда и часть их, порой по возрастному или половому признаку (например, девушек или неженатых молодых людей), в их почитании святого патрона, выражавшемся в сборе средств на свечи для его алтаря. Примером может послужить братство Св. Бригитты из церкви Сент-Брайд (Св. Бригитты) на Флит-стрит. Оно возникло как сообщество прихожан, объединившихся в почитании святой покровительницы церкви, и несло ответственность за свечи, возжигавшиеся перед ее алтарем. По прошествии времени сообщество стало и мемориальным братством, так как начало проводить мессы с молитвами о душах его усопших членов. У братства появился свой капеллан, ежедневно служивший мессы у алтаря святой. Наконец, на последней стадии сообщество превратилось в братство, члены которого носили собственную ливрею.

Помимо молитвы за братьев, религиозные братства занимались и благотворительностью. Они оказывали помощь своим членам — старым, больным или лишившимся средств к существованию из-за каких-либо стихийных бедствий и т. п. По документам 1548 г. братство *Salve Regina* из прихода Св. Магнуса выплачивало 2 шиллинга в неделю брату, пребывавшему в тюремном заключении (на время его заточения), 1 шиллинг 2 пенса — ослепшему брату (пожизненно), 1 шиллинг — больной сестре. Еще 10 шиллингов в неделю распределялось между тремя неимущими членами братства. А братство Девы Марии из уже упоминавшейся церкви Св. Бригитты оказывало финансовую поддержку пятерым бедным женщинам и троим мужчинам — членам братства.

Согласно сохранившимся документам, около четверти всех завещаний лондонцев в начале XVI века содержали упоминания о вкладах и средствах для религиозных братств, которых в Лондоне

того времени было, по разным оценкам, от 80 до 100 с лишним; 30 из них были основаны после 1500 г.

Однако крупных братств в Лондоне практически не было. Если в других городах существовали многочисленные влиятельные сообщества, годовой бюджет которых исчислялся сотнями фунтов, то в столице доход большинства братств варьировался в пределах 10–20 фунтов в год. Самым богатым из всех, по сведениям королевских оценщиков, действовавших в 1548 г., было братство Девы Марии из прихода Св. Маргариты (Вестминстер), доход которого составлял 55 фунтов в год.

Не были лондонские братства и «закрытыми клубами», объединявшими только представителей городской элиты, как это случалось во многих провинциальных городах.

Относительная скромность лондонских братств объясняется тем, что они сосуществовали с многочисленными и гораздо более могущественными профессиональными гильдиями купцов и ремесленников, которые оказывали влияние на городские дела. Религиозные же братства представляли собой не столь многочисленные общины, членство в которых определялось личными религиозными чувствами и предпочтениями.

Существовали, впрочем, и братства, имевшие религиозные функции, однако объединявшие людей одной профессии. Таких в многолюдном Лондоне было особенно много. Существовало даже братство приходских клерков, объединившихся под покровительством Св. Николая.

Подобно приходам, братства объединяли живых и уже умерших членов общины. Порой члены братств заносили в их списки и своих уже скончавшихся предков, родственников и друзей, обеспечивая им тем самым постоянное поминовение и молитву за

их души. Братства не знали половой дискриминации. Хотя были братства, в которые принимали только мужчин или только женщин, большинство из них носило смешанный характер, причем женщины выступали в них не как жены и дочери, но от собственного лица.

Однако самой важной особенностью братств как добровольных религиозных объединений было то, что они полностью контролировались мирянами. Именно миряне — члены общин — собирали взносы и следили за расходованием средств, из их числа избирались все должностные лица. Именно они нанимали священников-капелланов и предписывали им, когда и какие именно службы служить. Духовенство, хотя и участвовало в собраниях братств, не имело возможности контролировать их деятельность.

Другой сферой проявления религиозности лондонцев, в которой переплетались мирские интересы и духовные устремления, были столичные монастыри. В начале XVI века Лондон и его окрестности насчитывали 39 монастырей и монашеских общин, оказывавших серьезное воздействие на разные стороны городской жизни.

Самыми древними из них были бенедиктинские обитатели, наиболее известной из которых было Вестминстерское аббатство. Уступавший по богатству только аббатству Гластонбери (графство Сомерсет), монастырь был тесно связан с королевской властью: он являлся местом коронации английских монархов, а также упокоения многих из них. По желанию первого короля из династии Тюдоров, Генриха VII, к монастырской церкви была добавлена капелла Девы Марии, построенная в 1503 г. сэром Реджинальдом Бреем. Она представляет собой один из прекраснейших образцов так называемого перпендикулярного стиля английской готической архитектуры. Капелла

должна была разместить надгробие предшественника Тюдоров, короля Генриха VI, почитавшегося в народе как святого чудотворца. Генрих VII, подчеркивавший свое родство с династией Ланкастеров, добивался от Рима формальной канонизации своего венценосного тезки и приготовил достойное место для его раки, куда должны были устремиться паломники. Однако канонизация в Риме была длительным процессом, и Генриху VII не суждено было дожить до исхода. Он умер в 1509 г. и был похоронен в новой капелле. Надгробие короля и его супруги, Елизаветы Йоркской (ум. 1504), было создано итальянским скульптором Пьетро Торриджано.

Другой бенедиктинский монастырь — Бермондси — находился на южном берегу Темзы, в Саутворке. Неподалеку от Лондона было и два женских бенедиктинских монастыря: Св. Елены, располагавшийся к востоку от ворот Бишопсгейт, и Девы Марии в Клеркенуэлле. Однако самая большая — и самая богатая — в Англии обитель «черных монахинь» располагалась к востоку от Лондона, в Баркинге. Ей принадлежало множество маноров и угодий в Эссексе, а также и недвижимость в Лондоне. Аббатство являлось патроном¹ приходской церкви Всех Святых (Олл Хэллоус Баркинг), находящейся возле Тауэра.

Цистерцианцам принадлежал располагавшийся в Восточном Смитфилде монастырь Сент-Мэри Грейсес (Св. Марии Милостивой), который лондонцы еще в XVI веке называли Новым монастырем.

В Лондоне также насчитывалось 6 обителей нищенствующих орденов, которые лондонцы, как пра-

---

¹ Аббатство как корпорация обладало правами настоятеля, получавшего большую десятину, и имело право назначать викария (заместителя), выполнявшего пастырские обязанности.

вило, именовали в соответствии с цветом или другими отличительными особенностями облачений братьев. Так, «братья с крестами» (Crossed friars или Crutched friars) носили с собой посохи с рукоятью в форме креста, а на их облачении были нашиты красные кресты. Их обитель располагалась рядом с Тауэр-Хилл; этот район до сих пор сохраняет старое название. «Белые братья» (White friars), монахи-кармелиты, поселились к востоку от Темпла, между Флит-стрит и Темзой. «Серые братья» — францисканцы — разместились к северу от Ньюгейт-стрит. Францисканцы давно пользовались королевским покровительством и имели много богатых патронов, что отчетливо проявилось в архитектуре обители. Их монастырская церковь (церковь Христа, Крайст-чёрч) размером уступала только собору Св. Павла. Женская ветвь ордена — клариссы — имела монастырь (Св. Марии) к югу от Олдгейт. Благодаря им там до сих пор сохранилась улица Св. Клары и улица Минориток.

Доминиканцы — «черные братья» (Black friars) — построили свой монастырь между Темзой и Ладгейт-Хилл. Его величественные (а главное, вместительные) здания в XVI веке не раз становились сценой, на которой разыгрывались важные исторические события. Порой здесь заседал парламент и Тайный Совет, а в 1522 г. поместили императора Карла V во время его визита в Англию. Наконец, августинцы-еремиты («братья-августинцы») разместились между Брод-стрит и городской стеной.

Чартер-хаус — монастырь картузианцев — располагался в Смитфилде, к северо-востоку от городской стены. Картузианцы, уважаемые лондонцами за строгость жизни, были духовными наставниками благочестивых горожан. В 1499–1503 гг. сюда в поисках уединения и жизни, наполненной молитвой и созерцанием, удалялся лондонский юрист,

будущий лорд-канцлер и католический мученик, сэр Томас Мор.

В Лондоне было также и 5 обителей каноников-августинцев: Св. Троицы у ворот Олдгейт, Сент-Бартоломью (Св. Варфоломея) в Западном Смитфилде, Сент-Мэри Спайтел (Св. Марии в Спитфилде) у Бишопсгейт, Св. Марии у ворот Криплгейт и Сент-Мэри Оверис (Св. Марии-за-рекой) на южном берегу Темзы, в Саутворке. Каждый из монастырей (кроме обители Св. Троицы) управлял большим госпиталем.

Кроме этих обителей, в округе Лондона располагался английский приорат ордена рыцарей-иоаннитов (приорат Св. Иоанна в Клеркенуэлле), а также кельи отшельников (из числа монахов цистерцианского аббатства Гарендон в Лестершире) при церкви Сент-Джеймс (Св. Иоанна-у-стены), находившиеся, как явствует из названия, у городской стены, рядом с воротами Криплгейт.

В окрестностях города находилось и еще несколько крупных обителей, оказывавших большое влияние — духовное и экономическое — на жизнь лондонцев. В Иплсворте, противоположном от королевского дворца в Ричмонде, находилось аббатство Сион — относительно недавно (в XV веке) основанная бригиттинская обитель. Еще два влиятельных монастыря тогда же были построены францисканцами-обсервантами в Ричмонде и Гринвиче, неподалеку от королевских дворцов.

Помимо собственно монастырей, в Лондоне и его округе было множество монашеских общин, целью существования которых были госпитали, обычно соединявшие в себе функции больницы и приюта для бедных и сирот. Наиболее крупные лондонские госпитали управлялись канониками-августинцами. Госпиталь в Сент-Мэри Спайтел был одним из самых больших в Англии. Он мог принять 180 больных.

Госпиталь Св. Марии у Криплгейт был приютом для слепых. Госпиталь Св. Варфоломея в Смитфилде (старейший из ныне существующих) и Св. Томаса [Бекета] в Саутуорке (управлявшийся канониками из Сент-Мэри Оверис) принимали неимущих больных. В госпитале Св. Томаса даже было «отделение», куда могли обратиться за помощью незамужние беременные женщины.

Госпиталь Сент-Кэтринс (Св. Екатерины) у Тауэрхилла (нынешний док Сент-Кэтринс) представлял собой приют для старых и больных. Он находился под патронатом английских королей.

Госпиталь Сент-Энтони (Св. Антония) давал бедным путникам кров, еду и одежду, а также лечил больных от «Антониева огня» (эрготизма). Госпиталь Сент-Джайлс (Св. Эгидия-в-полях) за городскими стенами (возле нынешней Тоттенхэм-корт-роуд) принимал прокаженных. Еще одной обителью для прокаженных (девственниц) был госпиталь Сент-Джеймс (Св. Якова-в-полях). На Стрэнде в 1512 г. открылся госпиталь Св. Иоанна, который из-за близости с королевским дворцом Савой получил такое же название. Средства для госпиталя были оставлены Генрихом VII в его завещании; он давал приют сотне бедняков.

Госпиталь Св. Марии, управлявшийся братьями и сестрами Ордена Вифлеемской звезды, а в лондонском просторечии Сент-Мэри Бетлэм, или Бедлам, был единственным на всю страну приютом умалишенных. Кроме него, у Чаринг-Кросс был расположен госпиталь Сент-Мэри Ронсевал (Св. Марии), получившей название от материнской обители — августинского монастыря из Ронселалля (Наварра). Он, как и три госпиталя клюнийцев, находившиеся у Олдегсгейт, Криплгейт и Олдборна, давал приют лондонским беднякам.

В Чипсайде существовал госпиталь Св. Томаса (Фома) Бекета, принадлежавший монахам ордена Св. Томаса (Фома Акрского). Основанный как рыцарский, к концу XV в. он стал монашеским, а его госпиталь стал приютом для старых монахов. Существовал и еще один своего рода «дом престарелых» для священников — приют при церкви Св. Августина-у-стены.

Монастыри и их обитатели были связаны с жизнью лондонцев тысячью уз. Монастыри владели недвижимостью и прочей собственностью в столице и ее округе, так что многие местные жители являлись их арендаторами. Кроме того, обители вели и активную хозяйственную деятельность, создавая рабочие места и, следовательно, являясь работодателями сотен лондонцев.

Больные и неимущие жители столицы были и объектами благотворительной деятельности монашеских орденов. Выше уже перечислялись госпитали, которых в начале XVI в. в столице насчитывалось шестнадцать. Кроме них, обители содержали приюты для престарелых бедняков и регулярно раздавали милостыню в виде мелких монет и еды. Таким образом, монастыри играли ключевую роль в организации системы здравоохранения и социальной защиты, имевшей столь большое значение для неимущих горожан.

Однако главной обязанностью монахов, смыслом их существования, была молитва за всех христиан, а также наставление последних в вере. Сама молитва протекала в монастырских стенах и в принципе была отделена от жизни мирян, хотя многие из них могли присутствовать на службах в монастырских церквях и молиться вместе с монахами. А благотворителей монастырей, которые зачастую были и похоронены в них, монахи регулярно поминали и служили

поминальные мессы. Так что и в молитве проявлялось постоянное взаимодействие монахов и мирян.

Что же касается наставлений, то они требовали такого взаимодействия. Оно могло принимать различные формы. Во-первых, многие монахи, особенно братья нищенствующих орденов — доминиканцы, францисканцы, кармелиты, — были проповедниками. В начале XVI века проповеди еще не стали постоянной чертой приходской жизни, но это не означает, что миряне редко слышали проповеди. Эту нишу заполняли проповедники-монахи, пользовавшиеся большой популярностью. Поскольку обители нищенствующих орденов, как правило, располагались непосредственно в городах или рядом с ними, горожане слышали проповеди гораздо чаще сельских жителей. А жители Лондона, с его многочисленными монастырями и приоратами нищенствующих орденов и вовсе были избалованы вниманием лучших проповедников страны. Ведь именно в Лондоне, у креста Св. Павла, располагалась главная проповедническая кафедра страны. Можно утверждать, что для столичных жителей начала XVI века проповеди были уже обычным явлением.

Другим каналом воздействия были исповеди и беседы, проводившиеся исповедниками с мирянами. Многие горожане, имея богатый выбор, предпочитали исповедаться не в собственном приходе, а в одном из многочисленных монастырей, следуя в этом собственному выбору.

Церкви, монастыри и монашеские общины наставляли горожан и иным способом — через систему образования. Самая знаменитая школа Лондона — школа при соборе Св. Павла — была основана в 1512 г. настоятелем собора, Джоном Колетом. Он был сыном сэра Генри Колета, богатого торговца тканями, дважды — в 1486 и 1495 гг. — бывшего лорд-мэром

Лондона. Его сын, единственный из 22 детей доживший до совершеннолетия, унаследовал состояние отца и большую часть его потратил на создание школы. В ней должны были учиться 153 мальчика из бедных семей. Обучение было бесплатным. Целью образовательного проекта было подготовить детей из семей небогатых горожан к жизни полезных членов городской общины, дав им представление о долге христианина, а также и образование, необходимое для того, чтобы найти достойную работу. Первым главой школы стал блестящий филолог-латинист Уильям Лилли (1468–1522).

Остальные лондонские школы по своему происхождению были более старыми и связанными либо с монашескими общинами, либо с приходскими церквями. Джон Стоу в числе главных школ города называет, помимо школы Св. Павла, школу Вестминстерского аббатства и школу аббатства Бермондси. Помимо них, существовали еще две школы в Смитфилде — при приорате Св. Иоанна Иерусалимского (рыцарей-иоаннитов) и при августинской обители Св. Варфоломея, школа при другом августинском монастыре — Св. Троицы у Олдгейт, и на другом берегу Темзы — школа при монастыре Сент-Мэри Оверис в Саутворке. К ним прибавлялись еще школы при госпитале Св. Томаса (Фомы) Акрского и Св. Антония. Последняя считалась одной из лучших; в ней в свое время учился Томас Мор. Школы существовали также в приходах Сент-Мартин-ле-Гранд (Св. Мартина), Сент-Мэри ле Боу (Св. Марии) в Чипсайде, Св. Данстана-на-западе, Сент-Эндрю (Св. Андрея) в Олдборне, Олл Хэллоус (Всех Святых) на Темз-стрит и Сент-Питер (Св. Петра) на Корнхилле.

Взаимодействие монахов и мирян могло принимать и не прямые, но от этого не менее действенные формы. Ведь монастыри испокон веку были

центрами, производившими и распространявшими книги, в том числе и наставления в христианской жизни, в которых высокие достижения монашеской духовной традиции адаптировались к мирской жизни. На протяжении столетий такие наставления были рукописными и, как правило, выходили из монастырских скрипториев. В конце XV — начале XVI века с ними начали конкурировать (хотя и не вытеснили окончательно) печатные издания. Первый английский печатник и книготорговец, Уильям Кэкстон (1415/22–1492), основал свою типографию в Вестминстере, однако его знаменитые преемники, эльзасец Винкин де Ворд (ум. 1534) и нормандец Ришар Пинсон (1448–1529) перебрались в Лондон. Винкин де Ворд открыл типографию на Флит-стрит, в приходе Сент-Брайд, а Пинсон — неподалеку от него, в Темпл-Бар. Винкин де Ворд также открыл книжную лавку у собора Св. Павла. Благодаря им оба эти адреса — Флит-стрит и собор Св. Павла — стали ассоциироваться с печатью и книготорговлей.

Винкин де Ворд издал около 400 книг (800 изданий), а Пинсон — порядка 500 изданий. Подавляющее большинство их книжной продукции составляли книги религиозного содержания — служебники и молитвословы, жития святых, а также и наставительная литература на английском языке, предназначавшаяся грамотным мирянам, и прежде всего лондонцам, среди которых доля грамотных была выше, чем в среднем по стране.

Многие из издаваемых произведений выходили из-под пера монахов. Одним из наиболее популярных авторов был Ричард Уитфорд, монах бригеттинского монастыря Сион. Огромную популярность приобрела его книга «Работа домовладельцев» (1531), представлявшая собой руководство христианской жизни мирянина. До 1537 г. лондонский печатник Роберт

Редман выпустил 8 изданий этой книги. Другими, не менее популярными трудами Уитфорда были «Подготовка к причастию» (1531) и «Следование Христу» (1531) — английский перевод «Подражания Христу» Фомы Кемпийского. Последний труд был настолько популярен, что перевод Уитфорда был переиздан 5 раз в течение года. В 1530–1538 гг. эти и другие книги Уитфорда вышли в 32 изданиях и имели огромный успех. Помимо собственных работ, Уитфорд адаптировал для мирян наставления в религиозной жизни, изначально адресованные монахам и принадлежавшие перу Св. Бонавентуры и Св. Бернарда. Кроме того, он также готовил к изданию труды своих братьев-монахов — например, анонимный «Сборник молитв» (1528, 1530, 1531, 1532), составленный монахом-картузианцем. Другие бригеттинцы тоже издавали наставительные произведения. Старший современник Уитфорда, Уильям Бонд издал «Паломничество совершенства» (1526 и 1531) и «Наставления совести» (1527, 1534). А Джон Фьютерер издал в 1534 г. «Зерцало Страстей Христовых».

Произведения бригеттинцев и других монахов пользовались огромной популярностью в Лондоне. К сожалению, ввиду отсутствия источников, мы гораздо меньше знаем о том, каким образом эта раскупавшаяся литература усваивалась. На таком фоне интересным исключением является *commonplace-book* (рукописный сборник молитв, наставлений, рецептов и календарных сведений), принадлежавший лондонскому бакалейщику Ричарду Хиллу, торговавшему в столице в 1520–1530х гг. и жившему в приходе церкви Св. Андрея-под-шестом. В этом сборнике присутствуют многие молитвы и наставления, созвучные тем, что издавали примерно в то же время монахи-бригеттинцы. Хилл был необычен тем, что знал латынь, по крайней мере, мог на ней

читать. В его сборник вошел ряд латинских текстов, в том числе и руководство по подготовке к исповеди, предназначавшееся для священников.

Таким образом, можно констатировать, что для части образованных лондонцев монашеская религиозная традиция не представлялась чем-то чуждым и непонятным; напротив, она успешно адаптировалась ими и воспринималась как руководство, помогающее строить их собственную духовную жизнь.

Привязанность лондонцев к монастырям выражалась и более материальным образом. Вклады в монастыри, предназначавшиеся для монашеской общины или же для нужд благотворительности, были весьма распространенными. Выше уже шла речь о королевских пожертвованиях на строительство капеллы в Вестминстерском аббатстве и госпиталя Савой. Богатые лондонцы ненамного отставали от своего короля. Так, в 1504 г. сэр Джон Персивал, купец, принадлежавший к гильдии портных и суконщиков, завещал средства на строительство нового шпиля для церкви госпиталя Св. Екатерины.

В 1516 г. от пожара сильно пострадал монастырь кларисс. Однако вскоре он был отстроен заново. Средства на строительство были выделены городским советом Лондона (100 марок), лорд-мэром и богатыми горожанами (еще 200 марок). В 1517–1522 гг. монашеская община госпиталя Св. Фомы Акрского получила новый зал капитула и новую капеллу, отстроенные на средства гильдии торговцев тканями.

В 1522 г. бакалейщик, сэр Джон Милборн, завещал монастырю «братьев с крестами» деньги на строительство приюта. По распоряжению завещателя, 14 небольших домиков должны были принять такое же количество местных стариков, лишившихся в силу возраста средств к существованию, и их жен, если таковые имелись.

Делались и гораздо меньшие по масштабу вклады. По подсчетам историков, в каждом втором из сохранившихся от начала XVI века завещаний лондонцев часть средств оставлялась одному или несколькими монастырям.

Не стоит, впрочем, считать, что отношения между духовенством и мирянами в Лондоне были безоблачными. Монастыри, приходские и коллегиальные церкви и собор являлись землевладельцами, владельцами недвижимости, сдававшейся в аренду лондонцам, а также и работодателями многих из них. Соответственно, споры и судебные тяжбы относительно имущественных прав и платежей были неизбежными.

Однако чаще всего конфликты возникали из-за десятины. В начале XVI века споры из-за десятины, дошедшие до суда, имели место в трети всех лондонских приходов. Речь шла о том, что каждый мирянин обязан был выплачивать в пользу приходской церкви — на ее содержание, — определенную сумму денег. Если в сельской местности десятина часто имела натуральный характер и выплачивалась мерами зерна и головами скота, то в административной и деловой столице страны все платежи производились звонкой монетой. Лондонцы должны были платить церкви 3 шиллинга 5 пенсов с каждого фунта арендной платы за дом или с каждого фунта из той суммы, в которую этот дом оценивался (для домовладельцев). Бедняки, снимавшие комнаты, слуги и т. п. должны были платить 1 пенс с шиллинга стоимости найма комнаты, или просто 1 пенс. В XV веке к ним прибавился гораздо более спорный платеж — десятина с заработной платы, отнюдь не приводившая в восторг многих лондонцев, работавших по найму. Кроме того, теоретически полагалось платить десятину и со всех доходов — порой весьма значительных. На

практике же это определялось личным благочестием лондонцев. Полагалось также платить за исполнение треб — венчания, похороны, благословение женщин после родов — а также вносить небольшой вклад (от 1 пенса) каждый год в день молитвы за покойных прихожан.

Споры об уплате десятины были весьма распространены в Лондоне; порой они возникали и оттого, что лондонцы, живя в большом городе с множеством церквей, чувствовали себя в меньшей мере связанными с приходом, которому уплачивалась десятина, нежели с избранными ими самими братствами и/или монастырскими обителями, становившимися объектами их благотворительности.

Однако сам принцип существования десятины лондонцами не оспаривался. В 70 % завещаний, составленных в начале XVI века, упоминаются невыплаченная в силу забывчивости или по иной причине десятина, и душеприказчикам предписывается возместить ущерб. Таким образом, лондонцы или их наследники десятину все же платили, хотя порой явно со скрежетом зубовным.

Другой существенной проблемой являлась запутанная ситуация с юрисдикциями в городе, способствовавшая росту преступности. Тому было две причины. Одна из них заключалась в существовании права убежища. Начиная с VII века все церкви имели право давать приют беглым преступникам в течение 40 дней. По истечении этого срока преступники должны были либо предстать перед судом, либо признать себя виновными и отправиться в изгнание за пределы страны. Кроме того, некоторые церкви и монастыри в силу королевского пожалования имели право принимать не только лиц, совершивших уголовные преступления, но и убийц и политических преступников — противников правящей

династии, например. Придя к власти, Тюдоры — Генрих VII и его сын Генрих VIII, — существенно ограничили право убежища, сократив число санктуариев (мест, где предоставлялось убежище), а также и список правонарушений, на которые такое право распространялось.

Тем не менее, в Лондоне оставалось несколько убежищ, ставших в XVI веке настоящим рассадником преступности. Самым крупным среди них было Вестминстерское аббатство. Благодаря праву убежища на его окрестности не распространялась юрисдикция городских властей или епископа Лондонского: Вестминстер управлялся аббатом и подчинялся юрисдикции чинов королевского двора в том случае, если король пребывал там в своем дворце. Парадоксальным образом место, где по традиции собирался парламент, — источник закона Англии и верховный суд, — располагалось в опасном районе, где воры и проститутки чувствовали себя безнаказанно. А грабежи на Стрэнде, соединявшем Лондон и Вестминстер, были обычным делом.

Здесь сказывалась и близость другого убежища — при церкви Сент-Мартин-ле-Гранд, которая с 1504 г. подчинялась юрисдикции Вестминстерского аббатства. Этот район стал домом воров, должников, а также многочисленных ремесленников и торговцев-иностранцев, которые порой занимались своей деятельностью в обход суровых городских правил, регулировавших жизнь иностранцев в Лондоне. А это, в свою очередь, вызывало большое недовольство местных жителей, опасавшихся конкуренции со стороны иммигрантов. Глухое недовольство прорвалось печально знаменитым бунтом 1517 г., о котором уже шла речь, но мелкие конфликты случались постоянно. Неудивительно поэтому, что иностранцы предпочитали селиться вместе и за пределами

городских стен или, по крайней мере, там, где законы Сити не действовали.

Кроме того, существовали и другие районы, которые, хотя и не являлись убежищами, были, тем не менее, изъяты из-под действия городской юрисдикции. Как правило, это была округа того или иного монастыря или госпиталя, обладавшая особыми правами. Например, вокруг монастыря кармелитов Уайтфрайарз (между Флит-стрит и Темзой), не подчинявшегося городским властям, со временем сложился печально знаменитый район «Малый Эльзас», куда представители закона опасались сунуться. Он стал прибежищем воров и разбойников на несколько столетий.

Подобную же дурную славу имели и районы у Тауэр-Хилла, вокруг монастыря кларисс, находившегося в папской юрисдикции, и госпиталя Св. Екатерины, подчинявшегося не городу, а королю. А на другом берегу реки располагался Саутворк, большая часть которого подчинялась не Сити или епископу Лондонскому, а епископу Винчестерскому. Поэтому эти районы предпочитали обживать люди, находившиеся в конфликте с законом светским или церковным — должники, содержатели арен, где проводились петушинные бои и травля медведей, а также притонов и борделей.

Еще одна сфера, в которой периодически возникали конфликты, также относилась к области законов. Лондон как столица был средоточием судебной деятельности. Здесь заседали все высшие суды страны; здесь же, в судебных Иннах и окрестностях, жила и работала многочисленная община юристов общего права, от которых, в свою очередь, зависели их клерки, помощники, слуги и домочадцы. Как и во всех странах Европы, в Англии светские и духовные суды конкурировали друг с другом. Во-первых, речь шла о делах, которые находились в ведении светских

и духовных судов — например, дела о завещаниях. Здесь юристы общего и канонического права выступали в качестве соперников.

Кроме того, существовала и так называемая «привилегия клирика», изымавшая любого человека, принадлежавшего к духовному званию, из-под действия общего права и передававшего его церковному суду. На практике это означало, что поскольку церковные суды не могли приговаривать к смертной казни, клирики, виновные в тяжелых преступлениях, например в убийстве, отделялись более мягким наказанием, тогда как мирянина за это повесили бы.

Напряжение, которое могло возникнуть в ситуации пересекающихся и налагающихся друг на друга правовых систем, отчетливо проявилось в деле Ханна, вызвавшем бурную реакцию городской элиты Лондона. Ричард Ханн был членом гильдии портных и торговцев готовым платьем. От прочих своих собратьев он отличался интересом к запрещенной в начале XVI века религиозной литературе круга лоллардов, последователей учения богослова XIV века Джона Уиклифа (это учение позднее признано еретическим, см. ниже), а также любовью к судебным тяжбам, которые его и сгубили.

В марте 1511 г. умер маленький сын Ханна. По традиции, в случае смерти младенца его крестильную рубашку (порой сшитую из дорогой ткани) передавали священнику, отслужившему погребальную мессу. Однако Ханн отказался это сделать. В тот момент священник прихода Сент-Мэри (Св. Марии) Мэтфеллон в Уайтчепле, где произошел спор, не стал настаивать на своих правах. Однако спустя несколько месяцев, в ноябре 1511 г., Ханн и его друг оказались замешанными в еще один конфликт с настоятелем и старостами прихода Св. Михаила в Корнхилле относительно права на держание. Конфликт привел

тяжущиеся стороны в суд лорд-мэра. После этого лондонские клирики были куда меньше настроены спускать Ханну его прегрешения.

В апреле 1512 г. Ханн был вызван в суд архиепископа Йоркского — папского легата в Англии, кардинала Томаса Уолси (1470/71–1530) по обвинению в неуплате за требу. Процесс Ханн проиграл, и его обязали уплатить деньги. Не сохранилось никаких сведений о том, уплатил ли он их. В декабре 1512 г. он пришел в церковь Св. Марии на вечерню, однако викарий, Томас Маршалл, назвал его отлученным от церкви и приказал покинуть храм. Не вполне понятно, связаны ли слова священника с предыдущим судебным процессом или с подозрениями властей в том, что Ханн склонялся к еретическому учению.

Как бы там ни было, Ханн решил, что лучшая защита — нападение, и выдвинул против Маршалла обвинение в клевете; иск был подан в королевский (светский) суд. Кроме того, он обвинил Маршалла, а также всех, кто был вовлечен в предыдущий судебный процесс о выплате требы, в совершении преступления, которое английские законы называли термином *praemunire* — то есть обращении в церковный суд, власть которого происходит из источника, находящегося вне Англии, в обход собственно английских судов. В данном случае речь шла о том, что дело рассматривалось в суде легата, власть которого была дарована ему папой римским.

Рассмотрение нового иска в Суде Королевской скамьи затянулось на весь 1513 г., а в октябре 1514 г. Ханн был арестован по обвинению в ереси. В его доме был проведен обыск, причем была обнаружена Библия на английском языке с запрещенным предисловием, написанным Уиклифом. Конечно, никакой епископской лицензии, разрешавшей мирянину читать подобные тексты, он не имел. Ханн был помещен

под стражу в тюрьму епископа Лондонского, «Башню лоллардов» при соборе Св. Павла. 2 декабря Ханна допросили в присутствии епископа Лондонского Ричарда Фицджереймса, а 4 декабря заключенного нашли повесившимся в своей камере.

Канцлер (глава суда диоцеза) лондонской епархии Уильям Хорси заявил, что Ханн совершил самоубийство, опасаясь смертного приговора за ересь. Был проведен посмертный процесс; Ханна признали виновным в ереси на основании того, что он, по словам свидетелей, критиковал злоупотребления клира, отрицал пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы во время таинства евхаристии и разделял мнение Уиклифа. Имущество Ханна как еретика было конфисковано, а его тело публично сожжено 20 декабря 1514 г.

Однако на этом дело не кончилось. Лондонская городская корпорация была возмущена посягательством на одного из представителей городской элиты, хотя они и не разделяли его взглядов. В феврале 1515 г. присяжные суда лондонского коронера вынесли вердикт, согласно которому Ханн не повесился, а был убит. В качестве обвиняемых называли тюремщиков Ханна. Один из них, Чарльз Джозеф, был арестован и признался в убийстве. Он также показал, что его сообщниками были второй тюремщик, Уильям Спалдинг, а также и канцлер Хорси. Впрочем, Джозеф был незадолго до этого уволен по приказу Хорси, так что у него был мотив обвинить обидчика, представив то, что, скорее всего, было попыткой скрыть незаконные пытки, примененные против Ханна, как заговор духовенства. Мотивов, по которым Хорси мог бы убить Ханна, не обнаружили ни беспристрастные современники, ни историки позднейших времен.

Однако многие лондонцы так не думали. Из смутьяна и еретика Ханн превратился в мученика,

лондонские магистраты настаивали на том, чтобы предать Хорси суду. Возник вопрос и о том, как его судить. Как клирик, Хорси не должен был предстать перед светским судом, на чем настаивали именитые лондонцы.

Дело обсуждалось на заседаниях парламента 1515 г. и вылилось в бурные дебаты о границах светской и духовной юрисдикций и о привилегии клириков. Самого Хорси, впрочем, признали невиновным. А конфликт, касавшийся судебных привилегий духовенства, постепенно сгладился. Тем не менее, дело Ханна позднее дало оружие в руки следующего поколения юристов и горожан — тех, кто увлекся идеями протестантской Реформации.

Имущественные и судебные споры мирян и духовенства в начале XVI века были, впрочем, «рабочими» — серьезными, но неизбежными при таком переплетении юрисдикций и имущественных интересов. Большинство лондонцев, как и англичан в целом, были довольны своей церковью, хотя и не отрицали того, что в ней есть проблемы и злоупотребления властью, которые неплохо было бы устранить.

Основными жалобами мирян, когда речь шла о священниках, были нон-резиденство и плюрализм. Церковные каноны предписывали священникам постоянно пребывать в своих приходах, отправлять службы и заботиться о пастве. Однако на практике многие священники отсутствовали в приходах, либо потому, что имели под своим началом несколько приходов (т. е. были плюралистами), либо потому, что находились на королевской службе в качестве дипломатов или же являлись капелланами знатных семейств.

Лондонские священники, как правило, пребывали в своих приходах, а если все-таки отсутствовали (ведь многие из них находились на королевской

службе), то назначали викариев, выполнявших их обязанности. Что же касается плюрализма, то здесь картина была менее оптимистичной. Проблема существовала на протяжении столетий, главным образом потому, что большая часть приходов была слишком бедной, чтобы адекватно содержать священника. Только получение другого прихода помогало такому «бедняку» свести концы с концами, но при этом значительно осложняло выполнение пастырских обязанностей.

Лондон в данном отношении был более благополучен, нежели провинции, поскольку его приходы были относительно богатыми. Половина из них приносила священникам не менее 20 фунтов в год, а порой и гораздо больше. Тем не менее, оставалась и вторая половина. Кроме того, многие клирики, задействованные на королевской службе, получали богатые лондонские приходы в качестве платы за услуги. В результате 16 % священников в Лондоне имело два прихода, 11 % — три, а 3 % — более трех. Это обстоятельство порой раздражало прихожан, требовавших «своего» священника.

Но в целом «качество» лондонского духовенства было выше, чем в среднем по стране. Лондонское духовенство было более образованным. В 1479–1529 гг. 60 % священников были выпускниками университетов. Согласно документам 1522 г., из 66 священников 7 имели степень доктора богословия, еще 44 — магистра свободных искусств. Образованные священники могли похвастаться блестящим знанием Св. Писания и были способны проповедовать. Известны и священники, собравшие большие библиотеки, которыми могли пользоваться их собратья из других приходов. Таким библиофилом был Уильям Ламберт, настоятель церкви Всех Святых, а чуть ранее, в конце XV века, — Уильям Личфилд, священник Большой Церкви Всех

Святых в Хани-лейн. В его коллекции насчитывалось 3083 рукописных проповедей.

Повышение образовательного уровня священников отражало растущую требовательность к нему как со стороны старшего духовенства, так и со стороны мирян. Под влиянием течений, стремившихся реформировать жизнь церкви в соответствии с идеалом древнего христианства, а также и христианского гуманизма, и элита духовенства, и многие миряне хотели видеть клириков настоящими наставниками мирян, способными не только наставлять их в христианском учении и проповедовать, но также и служить примером чистой, христианской жизни.

Сторонники реформы церкви были добрыми католиками в том, что касалось самого учения церкви. Однако они считали, что порой некоторые существующие религиозные практики — например, почитание святых и связанные с ними паломничества, почитание мощей и т. п., будучи сами по себе вполне ортодоксальными, доходят до крайностей, превращаются из почитания в поклонение. Это происходит от небрежности духовенства и невежества паствы. Именно эти беды и была призвана исцелить реформа.

В числе сторонников реформы был уже упоминавшийся Джон Колет. Лондонец до мозга костей, основатель лучшей столичной школы, он в молодости путешествовал по Европе, побывал в Италии и Франции, где познакомился с достижениями ренессансной философии, богословия и филологии. Он был другом и корреспондентом знаменитого ученого Эразма Роттердамского, сторонником распространения образования, священником — и одновременно жесточайшим критиком пороков современного ему духовенства. В 1511 г. на заседании конвокации (собрания духовенства) он произнес знаменитую проповедь, призывавшую английских клириков к реформе.

В основанной Колетом школе преподавали лучшие ученые — например, Уильям Лилли. А богослов и филолог-классик Уильям Гросин (1446? — 1519) с 1504 г. произносил лекции для соборного духовенства.

Многие образованные лондонцы разделяли идеалы кружка Колета. И в целом требовательность мирян к своим пастырям повысилась. Если в других районах Англии прихожане были готовы закрыть глаза на то, что священники порой нарушали требования celibата и сожительствовали с женщинами (которых именовали экономами, служанками и т. п.), то в Лондоне такое поведение чаще всего вызывало многочисленные жалобы со стороны мирян и приводило нарушителей в суд.

Лондонцы также рассчитывали на образованных клириков, способных учить их и проповедовать. В сохранившихся завещаниях порой упоминаются суммы, причитающиеся священникам за регулярные проповеди. В 1499 г. лондонский шериф Джеймс Уитфорд оставил средства для оплаты трудов проповедника в своем приходе. Позднее так же поступил и его коллега, сэр Джон Тёрстон, оставивший на проповеди довольно значительную сумму — 40 фунтов.

Как мы видим, лондонцы в начале XVI века были добрыми католиками, хотя и довольно раздражительными, хваткими в том, что казалось им наступлением на свои права, а также требовательными к пастырям.

Еретические общины в Лондоне

В столице, как и во всей Англии, существовали и другие группы верующих, чье недовольство определялось их религиозными взглядами, отличавшимися от принятых церковью и признанными ею еретическими.

«Главными» еретиками позднесредневековой Англии были лолларды. Разрозненные группы последователей учения богослова XIV века Джона Уиклифа никогда не составляли единой церкви и не были связаны общим учением. В единую группу они объединяются скорее в силу того, что так их «классифицировали» преследователи — чиновники епископских судов.

В самом общем виде богословские положения лоллардов можно свести к следующему. Лолларды настаивали на том, что основой религиозной жизни должно служить Св. Писание, доступное всем верующим. Поэтому их общины объединяло стремление к изучению Библии в переводе Уиклифа. Лолларды критиковали католическую церковь за то, что та с течением времени погрязла в мирских делах и не выполняет свой пастырский долг, а чистота апостольского учения замутнилась. Искажения древнего учения, по их мнению, проявились во многих чертах современной им церковной жизни. Молитва за

умерших и служение многочисленных поминальных месс отвлекали священников от выполнения их долга перед прихожанами — наставления в истинной вере. Кроме того, как считали лолларды, молитва должна в равной мере доставаться всем, а не только самым богатым, способным за это заплатить.

Богатое украшение церквей они тоже считали излишним; средства лучше было бы израсходовать на помощь нуждающимся, проповеди и наставления прихожанам. Многие лолларды вообще подозрительно относились к почитанию икон, полагая, что порой оно переходит всякие рамки и превращается в идолопоклонство.

Лолларды полагали, что священником — учителем и наставником — человека делает не принадлежность к духовному сословию и таинство рукоположения, а божественная благодать. Таким образом, священником может быть каждый, а священство не обладает особой властью. Вследствие этого лолларды не считали необходимым исповедаться священникам, так как полагали, что те не обладают властью отпускать грехи. Они также оспаривали представление о необходимости безбрачия священников, а также настаивали на том, что священники должны быть пастырями, а не вмешиваться в политические дела и тем более не занимать государственных должностей, отвлекающих их от духовного служения.

Лолларды отвергали учение о пресуществлении хлеба и вина в причастии и полагали, что таинство евхаристии является воспоминанием об искупительной жертве Христа. Они также считали излишними церковные ритуалы, связанные с изгнанием злых духов, крестными ходами и паломничествами, благословениями. По их мнению, церковь должна была сосредоточиться на учении Христа, а не на внешних церемониях.

Впрочем, отнюдь не все из тех, кого причисляли к лоллардам, разделяли эти взгляды. Порой лоллардами называли тех, кто критиковал обмирщение церкви и суеверия прихожан и интересовался изучением Библии на родном языке, что само по себе ересью отнюдь не являлось. Большинство из дошедших до нас рукописей английского перевода Библии, сделанного Уиклифом, не содержали написанного им «еретического введения». Ведь владельцев рукописей интересовало само Св. Писание.

Общины лоллардов в Лондоне существовали на протяжении всего XV столетия, и в начале XVI века они были довольно многочисленными. Епископ Лондонский Ричард Фитцджереймс считал, что в 1510–1518 гг. в Лондоне было 39 таких групп. Это неудивительно: Лондон был самым большим городом страны, с постоянно растущим населением, прибывавшим туда из всех уголков Англии. Поэтому в столице было гораздо легче затеряться тем, кто не хотел привлекать к себе излишнего внимания властей. Кроме того, сам приток населения в столицу увеличивал шансы на то, что в числе прочих там окажутся и лолларды.

Общины лоллардов собирались в частных домах, порой по ночам. Эти сборища иногда называли «ночными школами». Их «ученики» собирались не ради общего богослужения, но ради наставления в вере. Например, существовавшая в 1510–1518 гг. группа, объединявшая суконщика Ричарда Уолмена, медника Джона Калвертона и др., собиралась ради совместного чтения Библии, толкования прочитанного, наставлений.

Книги — Библия и рукописные сборники проповедей — играли важную роль в жизни лоллардов. Это отчасти ограничивало круг людей, которые могли входить в их общины. Ведь книги были дорогими,

а большинство англичан в начале XVI века не умели читать.

Однако последнее обстоятельство отчасти уравновешивалось их способностью воспринимать огромный объем информации на слух и запоминать даже довольно длинные тексты. Один из лондонских лоллардов, рабочий-шерстяник и водонос Роберт Бенет из прихода Сент-Мэри (Св. Марии) Сомерсет на Темз-стрит, хотя и был неграмотным, постоянно носил с собой рукопись четырех Евангелий. Поскольку прочесть ее он не мог, он регулярно приглашал в свой дом книготорговца Томаса Кейпона, который, собственно, и продал ему рукопись, с тем чтобы Кейпон читал ему Евангелия и толковал их.

Порой лолларды владели целыми коллекциями. Одна из них принадлежала состоятельному лондонцу Томасу Ости. Его жена Джоан получила в приданое рукопись одного из сочинений Уиклифа, которая передавалась в ее семье из поколения в поколение. Как мы видим, общины лоллардов часто бывали связаны семейными узами. Были и социальные связи: большая часть лоллардов принадлежала к сословию ремесленников и мелких торговцев. Высокая мобильность этой группы обеспечивала возможность уйти от преследований. Впрочем, среди лоллардов (особенно в XV веке) порой оказывались и высокопоставленные люди, принадлежавшие к городской элите, например Джоан Бутон. Ее дочерью была леди Янг, жена лорд-мэра Лондона Джона Янга (1466).

Уже в XVI столетии к общине лоллардов принадлежал ювелир Джон Баррет из Чипсайда. Уже упоминался и Ричард Ханн, принадлежавший к влиятельной городской гильдии. С другой стороны, многие лолларды относились к числу простых подмастерьев.

О жизни лоллардов могут поведать документы из архива суда епископа Лондонского. Так, из

них мы узнаем, что в 1520-х гг. их община собиралась в Бёрдз-элли (Птичьем переулке) неподалеку от церкви Св. Стефана, что на Коулмен-стрит, в доме портного Уильяма Рассела. Основателем общины стал рыцарь Джон Гейтор из прихода Сент-Маргарет Лотбери (Св. Маргариты на Лотбери-стрит) и галантерейщик Джон Тьюксбери из прихода Св. Мартина у Лангейт. Последний начал самостоятельно изучать Св. Писание с 1512 г. Позднее к группе присоединился Кони, клерк, работавший в школе при Госпитале Св. Антония, и его жена, жившие на Чипсайде, и многие другие. Их «отцом» и учителем, наставлявшим их в вере, был Джон Хакер — проповедник-лоллард, постоянно путешествовавший по стране и таким способом избегавший ареста.

Члены группы были арестованы в 1527 г., главным образом потому, что некоторые из них привлекали внимание церковных властей ранее, однако были отпущены после обещания отречься от еретических суждений. У нас нет сведений о том, чтобы участников собраний лоллардов сожгли на костре. По всей видимости, большинство предпочло произнести формальное отречение, что спасало жизнь и возвращало свободу. До 1522 г. казни лоллардов были относительно редкостью — 29 (возможно, 34) казни на 544 процесса еретиков по всей стране. Однако позднее ситуация изменилась вместе с проникновением в страну с континента иных идей, принесших с собой бурю Реформации.

«Ветер перемен»

Выступление Мартина Лютера с критикой католической церкви и новыми богословскими идеями быстро привлекло внимание всей Европы. Его книги появлялись повсюду, и естественными каналами распространения чаще всего становились студенты-богословы и торговцы — то есть те, кто перемещался из одного города в другой.

Англию не минула общая участь. Уже в 1518 г. в столице страны начинали распространять первые лютеранские сочинения. Как и следовало ожидать, книги Лютера, обращенные ко всем христианам его родной страны, были написаны по-немецки. Поэтому первыми читателями Лютера в Англии стали немецкие и голландские купцы, а центром распространения книг был Стил-ярд («Стальной двор»), подворье Ганзейской Лиги, открывшееся в 1475 г. в Лондоне, на северном берегу Темзы, у впадения в нее речки Уолбрук. Теперь на этом месте находится станция метро Кэннон-стрит.

Постепенно с сочинениями Лютера знакомились и контактировавшие с немцами англичане — прежде всего, купцы и юристы. В числе новообращенных правоведов оказались Саймон Фиш (ум. 1531) и Джеймс Байнем (ум. 1532), Уильям Коллинз, Роберт Пакингтон, Кристофер Бриттайн, Николас Арнолд, Фрэнсис Дэнэм, Томас Гоневелл.

Книги Лютера (их латинские версии) ввозились в Англию, начиная с 1518 г. Они пользовались успехом среди образованных лондонцев, особенно лоллардов и симпатизировавших им, а также среди студентов-богословов, желавших знать то, о чем говорила вся Европа.

Кембридж, находившийся неподалеку от портов Восточной Англии, также стал одним из ранних центров распространения нового учения. Там его сторонники собирались в таверне «Уайтхорс» («Белая Лошадь»), которую их оппоненты именовали «Малой Германией», обсуждали прочитанное и толковали Св. Писание. В их числе были Томас Артур, Томас Билни (ок. 1495–1531), Джон Фрит (1503–1533), Роберт Барнс (1495–1540) и другие. Они вскоре отправились проповедовать новообретенные истины в Восточной Англии и Лондоне.

Их взгляды различались по содержанию. Одни — как, например, Фрит и Барнс, разделяли учение Лютера об оправдании (т. е. спасении души) только верой (*sola fide*) и учили, что, хотя добрые дела и являются внешним знаком обретения человеком божественной благодати, сами по себе не могут заслужить ему вечное блаженство. Следовательно, для спасения души важнее истинная вера и принятие учения Христа, как оно представлено в Библии (знание Священного Писания), нежели участие в церковных процессиях, молитвы святым, паломничества и т. п. Почитание святых, по мнению реформаторов, выходило за всякие разумные рамки и превращалось в идолопоклонство.

Томас Билни разделял эти взгляды, однако он не готов был поставить авторитет Св. Писания выше авторитета церкви. Его понимание церкви и ее власти не отличалось от традиционного католического.

Однако все эти проповеди привлекали внимание к злоупотреблениям клириков и призывали христиан отказаться от внешних проявлений религиозных чувств — «идолопоклонства» — и обратиться к изучению Св. Писания, не замутненного ложными толкованиями. Молитвы же должны были обращаться непосредственно ко Христу — Искупителю грехов рода человеческого.

Протестанты предполагали, что Св. Писание должно было быть знакомо всем верующим. Однако в Англии в начале XVI века, в отличие от большинства континентальных стран, не существовало официально признанного перевода Библии на английский язык, который был бы доступен грамотным мирянам. В борьбе с ересью Уиклифа и лоллардами в предшествовавшем столетии было запрещено как переводить Библию на английский язык, так и читать перевод Уиклифа без особой лицензии епископа. Некоторые части Библии, — например, Псалтирь, — давно — еще с конца XIII века — существовали в английском переводе. Однако для того, чтобы ознакомиться с Библией целиком, англичанам приходилось обращаться к «еретическим» переводам. Власти порой объявляли таких людей еретиками, однако данное определение неверно по отношению ко многим: они просто желали читать Библию.

Одним из таких читателей был лондонский купец-суконщик Хамфри Монмут. Не будучи лоллардом, он имел много знакомых в их среде и держал у себя дома перевод Библии Уиклифа. В 1523 г. он оказал финансовую поддержку реформатору Уильяму Тинделу, начавшему подготовку своего перевода Библии.

Уильям Тиндел (1494–1536) был уроженцем Западной Англии — Глостершира. Он учился в Оксфорде, где в 1515 г. стал магистром свободных искусств и был рукоположен в священники. Уже в Оксфорде

Тиндел стремился к изучению Св. Писания и был глубоко разочарован, узнав, что начальный курс богословия, входивший в число предметов квадривия — магистерской программы, не включает в себя изучение Библии. Он организовал неформальную группу, изучавшую и толковавшую Св. Писание.

Тиндел был блестящим лингвистом, знавшим древние и новые языки — латынь, греческий и древнееврейский, французский, итальянский, немецкий и испанский. Перебравшись из Оксфорда в Кембридж, он изучал труды Эразма Роттердамского и перевел на английский «Наставление христианскому воину». Там же Тиндел встретился с Билни, Барнсом и другими представителями круга «Малой Германии» и познакомился с книгами Лютера и лютеровским переводом Библии на немецкий язык.

В 1521 г. Тиндел стал капелланом сэра Джона Уольша из Литтл-Содбери и наставником его детей. Однако неортодоксальные религиозные взгляды быстро привели Тиндела к столкновению с церковными властями Вустерского диоцеза. Согласно позднейшему рассказу протестантского мартиролога Джона Фокса, Тиндел был возмущен словами некоего клирика, заявившего: «Лучше нам остаться без Божьих законов, нежели без законов папы». На это Тиндел воскликнул: «Я отвергаю папу и его законы, и если Господь пощадит мою жизнь, я сделаю так, что любой английский пахарь будет знать Писание лучше, чем папа!»

Слова Тиндела не расходились с делом. В 1523 г. он отправился в Лондон, к столичному епископу Катберту Танстеллу (1474–1559). Танстелл имел репутацию ученого лингвиста и гуманиста, он был другом Эразма и Томаса Мора. Тиндел надеялся, что епископ Лондонский поддержит его проект по переводу Библии на английский язык. Однако Танстелл отнесся

к проекту перевода весьма скептически. Он усомнился и в учености Тиндела, и (вполне справедливо) в ортодоксальности религиозных взглядов последнего. Кроме того, Танстелл, как и многие его современники, считал, что чтение Библии мирянами, не подготовленными к этому ни богословским образованием, ни духовным опытом, приведет только к распространению ересей и нарушению мира христианского сообщества. Епископ отказался помочь Тинделу.

Однако в столице Тиндел быстро нашел другого спонсора. Им, как уже говорилось, стал Хамфри Монмут. Тиндел поселился в доме своего патрона в приходе Олл-Хэллоус Баркинг и занялся работой над английским переводом Библии. Кроме того, он проповедовал в церкви Св. Данстана — на Западе (Флит-стрит). В 1524 г. Тиндел покинул Англию и отправился в Германию. Он осел в Гамбурге и там продолжил изучение протестантских книг и лютеровского перевода Библии. Его собственный перевод был завершен в 1525 г., при помощи другого английского эмигранта — францисканца-обсерванта Уильяма Роя.

В 1525 г. перевод отправился в печать — в типографию Петера Кентелла в Кёльне. Однако из-за преследований лютеран в Кёльне печатание перевода пришлось прервать. Только в 1526 г. перевод Нового Завета на английский язык был издан печатником Петером Шёффером в Вормсе — вольном имперском городе, магистраты которого сами склонялись к лютеранству. Дополнительный тираж вскоре был отпечатан в Антверпене — крупнейшем центре книготорговли в Северной Европе, который к тому же был ближе всего к английским портам. Уже в 1526 г. экземпляры перевода Тиндела начали контрабандой ввозить в Англию и Шотландию. В Англии огромный интерес к переводу проявили студенты университетов и лолларды. Последние распространяли перевод

Тиндела через свою подпольную сеть. Пожалуй, с этого времени общины лоллардов и первых протестантов в Англии сливаются друг с другом и постепенно становятся неотличимыми.

Распространение учения Лютера в стране быстро вызвало беспокойство и противодействие властей церковных и светских. В 1520 г. взгляды Лютера были формально осуждены папой Львом X как еретические. Тогда же труды немецкого реформатора были осуждены в Англии. В Лондоне и Кембридже начали конфискацию запрещенных книг. А на следующий год лондонцев ждало необычное зрелище — первое, но отнюдь не последнее в своем роде. По приказу кардинала Уолси 12 мая 1521 г. у креста Св. Павла близ собора был сложен костер из конфискованных в столице книг Лютера. Пока они горели, на кафедру поднялся епископ Рочестерский Джон Фишер (1469–1535). Фишер был ученым-гуманистом и сторонником реформы церкви и устранения из ее жизни многочисленных злоупотреблений клира и суеверий. Епископ был популярен у себя в епархии и в Лондоне как благодаря своим проповедям, так и из-за строгого аскетического образа жизни, благотворительности и неукоснительного выполнения пастырских обязанностей.

Фишер был также блестящим полемистом и противником Лютера. Его проповеди против Лютера, звучавшие с главной проповеднической кафедры Лондона в 1521 г., были опубликованы в том же году. Фишера считают одним (а возможно, и единственным) автором трактата «Защита семи таинств», отвергавшего все основные положения учения Лютера. Трактат был обнародован как сочинение короля Генриха VIII в июле 1521 г. Вслед за этим текстом последовали и другие сочинения, написанные на латыни и предназначенные для европейских богословов.

Действия властей на протяжении 1520-х гг. были направлены против распространения запрещенных книг. Арестам подвергались книготорговцы и другие люди, замешанные в контрабанде и транспортировке книг Лютера, а позднее — тинделовского перевода Библии и полемических сочинений английских протестантов. Объектом преследований становились и первые проповедники-протестанты.

В канун Рождества 1525 г. Роберт Барнс — приор августинцев-еремитов в Кембридже — произнес проповедь, в которой критиковал священников за пренебрежение пастырским долгом распространения Евангелия и роскошь, в которой жило высшее духовенство. Хотя Барнс уже был знаком с книгами Лютера, он в то время еще вряд ли мог называться протестантом. А его проповедь, несмотря на критику духовенства, безусловно, не выходила за рамки общей программы реформаторов церкви. Однако он имел дерзость упомянуть самого богатого и могущественного клирика Англии — кардинала Уолси — и поплатился за это. Университетское начальство немедленно запретило Барнсу проповедовать, а в январе 1526 г. его арестовали по обвинению в ереси и отправили в Лондон по приказу кардинала.

11 февраля 1526 г. в Лондоне состоялось еще одно публичное сожжение лютеранских книг; как и в первый раз, проповедовал Фишер. Среди его слушателей выделялись пять коленопреклоненных фигур: это были Роберт Барнс и четверо немецких и голландских купцов, арестованных за распространение еретических книг. Обвиненные в ереси, они покаялись и отреклись от своих «заблуждений». В знак подчинения авторитету церкви и принятия истинного учения они должны были выслушать проповедь, стоя на коленях. Затем они участвовали в процессии,

неся в руках охапки хвороста, символизировавшие их вину и раскаяние.

После отречения Барнс провел несколько месяцев в тюрьме Флит, а затем был помещен в обитель августинцев-еремитов, его собратьев по ордену. Там он стал центром притяжения для тех лондонцев, лоллардов и не только, кто заинтересовался учением Лютера и тинделовским переводом Библии. В 1528 г. Барнс покинул Англию. Сначала он направился в Антверпен, где присоединился к Тинделу, а позднее оправился в Виттенберг, где познакомился с Лютером и его учениками.

В 1527 г. Томас Артур, Томас Билни и Джордж Джой (1495–1555), проповедовавшие отказ от почитания икон, были вызваны в Лондон кардиналом Уолси. Джой предпочел проявить благоразумие и бежал на континент, в Антверпен. Там он присоединился к группе эмигрантов-англичан, состоявшей из Тиндела, Барнса и другого кембриджского августинца, Майлса Ковердейла (1488–1569), Томаса Хиттона и Уильяма Роя. Эмигранты были открыты влиянием протестантских реформаторов — Лютера, а также Мартина Буцера и Ульриха Цвингли.

Артур и Билни были препровождены в Лондон. В Вестминстерском дворце кардинал Уолси организовал показательный судебный процесс, начавшийся 27 ноября 1527 г. Английские прелаты (а именно, Уолси, архиепископ Йоркский, Уильям Уорэм (1450–1532), архиепископ Кентерберийский, и восемь епископов) собрались для того, чтобы судить обвиненных в лютеранской ереси. На процессе Артур быстро признал себя виновным, покался и был освобожден после того, как дал клятву больше не проповедовать. Билни оказался более упрямым — но и более ортодоксальным. Его проповеди содержали довольно резкие нападки на эксцессы иконопочитания, однако

основные их положения не были лютеранскими. Билни на суде справедливо утверждал, что проповедовал отпущение грехов благодаря искупительной жертве Христа, а не еретические учения. Несмотря на это, 4 декабря 1527 г. Билни объявили еретиком, причем упорствующим в своих заблуждениях: за год до этого он уже имел столкновение с кардиналом Уолси, но был отпущен после клятвы не распространять учение Лютера. Теперь упорствующего еретика могли сжечь на костре. Однако епископ Лондонский Танстелл не стал оглашать приговор и объявил дело Билни открытым. Ему удалось уговорить Билни признать себя виновным и покаяться (7 декабря). Билни также запретили проповедовать. На следующий день, 8 декабря 1527 г., он, как и Барнс до него, проследовал к кресту Св. Павла с охапкой хвороста в руках, а затем, стоя на коленях, выслушал проповедь, после чего был отправлен в Тауэр. Билни был отпущен на свободу в 1529 г. и вернулся в Восточную Англию.

В середине — второй половине 1520-х гг. церковные власти усилили наступление на книготорговцев и распространителей запрещенных текстов. Именно тогда — в 1527 г. — в их поле зрения попала группа лоллардов, собиравшаяся близ Коулмен-стрит (см. выше), а также и община протестантов, возглавлявшаяся доктором Робертом Форманом, настоятелем церкви Олл-Хэллоус в Хани-лейн. Форман был активным проповедником, хотя то, что он говорил днем с проповеднической кафедры, было вполне ортодоксальным. По вечерам же в его доме собирались сторонники учения Лютера. Они читали и обсуждали Библию и сочинения протестантских полемистов. Форман также снабжал контрабандной литературой других. В его доме было обнаружено два мешка лютеранских книг, которые, как утверждал владелец, он

собрал для того, чтобы опровергать немецкую ересь. Был арестован и уже упоминавшийся спонсор Тиндела, Хамфри Монмут. У него были обнаружены сочинения как Лютера, так и Уиклифа.

И Форман, и Монмут легко отделались — они отреклись от своих еретических взглядов и были освобождены. В 1520-х гг. власти проявляли суровость по отношению к книгам, но не к людям. Однако к концу 1520-х гг. преследования усилились. В 1527 г. в Лондоне перед епископским судом предстало 130 человек, обвиненных в ереси. Подавляющее большинство признали свою вину, покаяться и были отпущены на свободу. Пятеро еретиков, упорствовавших в своих взглядах, были сожжены на костре.

Усилия духовенства и городских властей по пресечению незаконной книжной торговли не увенчались большим успехом. Лондон был большим портом, в который постоянно ввозили с континента — прежде всего из Антверпена — книжную контрабанду. К запрещенным книгам Лютера и переводам Библии прибавились полемические сочинения английских эмигрантов — Тиндела, Джоя, Джона Фрита, бежавшего в Марбург в 1528 г. Их памфлеты пользовались спросом в Лондоне и оказались эффективным средством обращения в новую веру: так, весной 1529 г. на допросе у епископа Танстелла лондонский торговец кожей Джон Тьюксбери признался, что его обращению в протестантизм способствовало чтение тинделовского перевода Библии, а также ряда памфлетов того же автора.

Большой популярностью пользовался также памфлет «Мольба нищих» лондонского юриста-эмигранта Саймона Фиша, изданный в Антверпене в конце 1528 г. В нем Фиш говорил, что учение о чистилище и связанные с ним учения о поминальных мессах и индульгенциях были выдуманы духовенством ради

собственного обогащения. Памфлет Фиша пользовался популярностью в Лондоне, при дворе и был внимательно прочтен самим Генрихом VIII.

Он также положил начало большой кампании по борьбе с ересью, которую повел лондонский юрист, сэр Томас Мор (1478–1535). Известный гуманист, друг Эразма, Томас Мор был сторонником реформирования церкви и устранения в ней злоупотреблений, подготовки нового, образованного духовенства, призванного проповедовать слово Божие. Однако он, как и Эразм, негативно воспринял начало Реформации и не принял учение Лютера, считая его необоснованным с богословской точки зрения. Кроме того, Мор полагал, что распространение учения Лютера — как и любой ереси — губительно сказывается на единстве сообщества христиан и государства и приводит к кровавым распрям. В Крестьянской войне в Германии и ее кровавом подавлении (1524–1525 гг.) он увидел лишь подтверждение своей правоты и поставил целью защитить Англию от такой же страшной участи.

Наступление на ересь проходило на двух уровнях. Мор выступил в качестве полемиста, вступив в яростный спор с Фишем, Фритом и самим Лютером. А в октябре 1529 г., после отставки кардинала Уолси, Генрих VIII назначил Мора лорд-канцлером. Это назначение дало Морю власть преследовать еретиков, которой он не преминул воспользоваться. В 1530 г. Мор издал ордонанс, позволявший судить еретиков в светском суде лорд-канцлера. Теперь жгли уже не книги, а тех, кто их переводил и распространял. Основными объектами преследования стали помощники эмигрантов, прежде всего Тиндела.

Одним из первых был казнен Ричард Байфилд. Выпускник Кембриджа и бенедиктинский монах из обители Сент-Олбанс, он был учеником Барнса.

Епископ Лондонский Танстелл допрашивал его, привел к покаянию и отпустил. Байфилд бежал в Антверпен, где стал помощником Тиндела. Вернувшись в Англию, он начал распространять тинделовский перевод Нового Завета, а также переводы книги немецких протестантов — Лютера, Цвингли и Филиппа Меланхтона. Его арестовали в Лондоне. В 1531 г. суд лорд-канцлера признал его еретиком, повторно впадшим в ересь, и приговорил к смерти. 4 декабря 1531 г. Байфилд был сожжен на костре в Смитфилде. Смитфилд — открытая местность у городской стены — традиционно являлся местом, на котором толпы лондонцев собирались по самым разным поводам — в торжественных процессиях в монастырях Св. Варфоломея и Чартерхаусе, на турнирах и гуляниях, ярмарке Св. Варфоломея, а также и по случаю публичных казней преступников. Байфилд стал первым, но отнюдь не последним протестантом, сожженным на костре в Смитфилде.

Вскоре, всего через две недели, в январе 1532 г., его судьбу разделил уже упоминавшийся Джон Тьюксбери. 30 апреля в Смитфилде был сожжен Джеймс Байнэм — юрист, коллега Саймона Фиша, женившийся в 1531 г. на вдове последнего. Сам Фиш был арестован в Лондоне как еретик, но не успел предстать перед судом: он скончался в тюрьме от чумы.

Джон Фрит, вернувшийся в Англию из эмиграции, был в октябре 1532 г. арестован в Лондоне, осужден как еретик и казнен в Смитфилде 4 июля 1533 г. Всего за время пребывания Мора в должности лорд-канцлера было сожжено 46 еретиков. Большая часть казней пришлась на Лондон.

Однако казни, как и сожжения книг, не остановили распространения протестантизма в Англии и ее столице. В начале 1530-х гг. протестанты появились во всех слоях населения столицы — среди простых

ремесленников и подмастерьев, богатых торговцев-членов гильдий (суконщиков, бакалейщиков, галантерейщиков), юристов, приходских священников и монахов, а также придворных. Приобрели они и покровителей в придворных кругах — самыми влиятельными из них были сэра Томас Кромвель (1485–1540), советник и с 1532 г. первый министр Генриха VIII, а также и его фаворитка Анна Болейн (1501/07–1536). Благодаря их покровительству многие протестанты избегали преследования, и даже такой известный человек, как Роберт Барнс, сумел в 1531 г. безнаказанно вернуться в Англию.

Лондонские общины протестантов были, пожалуй, наиболее многочисленными. И, тем не менее, они составляли меньшинство населения столицы. Меньшинство порой терпимое — лондонцы не слишком любили сожжения еретиков, порой подвергавшихся остракизму из-за своих религиозных взглядов. По всей видимости, протестанты так и остались бы меньшинством — хотя и довольно заметным — в Лондоне и в Англии, — если бы не вмешались интересы большой политики, которые за несколько десятилетий до неузнаваемости изменили страну и ее столицу.

«Великое дело короля»

В конце 1520-х гг. Лондон оказался гигантской сценой, на которой перед изумленными жителями разыгрывался трагический спектакль, перевернувший всю жизнь страны и предопределивший ход английской истории на столетия вперед. Имя ему было — развод короля Генриха VIII с Екатериной Арагонской, вылившийся в разрыв с римским престолом и создание национальной, англиканской церкви.

Екатерина родилась 16 декабря 1485 г. в королевском дворце Алькала де Энарес неподалеку от Мадрида. Ее родителями были Фердинанд Арагонский и его супруга Изабелла, королева Кастильская, правившая страной независимо от мужа. Юная принцесса была названа в честь прабабушки, англичанки Екатерины Ланкастерской. От нее же она унаследовала золотистые волосы, белую кожу и нежный румянец «английской розы», которыми впоследствии будут восхищаться ее подданные. Еще в детстве Екатерину обручили с наследником английского престола — старшим сыном Генриха VII Тюдора Артуром, принцем Уэльским (19/20 сентября 1486 — 2 апреля 1502 г.).

Осенью 1501 г. обрученная невеста прибыла наконец в Англию. Лондонцы впервые увидели свою будущую королеву 12 ноября 1501 г., в пятницу, во время ее торжественного въезда в столицу. Накануне

Екатерина остановилась в Ламбете, на южном берегу Темзы. На следующее утро принцесса, одетая в испанское платье и верхом на коне, а не в паланкине, по английскому обычаю, вместе со своей свитой проследовала вдоль берега на восток. На Поле Св. Георгия (Ламбет-роуд, примерно там, где сейчас находится Имперский военный музей) Екатерину ожидала ее английская свита во главе с младшим братом жениха, десятилетним Генрихом, герцогом Йоркским (будущим Генрихом VIII). Так произошла первая встреча пары, которой было суждено переписать английскую историю.

После того как принц Генрих занял свое место по правую руку от будущей невестки, процессия двинулась к Саутуорку и далее к Лондонскому мосту — единственному мосту через реку и главным южным воротам Лондона. У въезда на мост Екатерину приветствовали лондонские магистраты — лорд-мэр, сэр Джон Ша, два шерифа и 24 олдермена в своих парадных мантиях. Произнеся приветственные речи, они повернули лошадей и возглавили кортеж принцессы на его пути через Лондон.

На середине Лондонского моста Екатерину ожидала живая картина — первая из многих. Принцессу приветствовали Св. Екатерина, объявившая своей тезке, что по пути той будет показано, как Добродетель ведет к Чести, и Св. Урсула, указавшая ей на верного спутника и проводника на этом пути — Артура, символизировавшего Короля Артура английских легенд, а также и Арктура — ярчайшую звезду созвездия Большой Медведицы (Ursa Majora на латыни).

Сойдя с моста, процессия проследовала по Грейсчёрч-стрит. Вдоль этой улицы, как и всех других на пути следования кортежа, были выставлены ограждения. Внутри них находились те, кто в силу своего положения должен был приветствовать прин-

цессу, — а именно представители ливрейных компаний или гильдий Лондона. За ограждением толпились зрители — простые лондонцы. Они свешивались из многочисленных окон. Как отметил впоследствии герольд, лишь по особой милости Божией никто из них не вывалился из окна и не разбился.

На середине Грейчёрч-стрит Екатерину ожидала очередная живая картина: на этот раз ее приветствовала сама Добродетель. Затем процессия, добравшись до конца улицы, свернула налево, на Корнхилл. Здесь ее ожидало новое представление — Луна, вращающаяся на своей орбите (лопасти большого колеса крутили трое мальчишек). Актер, изображавший предка Екатерины, арагонского короля Альфонсо, известного любовью к астрономии, предсказал ей счастливый брак с принцем Артуром.

Потом кортеж проследовал к Чипсайду — главной артерии города. В начале улицы Екатерину ждало Солнце. Актер изображал также и Артура/Арктура и приветствовал Екатерину как будущую супругу. В самом широком месте Чипсайда принцессу ждал Храм Бога, где ее встречали актеры, изображавшие Бога-Отца (имевшего, впрочем, портретное сходство с Генрихом VII) и епископа. Последний прочел Екатерине проповедь, увещевавшую ее быть хорошей женой и истинной дочерью церкви.

Последнее представление ожидало невесту в конце Чипсайда. Там ее встретил актер, изображавший Честь, указавший ей на два пустых престола, предназначенные для принца Артура и самой Екатерины. Здесь мэр и олдермены от имени городской корпорации принесли в дар Екатерине драгоценную утварь и деньги. Затем принцесса обошла Собор Св. Павла в торжественной процессии — через Патерностер-роу и Аве Мария-лейн и вновь приблизилась к нему со стороны Ладгейт-хилл, то есть с запада. У входа ее

приветствовал архиепископ Кентерберийский Генри Дин (1440–1503). Принцесса принесла дары собору и помолилась у мощей св. епископа Эркконвальда. После этого она удалилась в предоставленный ей и ее свите на время празднеств дворец епископа Лондонского, располагавшийся в северо-западном углу соборного двора.

На следующий день, в субботу, Екатерина отдыхала. Единственным официальным мероприятием был визит к будущей свекрови, Елизавете Йоркской, которая поселилась по соседству — в замке Байнард, находившемся к югу от собора Св. Павла, у реки.

В воскресенье, 14 ноября 1501 г., состоялась свадьба. Собор Св. Павла и улицы вокруг него были забиты толпами горожан, пришедших посмотреть на венчание юной пары (Артуру и Екатерине было по пятнадцать лет). Внутри собора соорудили ограждения, за ними располагались именитые гости. С южной стороны поместили лорд-мэра и лондонских олдерменов. Напротив, с северной стороны, выстроили нечто вроде часовни с застекленными окнами: оттуда Генрих VII и его королева могли видеть церемонию, не будучи увиденными.

Как и подобает жениху, принц Артур появился первым, пройдя через южный портал собора. Екатерина вышла из епископского дворца в сопровождении Генриха Йоркского. Торжественная процессия проследовала от западных дверей через весь собор к алтарю. Зазвучали трубы, сопровождая появление невесты. И жених, и невеста были одеты в белое, что необычно. Еще более необычной была мантилья или вуаль на голове невесты, сшитая из белого шелка, украшенного драгоценными камнями. Она покрывала распущенные золотистые волосы невесты. Возможно, Екатерина была первой невестой Англии, надевшей вуаль.

Последовал трехчасовой обряд венчания, а затем — месса Св. Троицы, которую отслужил архиепископ Кентерберийский. Поскольку церемония была столь длинной, жених и невеста по очереди удалялись в выгороженные для них «комнаты», чтобы подкрепить силы вином со специями.

Свадебный пир состоялся в епископском дворце. Там же молодые провели первый день своей супружеской жизни. Во вторник, 15 ноября 1501 г., король, принц Артур и Генрих присутствовали на благодарственном молебне в соборе Св. Павла. Затем празднества переместились из Лондона в королевские резиденции на реке: торжественная процессия богато изукрашенных барж доставила королевское семейство и двор сначала в Вестминстер, а затем в Ричмонд. Там состоялся турнир; имели место и театральные представления, банкеты и балы.

Лондонцам понравилась юная принцесса Уэльская. Однако в последующие годы им нечасто приходилось ее видеть. Ведь, несмотря на все пожелания счастливой жизни, брак Артура и Екатерины оказался недолгим — в апреле 1502 г. принц Уэльский скончался. На протяжении семи лет положение Екатерины — вдовствующей принцессы Уэльской — оставалось неопределенным. Она не могла вернуться домой, так как свекор, Генрих VII, не желал возвращать Фердинанду Арагонскому ее богатое приданое. Был предложен другой план, согласно которому принцесса должна была выйти замуж за принца Генриха. Из Рима была даже получена (в 1503 г.) диспенсация — разрешение папы вступить в брак с братом покойного мужа. Однако дело затягивалось из-за сложных дипломатических интриг, сопровождавших англо-испанский союз.

Дело разрешилось только в 1509 г. 21 апреля скончался Генрих VII. Новый король, семнадцатилетний

Генрих VIII, грезил о военных подвигах и славе завоевателя Франции. Поэтому он быстро оценил выгоду союза с Испанией. Сама Екатерина, которой исполнилось 24 года, находилась в расцвете красоты, что для Генриха было не менее важно. Он принял решение. 11 июня 1509 г. Генрих VIII и Екатерина обвенчались в церкви монастыря францисканцев в Гринвиче.

Новый въезд Екатерины в столицу состоялся 23 июня 1509 г., накануне коронации. Теперь она, как и подобало королеве, следовала английской традиции: передвигалась в паланкине и вновь была одета в белое. Этот цвет мы сейчас связываем с чистотой невесты, а в XVI столетии белые одежды предписывались королю и королеве во время коронации.

Процессия следовала тем же маршрутом, а когда кортеж достиг таверны «Кардинальская шапка» на Корнхилле, начался сильнейший, хотя и непродолжительный ливень. Затянутая шелком крыша паланкина не представляла надежной защиты, поэтому королеве пришлось искать укрытия от дождя под навесом лавки суконщика. Многие англичане впоследствии усмотрели в этом дурное предзнаменование. Тогда же об этом мало кто задумался.

24 июня, на летнее солнцестояние и праздник Св. Иоанна Крестителя, в Вестминстерском аббатстве состоялась двойная коронация — Генриха VIII и его супруги, обряд совершил новый архиепископ Кентерберийский, Уильям Уорэм (1450–1532).

У Генриха VIII и Екатерины сложились теплые, любовные отношения. Однако с самого начала проявилась и проблема, впоследствии разрушившая их брак. Королева забеременела вскоре после свадьбы, однако первый ребенок — девочка, родился 31 января 1510 г. недоношенным и сразу умер. Во времена высокой младенческой и детской смертности смерть дочери, хотя и была грустным событием, трагедией

не казалась: супруги были молоды и здоровы. Спустя примерно месяц Екатерина была вновь беременна, и 1 января 1511 г. в Гринвиче она сделала мужу и Англии подарок, родив сына и наследника.

Лондон праздновал рождение принца с размахом. На залпы пушек, салютовавших в его честь, было истрачено более 200 фунтов пороха. Взлетали в воздух фейерверки; фонтаны били вином, а по улицам столицы шествовали торжественные процессии, завершавшиеся благодарственными молебнами. В воскресенье, 5 января, принца окрестили в Ричмонде, в церкви францисканцев-обсервантов (этому ордену особенно благоволила Екатерина). Принца называли Генри в честь отца и деда. Его крестными были французский король Людовик XII и эрцгерцогиня Маргарита, правительница Нидерландов.

После праздника Генрих VIII отправился в благодарственное паломничество к образу Девы Марии Уолсингэмской (в графство Норфолк). По возвращении короля в Вестминстере состоялся праздничный турнир. Облачение Генриха из синего бархата было расшито золотыми буквами «K» — инициалом королевы, а сам он выступал под именем «рыцаря Верное сердце» и преломлял копье в ее честь.

Радость, впрочем, была недолгой: спустя 10 дней после турнира, 22 февраля 1511 г., младенец Генри, герцог Корнуольский, умер. 27 февраля его похоронили в Вестминстерском соборе.

Вместе с ним, как оказалось, ушли и надежды на счастливую семейную жизнь. Екатерина дважды — в октябре 1513 и в начале января 1515 г. — рожала мертвых детей — мальчиков. 18 февраля 1516 г. ребенок родился живым и здоровым, на радость родителей. Однако это была девочка. Новорожденную принцессу окрестили в церкви францисканцев в Гринвиче. Ее крестными были тетка Генриха VIII,

Екатерина Йоркская, графиня Девонская, Маргарет Плантагенет, графиня Солсбери и свояк короля Чарльз Брэндон, герцог Саффолк — муж любимой сестры Генриха VIII Марии. Обряд совершил кардинал Томас Уолси. В честь любимой сестры короля девочка получила имя Мария.

Двор отпраздновал рождение принцессы пышными празднествами. Генрих VIII надеялся, что вслед за одним здоровым ребенком последуют и другие. Однако его надеждам не суждено было осуществиться: Екатерина забеременела в 1518 г., а 10 ноября родила недоношенную девочку, которая вскоре умерла. Это была ее последняя беременность, а к 1525 г. стало очевидно, что у королевы — хотя той и было всего 40 лет — наступила менопауза, и детей больше не будет. Екатерина к 40 годам располнела и выглядела как пожилая женщина. Генрих VIII был в то время здоровым тридцатипятилетним мужчиной; а единственным законным наследником короля была его дочь Мария.

Теоретически английское общее право разрешало женщине наследовать престол. Однако в Англии такого еще не бывало; а единственный случай, когда женщина — императрица Матильда — была в середине XII века провозглашена наследницей отца, Генриха I, привел к кровопролитной гражданской войне. Генрих VIII опасался, что молодая династия Тюдоров не удержит скипетр, если он окажется в слабых женских руках. Женщина на престоле должна была вступить в брак, и какой бы выбор она ни сделала, он был чреват потрясениями. Знать могла взбунтоваться против супруга, вышедшего из ее рядов, или не принять короля-иностранца, который мог бы подчинить Англию своей власти.

Альтернативой принцессе Марии был Генри Фицрой, внебрачный сын короля и Элизабет Блаунт, ро-

дившийся 15 июня 1519 г. Генрих VIII признал свое отцовство и даровал мальчику титул герцога Ричмонда и Сомерсета (1525 г.), которые всегда принадлежали принцам королевской крови, а также назначил его лорд-президентом Совета Севера, фактическим правителем северных, пограничных графств Англии. Генри Фицрой воспитывался как принц, и многие в стране полагали, что Генрих VIII признает его законным сыном и сделает наследником престола в обход сестры. Однако король опасался пойти на такой шаг: незаконное происхождение делало его сына уязвимым перед возможными мятежами.

Кроме того, решительное сопротивление оказала и Екатерина. Дочь королевы, по праву считавшейся одной из величайших правительниц этой страны, воительницы, возглавлявшей армию в походах против мавров Гранады (Екатерина была зачата в военном лагере), она искренне не понимала, почему женщина не может править, и старалась сделать все возможное, чтобы обеспечить престол для Марии. По настоянию жены короля, в 1521 г. Марии был выделен собственный двор в Ладлоу — замке принцев Уэльских, а в 1526 г. она была назначена главой Совета Уэльской марки. Однако Генрих колебался: он не признал Фицроя законным, однако и не даровал дочери титул принцессы Уэльской, что означало бы автоматическое подтверждение ее прав на престол.

Это, впрочем, не мешало Генриху использовать дочь как разменную монету в ходе переговоров с королем Франции Франциском I и императором Карлом V, искавшими союза с Англией ради победы в войне. В 1518 г. двухлетнюю принцессу обручили с младенцем — дофином Франциском (1518–1536). Позднее союз с Францией развалился, и в 1522 г. Мария была обручена со своим кузеном, императором Карлом V Габсбургом, который был старше ее на

16 лет. Но и этот союз продержался недолго: после победы над французами в битве при Павии (1525 г.) императору, захватившему в плен своего соперника Франциска I, уже не нужен был альянс с Англией. Дождаться же, когда невеста вырастет, Карл V не желал и в марте 1526 г. вступил в другой брак — с португальской принцессой Изабеллой. Отвергнутая принцесса Мария была почти сразу же предложена в жены младшему сыну французского короля — Генриху Орлеанскому (1519–1559), будущему Генриху II.

Предлагая Марию как приманку, Генрих VIII вовсе не желал ее вступления на престол. Он предпочитал сына. А это означало одно из двух: либо рискнуть и попытаться заставить знать Англии принять в качестве наследника Генри Фицроя, либо аннулировать брак с Екатериной Арагонской и жениться вновь. Наличие сына убедило Генриха в том, что он может иметь сыновей, а то обстоятельство, что сыновья от Екатерины оказались нежизнеспособными, для короля означало, что Господь карает его и Екатерину за грехи. Но за какие грехи?

К 1527 г. Генрих VIII нашел для себя ответ: грехом был его брак со вдовой брата. Король считал, что папская диспенсация не могла решить дело, ведь папа не может давать разрешение, противоречащее божественному закону. А Генрих полагал, что диспенсация противоречила божественному закону, а точнее, установлению, упомянутому в Книге Левит (20:21): «Если кто возьмет жену брата своего: это гнусно; он открыл наготу брата своего, бездетны будут они». Конечно, король не был бездетен. Однако гуманист и знаток древнееврейского языка Роберт Уэйкфилд убедил его в том, что в оригинале речь шла не вообще о детях, а именно о сыновьях.

Впрочем, в Библии есть и иные предписания. В книге Второзакония (25:5–10) говорится о том,

что брат обязан жениться на вдове старшего брата. Чтобы примирить эти противоречия, каноническое право католической церкви трактовало ситуацию следующим образом: предписание Второзакония применялось иудеями во времена Ветхого Завета. Христиане не обязаны следовать ему; брак с вдовой брата являлся запретным за исключением единственного случая: если первый союз был бездетным. Именно таков был случай Генриха: брак Екатерины и его брата Артура был бездетным; более того, Екатерина утверждала, что в связи с молодостью и слабым здоровьем жениха она и Артур так и не вступили в интимные отношения. Следовательно, ее первый брак с точки зрения канонического права вообще не являлся «совершенным», и никаких препятствий к союзу с Генрихом не существовало.

Позиция Генриха VIII, таким образом, оказывалась весьма уязвимой с богословской и юридической точек зрения. Но король и его ближайшее окружение не были склонны слушать скептиков. Советники короля желали уладить вопрос с престолонаследием. А у короля был и другой побудительный мотив. Имя ему было Анна Болейн.

Анна Болейн была отнюдь не первой в череде фавориток Генриха VIII. Еще в 1510 г., когда Екатерина носила его сына, король завел интрижку с леди Анной Хастингс. Потом была связь с Элизабет Блаунт, родившей ему сына, и Марией Болейн (1499/1500–1543). Мария принадлежала к относительно недавно выдвинувшемуся при дворе семейству. Ее прадед, Джефффри Болейн (1406–1463), был лондонским купцом, разбогатевшим на торговле тканями. В 1458 г. он был лорд-мэром Лондона. Незадолго до смерти он купил поместье Хевер в Кенте, который при его потомках стал родовым гнездом Болейнов. Его внук, Томас Болейн (1477–1539) стал придворным

и дипломатом. Продвижение по карьерной лестнице символизировал и заключенный им брак с Элизабет Ховард (1480–1538), дочерью герцога Норфолка, придворной дамой двух королей — Елизаветы Йоркской и Екатерины Арагонской.

Дочерей ждала та же участь — служба при дворе и удачный брак. Мария в 1520 г. была выдана замуж за богатого придворного, сэра Уильяма Кэри (1500–1528), однако супруги не жили вместе: Мария привлекла внимание короля. Ее связь с Генрихом VIII началась в 1520 г., и историки до сих пор спорят о том, когда именно она закончилась. Современным исследователям удалось, изучая документы из семейного архива Кэри, обнаружить доказательства того, что Кэтрин и в самом деле была дочерью Генриха VIII, а вот тезка короля, Генри Кэри — вероятнее всего, не его сын. Хотя, по мнению многих современников, оба они были детьми короля.

Анна Болейн (1500/1507? — 1536) была сестрой Марии. Поскольку точные даты их рождения неизвестны, невозможно сказать с определенностью, кто из них был старше. Принято считать старшей сестрой Марию. Обе они провели некоторое время во Франции, находясь в свите Марии Тюдор, сестры Генриха VIII, в 1514 г. вышедшей замуж за французского короля Людовика XII. Когда спустя несколько месяцев (1515 г.) Мария овдовела и быстро вышла замуж за Чарльза Брэндона, Мария вернулась в Англию вместе с ней.

Судьба Анны была другой. Она покинула родительский дом раньше, еще в 1512 г., когда ее отец, посол при дворе эрцгерцогини Маргариты, правительницы Нидерландов, сумел пристроить девочку в число ее фрейлин. Оттуда Анна в 1514 г. попала в Париж, а когда английская свита Марии Тюдор покидала Францию, Анна осталась и поступила на

службу к французской королеве Клод. Французский двор способствовал развитию талантов Анны: она стала прекрасной музыкантшей и приобрела необычайное изящество в танцах. Из Франции она вывезла также и пристрастие ко всему французскому — языку, модам и т. п. Тогда же она познакомилась с сестрой французского короля Маргаритой Алансонской, вдохновительницей христианского гуманизма, которую подозревали в сочувствии лютеранам. Возможно, что позднейший интерес Анны к религиозной реформе также коренится во французском периоде ее жизни. В 1521 г. ей, впрочем, пришлось оставить Францию из-за напряженности в англо-французских отношениях.

Вернувшись в Англию, Анна, как ее сестра и мать, стала придворной дамой Екатерины Арагонской. Анна не соответствовала английским канонам красоты: ее кожа была не розово-белой, а скорее оливковой, волосы и глаза — темными. Но и современники отмечали необычайную привлекательность Анны, заключавшуюся в ее манере говорить и держаться, танцевать и, как бы мы сказали сейчас, очевидной сексапильности.

Начались и переговоры о ее браке. Претендентом на ее руку называли Джеймса Батлера, графа Ормонда, однако этот союз не состоялся. Анна позднее винила в этом кардинала Уолси, на службе у которого состоял Батлер. Позднее Анна привлекла внимание куда более завидного жениха — Генри Перси, наследника графа Нортумберленда. Но и этот брак не состоялся: граф Нортумберленд обручил сына с дочерью графа Шрусбери и не собирался позволять ему жениться на дочери «выскочки». В дело опять вмешался кардинал Уолси — и отнюдь не в пользу Анны. Неудивительно поэтому, что впоследствии она всегда питала к нему неприкрытую враждебность

и сделала все от нее зависящее, чтобы лишить его власти.

А зависело от Анны Болейн многое: зимой 1525–1526 гг. интерес к самой привлекательной фрейлине двора стал проявлять не кто иной, как Генрих VIII. Ухаживание короля строилось по сценарию куртуазной игры, но вскоре он изменился — Анна не желала сдаваться и становиться одной из его многочисленных возлюбленных. В ответ на признание короля Анна ответила, что тоже любит его и будет ему верна, но не станет принадлежать ему, так как английская дворянка может принадлежать только мужу.

Страстно влюбленный и уже давно сомневавшийся в законности своего брака Генрих VIII был готов к рискованному шагу. В январе 1527 г. он обручился с Анной. Оставалось сделать последний — и самый трудный — шаг: аннулировать брак с Екатериной Арагонской.

Развод короля

Сам Генрих VIII, впрочем, не считал этот шаг таким уж трудным: отношения Англии и Римского престола были хорошими, а папы обычно были склонны идти навстречу пожеланиям монархов. Так, например, в 1499 г. в Риме был аннулирован брак Людовика XII Французского и Жанны Валуа. Более того, Генрих VIII верил, что его лорд-канцлер, кардинал Уолси, как папский легат, может разрешить это дело в Англии, а папа лишь утвердит его решение. Уолси относился к разводу неоднозначно: расторжение брака короля с Екатериной означало бы возможность решить вопрос престолонаследия и заключения союза с Францией. Но кардинал вовсе не стремился посадить на престол Анну Болейн. По его мнению, более подходящей королевой стала бы французская принцесса. Поэтому Анна с самого начала была против того, чтобы переговоры о разводе вел Уолси. Генрих VIII, напротив, доверял своему первому министру и поручил ему выполнить королевскую волю.

17 мая 1527 г. Генрих и Уолси собрали группу английских епископов и предложили им подписать документ, объявлявший брак короля и Екатерины незаконным. Уолси действовал в рамках своих легатских полномочий, позволявших ему вершить суд от имени папы римского. Дело держалось в тайне от Екатерины, однако двор полнился слухами. А поскольку

королевский двор был связан со столицей тысячами нитей, город бурлил. С самого начала большинство лондонцев — особенно женщины — поддерживали Екатерину. Народ любил свою королеву: юную прекрасную принцессу, многострадальную мать, заступницу за лондонских буянов в 1517 г. Екатерина была весьма религиозным человеком. После того как супружеские отношения с королем фактически сошли на нет в 1520 г., она стала носить под одеждой францисканскую рясу — знак своей принадлежности к терциариям этого ордена. Терциарии были мирянами, которые по мере возможности следовали Правилу Св. Франциска. Екатерина щедро раздавала милостыню, что тоже не могло не расположить к ней лондонцев. Для них она была верной женой, которую ветреный муж был готов бросить ради более молодой и красивой женщины. Генрих VIII, ранее всегда пользовавшийся большой популярностью в столице, впервые столкнулся с враждебностью подданных. А Анну Болейн быстро окрестили «шлюхой короля».

Тем не менее, Генрих VIII не ожидал затруднений. По совету Уолси и других канонистов, адвокаты короля не говорили о том, что папа не имел права давать диспенсиацию, противоречившую божественному праву: такое утверждение вряд ли обрадовало бы папу и только затруднило бы достижение цели. Решили использовать мелкие зацепки и технические детали диспенсации, в частности то, что брак был разрешен потому, что, как утверждалось, Екатерина и Артур в свое время не вступили в супружеские отношения. А это, как говорили адвокаты короля, не соответствовало действительности.

Но уже 31 мая Уолси пришлось приостановить деятельность суда. Во-первых, многие английские богословы и канонисты были не согласны с тем, как было представлено дело. Епископ Рочестерский Джон Фи-

шер в ответ на запрос Уолси прислал развернутое обоснование правоты Екатерины и законности брака, опиравшееся на принятое католической традицией компромиссное истолкование предписаний книги Левита и Второзакония (см. выше). Впоследствии Фишер выступал на стороне Екатерины в деле о разводе. С мнением авторитетного богослова были согласны многие в Англии и за ее пределами.

Кроме того, появились и политические проблемы, масштаб которых грозил сделать развод невозможным. 6 мая 1527 г. войска императора Карла V, воевавшего в Италии с французской армией, штурмом взяли Рим, учинили там страшную резню и разграбили город. Папа Климент VII (1478–1534) едва успел укрыться в замке Св. Ангела и на протяжении шести месяцев оставался пленником императора. В подобных обстоятельствах вряд ли можно было полагать, что папа утвердит решение об аннулировании брака тетки императора.

Екатерина рассчитывала на помощь родственника. Она смогла отправить Карлу V в Испанию письмо, в котором сообщала о приготовлениях к разводу и просила племянника оказать давление на Климента VII. Генрих VIII, со своей стороны, направил посольство к папе, как только тому удалось бежать из имперского плена в Витербо.

Климент VII оказался в сложном положении. Он не мог открыто выступить против императора, но и прямо отказать Генриху VIII тоже не мог, опасаясь, что в таком случае Англия последует примеру Германии и примет Реформацию. Поэтому он тянул время, надеясь на перемену судьбы — победу французского оружия, разочарование Генриха VIII в Анне Болейн или что-нибудь еще. Формально же он пошел на встречу Генриху VIII, отправив в Англию своего легата, кардинала Лоренцо Кампеджио (1472–1539).

Вместе с Уолси он должен был решить дело в легатском суде.

Путешествие легата заняло почти два месяца. Кампеджио прибыл в Лондон 9 октября 1528 г. Кардинала разместили в лондонском дворце епископов Батских, неподалеку от Темпла. Оттуда легко было добраться по реке до королевского дворца Брайдуэлл. Следующие восемь месяцев прошли в бесконечных заседаниях юристов обеих сторон и переговорах с Римом. Кампеджио предложил Екатерине выход, который, казалось бы, устроил всех: а именно уход королевы в монастырь. Сама Екатерина в последние годы вела полумонашескую жизнь. Теперь она могла бы отречься от мира. Ее уход в монастырь позволил бы Генриху VIII с разрешения папы вступить в повторный брак, не пятная чести Екатерины и не ставя вопрос о законнорожденности принцессы Марии. Однако Екатерина категорически отказалась удалиться в монастырь. В ее отказе звучит нежелание гордой испанки, дочери и внучки королей, уступать свое место «шлюхе» мужа. Но решение королевы было продиктовано не только упрямством и гордыней. Она была убеждена, что второй брак Генриха VIII лишит ее дочь Марию шанса унаследовать престол. Отказываясь уступить, Екатерина, как она сама считала, боролась за права дочери.

Обе стороны представляли свидетелей и документы, подтверждавшие или опровергавшие те или иные технические детали диспенсации. В ходе этих закулисных переговоров адвокаты Екатерины представили убедительное обоснование законности ее брака с Генрихом VIII. Однако сама Екатерина опасалась, что в Англии ей не добиться справедливого суда. Единственным выходом оставалась прямая апелляция королевы в Рим. Тогда папе пришлось бы отозвать легата и рассматривать дело в курии

самому. Королева долго колебалась, не желая вступить в прямой конфликт с мужем.

Наконец 30 мая 1529 г. кардиналы Уолси и Кампеджио собрались в Большом зале монастыря Блэкфрайарз. Легаты объявили от имени папы о начале суда и назначили первое заседание на 18 июня. После этого королева решилась. 16 июня она подписала апелляцию, и документ отправился в Рим.

Тем временем столицу ожидало невиданное зрелище: слушания по делу о расторжении королевского брака. Место действия было избрано неслучайно: Блэкфрайарз был огромным монастырским комплексом, простиравшимся от Ладгейт-хилл к Темзе. С запада его ограничивала река Флит. Монастырские здания включали в себя два корпуса келий, странноприимный дом, палату парламента, где с 1523 г. собирался парламент и Тайный Совет. Крытая галерея, перекинутая через реку Флит, соединяла монастырь с королевским дворцом Брайдуэлл, находившимся на другом берегу. Дворец начали строить в 1515 г., после того как королевские покои в Вестминстере пострадали от пожара 1512 г. Комплекс Брайдуэлл-Блэкфрайарз был призван заменить Вестминстер в качестве центра королевской власти в стране. Однако события 1529 г. положили конец этим планам.

Палату парламента подготовили к заседаниям суда. В южной части зала на возвышении поставили стол и два кресла, покрытые золотой парчой. Они предназначались для судей. В обоих концах зала — восточном и западном — поставили два трона под балдахином. Тот, что повыше, предназначался для Генриха VIII, тот, что поменьше, — для Екатерины. Рядом с ними, за невысокими барьерами, располагались места адвокатов обеих сторон. Посередине стояли скамьи для епископов, а также столы и скамьи для судебных клерков. Зрители — среди них было

множество лондонцев, мужчин и женщин, — столпились в противоположном судейскому столу, северном, конце зала, а также в вестибюле, на лестнице и вокруг палаты.

Заседание, состоявшееся 18 июня 1529 г., было достаточно формальным. Генрих VIII вообще не появился, прислав своих представителей. Однако королева там присутствовала, подав письменный протест: в нем говорилось, что легаты не имеют права решить дело, поскольку Екатерина уже подала апелляцию в Рим. Ответ на протест королевы должен быть дан на следующем заседании, в понедельник, 21 июня 1529 г.

Заседание суда началось около 10 утра. Зал Парламента, лестницы и двор вокруг здания были забиты толпами лондонцев. Первой в суд явилась королева Екатерина, затем кардиналы-легаты и, наконец, Генрих VIII. Судьи вызвали короля первым, и он, поднявшись со своего трона, произнес краткую речь, в которой просил судей быстро разрешить дело и либо признать законным, либо аннулировать его брак, всегда вызывавший у него сомнения. После этого легат Кампеджио формально отклонил протест королевы.

Когда до Екатерины дошла очередь отвечать суду, она представила убедительную речь, еще раз заявив, что легаты не имеют права принимать решение по ее делу. Обратившись к мужу, королева упрекнула его в том, что он, якобы сомневавшийся в законности их брака с самого начала, молчал на протяжении долгих лет. Король, уязвленный ее словами, вскочив с места, тут же ответил, что единственной причиной его долгого молчания была любовь к Екатерине. Не удержавшись, он тут же обвинил ее в нелояльности из-за апелляции королевы в Рим. По словам Генриха VIII, королева могла добиться справедливого суда

и в Англии; в Риме же все подчинено влиянию ее племянника-императора.

В этот момент Екатерина встала со своего места, пересекла зал и преклонила колени перед тронем, на котором сидел Генрих VIII. Стоя на коленях, королева произнесла самую важную публичную речь в своей жизни. Она умоляла мужа во имя любви, о которой он говорил всего несколько минут тому назад, принять тот факт, что она борется за честь семьи — его собственную, ее самой и их дочери, а также всей испанской нации и своих родственников. А поскольку у многих могут возникнуть сомнения в беспристрастности суда, имевшего место в Англии, она и обратилась за решением к папе.

Генрих VIII никогда не мог выйти победителем из споров с Екатериной. И в самом важном из них он проиграл: пытаясь поднять плачущую жену с колен и, видимо, ощущая свою вину, король разрешил ей апеллировать в Рим. После этого дело о королевском разводе в Англии было уже проиграно. Генрих VIII не понял этого сразу, однако Екатерина прекрасно знала, что делала. Поднявшись, она присела в глубоком реверансе перед мужем, ...а затем покинула зал суда, проигнорировав возгласы судей, и больше никогда не появлялась на его заседаниях. Первый этап бракоразводного процесса был Екатериной выигран.

В глазах лондонцев она, несомненно, была победительницей. Королевская чета всегда пользовалась популярностью в столице, но с началом бракоразводного процесса Генриху VIII пришлось заметить, что подданные приняли отнюдь не его сторону. Жители столицы любили Екатерину Арагонскую за ее щедрость к нуждающимся и милосердие. Теперь же они предоставили королеве свою поддержку. Еще до начала заседания толпы народа, собравшегося вокруг дворца, приветствовали Екатерину, когда она

проходила по галерее из дворца Брайдуэлл к монастырю Блэкфрайарз, и желали ей победы. После заседания королеву вновь ждали аплодисменты и приветственные возгласы; в ответ на них Екатерина просила лондонцев молиться за нее. Особенно старались жительницы Лондона. Они близко к сердцу приняли несчастья королевы. Французский посол Жан дю Белле писал в те дни: «...если бы дело решали женщины, король непременно проиграл бы сражение».

К другой женщине, вовлеченной в конфликт, — Анне Болейн, в столице относились крайне враждебно, несмотря даже на то, что она была по своему происхождению связана с Лондоном. Ее называли «разлучницей» и «шлюхой», а однажды ей, принявшей приглашение отужинать в лондонском доме одного из придворных, пришлось спастись бегством от толпы разъяренных женщин, угрожавших взять дом штурмом и убить Анну. Фаворитке пришлось спешно покинуть дом и вернуться в Гринвич по реке.

Генриху VIII также пришлось выслушать свою порцию проклятий. Неудивительно, что король, привыкший к изъявлениям любви подданных, пришел в ярость. Он даже приказал разогнать толпы, собиравшиеся вокруг Блэкфрайарз. Однако берега реки Флит являлись одной из основных лондонских дорог, перекрыть которую из-за каприза короля было невозможно. По дороге на судебные заседания королю приходилось выслушивать нелицеприятные выкрики столичных жителей.

Генрих VIII спешил, желая как можно быстрее добиться благоприятного решения суда. Казалось, оно непременно должно быть в его пользу. Вынесение приговора было назначено на 23 июля 1529 г. Король уже предвкушал победу. Но его ждало разочарование: легат Кампеджио в соответствии с римскими

традициями распустил суд на лето. Возобновление его работы было назначено на сентябрь. Поступок Кампеджио объяснялся теми инструкциями, которые он получил от папы Климента VII: затягивать дело как можно дольше. Кроме того, Кампеджио получил из Рима известия о том, что апелляция Екатерины Арагонской рассматривалась в курии и большинство кардиналов склоняется к тому, чтобы принять ее. На самом деле, в тот же день, когда легатский суд в Англии был отправлен на каникулы, в Риме было обнародовано утвержденное папой решение аннулировать полномочия легатов и отозвать дело в суд самого папы, в Рим. Через несколько недель соответствующие документы достигли Англии. 11 сентября 1529 г. кардиналы Уолси и Кампеджио последний раз явились в суд и объявили свои полномочия аннулированными. Теперь дело должно было решаться в Риме, и вердикт в пользу Екатерины казался предопределенным.

Однако Генрих VIII отказался отступить. Если нужно ему решения нельзя было добиться в Риме, он вознамерился получить его в Англии. Первой жертвой его решимости стал кардинал Уолси, на которого была возложена вина за неудачу в Риме. У кардинала практически не было союзников в Англии: знать ненавидела его за высокомерие и низкое происхождение, епископы обвиняли его в злоупотреблении легатскими полномочиями, а высокие налоги сделали врагами кардинала низшее духовенство и торговую элиту Лондона. 9 октября 1529 г. Уолси был обвинен в том, что данной ему Римом властью нарушал прерогативу английских королевских судов (уголовное преступление согласно статуту 1355 г.). 17 октября он был отправлен в отставку с поста лорд-канцлера. Новым лорд-канцлером стал мирянин, сэр Томас Мор. Опасаясь, что ему не дожидаться милосердия от членов

парламента, кардинал поспешил признать себя виновным и отдаться на милость короля. Генрих VIII лишил кардинала всех государственных должностей; Уолси отправился на север и впервые за много лет занялся своими пастырскими обязанностями в качестве архиепископа Йоркского. Впоследствии ему было приказано вернуться и предстать перед судом по обвинению в измене. До суда Уолси, впрочем, не дожил. Тяжело заболев по пути в Лондон, он умер 29 ноября 1530 г. в Лестере и похоронен в Лестерском аббатстве. Подготовленное по заказу кардинала надгробие из черного мрамора в соборе Св. Павла король конфисковал вместе с другим имуществом Уолси, решив использовать его для себя. Однако этому не суждено было случиться: сейчас мраморный саркофаг находится в соборе, но лежит в нем национальный герой, лорд Нельсон.

Генриху VIII достались и дворцы кардинала. Отправляясь на север, Уолси подарил королю Хэмптон Корт — свою резиденцию в Сарри, на берегу Темзы. Этот дворец вскоре стал одной из любимейших резиденций монарха. Позднее были конфискованы и другие владения кардинала-легата, в том числе Йорк Плейс — резиденция архиепископов Йоркских в Лондоне, неподалеку от Вестминстерского дворца. Кардинал Уолси перестроил средневековое здание, превратив его в роскошную резиденцию. 24 октября 1529 г. король в сопровождении Анны Болейн, ее матери и ближайших придворных поехал осматривать свое новое приобретение — дворец и собранные в нем сокровища кардинала. Уже в начале ноября Генрих VIII переехал в новый дом. Впоследствии он перестроил его, прибавив к нему своеобразный «развлекательный центр» — площадку для игры в шары, теннисные корты, площадку для петушиных боев (на ее месте — дом 70 по Уйатхолл — сейчас находится

секретариат премьер-министра и кабинета министров) и место для проведения турниров. Новое приобретение официально именовалось новым Вестминстерским дворцом, однако лондонцы прозвали его «Уайтхолл» — по названию широкой улицы, которая вела к нему. Уайтхолл оставался главной королевской резиденцией в столице до конца XVII века.

Несмотря на отсутствие кардинала в Лондоне, заседания собравшегося в столице парламента были тесно с ним связаны. Лондонские олдермены проинструктировали представителей ремесленных и торговых гильдий подготовить своего рода программу для заседаний парламента, и гильдия торговцев тканями выдвинула пять пунктов обвинений против Уолси. Когда парламент начал заседания, на улицах Лондона распространяли памфлет Саймона Фиша «Мольба нищих», ополчившийся на богатство клириков. Заседания парламента 1529 г. проходили под знаком критики духовенства со стороны мирян. Обсуждалось богатство духовенства, юрисдикция клириков, а также проблемы плюрализма и нон-резиденства. Отвечая на билль палаты общин, Джон Фишер, епископ Рочестерский — известный борец за реформу церкви, — обвинил парламентариев в том, что все их нападки продиктованы отнюдь не желанием решить проблемы церкви, но обычной жадностью. Впоследствии историки назовут парламент 1529 г. парламентом Реформации, однако современники не подозревали об этом.

Генрих VIII на протяжении 1530 г. пытался добиться от Рима согласия на развод с Екатериной Арагонской. Советники Генриха объезжали европейские университеты, опрашивая богословов относительно их мнения о разводе. Вряд ли кто-то удивится, узнав, что английские и французские университеты, подчиненные Генриху и его союзнику Франциску I,

поддержали развод, а испанские и ряд итальянских университетов высказались против. К концу года стало очевидно, что Генрих VIII предпочитал в деле о разводе опираться на идею о том, что папа не имел права давать диспенсацію, разрешавшую брак Генриха VIII и Екатерины, так как она противоречила божественному закону. Было совершенно очевидно, что папа Климент VII вряд ли признает решение своего предшественника противоречащим божественному закону. Таким образом, пространства для маневра не оставалось. Король должен был получить развод в Англии; к концу 1530 г. это стало очевидно всем заинтересованным лицам.

Болейны — родственники Анны, а также восходящая звезда ее лагеря — Томас Кромвель, прошедший политическое ученичество на службе Уолси, а после опалы последнего предложивший услуги королю, — настаивали на разводе в Англии, подтвержденном парламентом. Однако собравшийся в сентябре 1530 г. совет клириков и юристов прямо сказал королю, что парламент не имеет права принудить архиепископа даровать королю развод вопреки прямому запрету папы. После этого для получения развода не осталось другого пути, кроме как продекларировать, что король и парламент такой властью обладают.

В 1529 г. лондонцы, ненавидевшие Уолси, радовались его падению. Однако вскоре на глазах изумленных жителей столицы развернулись драматические события, которых никто не ожидал, а большинство и не желало. В начале 1531 г. Генрих VIII обвинил все духовенство в нарушении королевской прерогативы и подчинении иностранной власти — то есть власти папы. Затем, используя это обвинение как меч, висящий над головой английских клириков, он принудил конвокацию — собрание духовенства южной провинции Кентерберии — признать его «единственным

защитником и высшим главой английской церкви и духовенства». По настоянию клириков, к этому утверждению была добавлена оговорка: «...насколько это не противоречит божественному закону». Король также принудил духовенство заплатить внушительный налог с доходов церковных бенефициев. Конвокация архиепископства Йоркского приняла такое же решение, однако некоторые епископы зарегистрировали протест. А когда в Лондоне начали собирать налог с клириков, бедные священники с согласия и даже подстрекательства мирян отказались платить. Однако король не собирался останавливаться. В столице издавались сочинения реформаторов-протестантов, например Кристофера Сент-Джермена, в которых говорилось, что король имел власть решать вопросы, касавшиеся церковного имущества и дисциплины, а король в парламенте, представлявший все сословия королевства, обладал властью и в духовных делах. В том же году аргументы Генриха VIII в пользу развода были впервые декларированы публично.

В январе 1532 г. парламент вновь собрался в Лондоне, и король внес в верхнюю палату билль о запрете аннатов (годового дохода с епархии, который каждый вновь назначенный епископ выплачивал Риму). Неуступчивого папу планировали переубедить с помощью финансов. Лорды светские и духовные согласились принять билль только после того, как король трижды появлялся в палате, чтобы принудить их проголосовать за королевский закон. Конвокация объявила протест против посягательства на привилегии церкви. В нижней палате сопротивление биллю оказали лондонцы. Благополучие столицы во многом зависело от торговли с Нидерландами. А лондонцы уже успели понять, что конфликт короля с императором и папой из-за развода может привести к разрыву торговых отношений. Советникам короля пришлось

согласиться на компромисс: епископам разрешалось выплачивать 5 % дохода в Рим, и после принятия статута не должно быть никаких враждебных Риму действий в течение года. В конце концов, Генрих сумел принудить общины проголосовать за билль, только прибегнув к запугиванию: всем, кто собирался голосовать против, было приказано встать и показать себя. Зная мстительный нрав короля, на это рискнули пойти немногие.

Следующим шагом было принуждение конвокации признать над собой власть короля. Это произошло в мае 1532 г., а почти за год до этого в нижней палате парламента велась оркестрованная королевскими советниками (прежде всего, Томасом Кромвелем) кампания против духовенства, обвинявшегося в превышении полномочий при использовании церковной юрисдикции (особенно когда речь шла о процессах еретиков). Лорд-канцлер Томас Мор тайно поощрял оппозицию в нижней палате. Когда духовенство признало власть над собой короля, он ушел в отставку. Новым лорд-канцлером стал сторонник Кромвеля Томас Одли. Вскоре Одли выпустил на свободу группу еретиков — лоллардов и протестантов, арестованных в Лондоне по приказу Мора. Времена менялись.

В августе 1532 г. исчезло еще одно препятствие на пути короля: скончался непоколебимый противник развода, архиепископ Кентерберийский Уорэм. Его преемником был утвержден (в марте 1533 г.) ставленник короля, бывший капеллан Анны Болейн, Томас Кранмер. А развод сделался настоящей необходимостью: в октябре 1532 г. Анна Болейн отправилась с Генрихом VIII в Кале на встречу с французским королем Франциском I. Из Кале Анна вернулась беременной. Времени терять было нельзя: долгожданный наследник короля должен был родиться в законном

браке. В январе 1533 г. Генрих и Анна тайно обвенчались в королевской капелле Уайтхолла.

В собравшемся зимой 1533 г. парламенте обсуждался билль о запрете апелляций в Рим. Лондонцы боялись, что в ответ на такой закон папа запретит торговать с Англией, поэтому в нижней палате возникло серьезное сопротивление законопроекту. Член палаты от Лондона даже предлагал подкупить короля, предложив ему 200 000 фунтов, чтобы тот отказался от нового закона. Закон прошел после того, как король и его советники опять применили прямое давление. Теперь можно было делать следующий, последний шаг: аннулировать брак Генриха и Екатерины. В конвокации южной провинции протестовал лишь епископ Фишер; остальные епископы склонились перед волей короля. В мае 1533 г. брак короля был признан аннулированным на том основании, что он был кровосмесительным, а папская диспенсация противоречила божественному закону. 23 мая архиепископ Кранмер объявил первый брак короля аннулированным, а пять дней спустя законным был признан брак Генриха и Анны Болейн. Анна стала королевой Англии. Екатерина была объявлена вдовствующей принцессой Уэльской и отправлена под арест в замок Бакден (Хантингдоншир), а потом — в Кимболтон (Кембриджшир), а принцесса Мария была объявлена незаконнорожденной.

Вскоре столичные жители увидели коронацию новой королевы. Она очень хорошо документирована. Поэтому сейчас, спустя столетия, можно представить себе торжества в деталях. Подготовительные работы фактически начались годом раньше. Ведь по традиции королева должна была провести две ночи накануне коронации в Тауэре. Однако после 1510 г. король и его двор редко посещали свой лондонский замок. Генрих VIII побывал там только 20 января

1520 г. Неудивительно, что и замок и в особенности королевские покои сильно пострадали от такого пренебрежения. В июне 1532 г. все здания крепости подверглись тщательному осмотру, в ходе которого выявили «неполадки». За строительные и ремонтные работы отвечал Кромвель, а Генрих VIII лично инспектировал их ход. К весне 1533 г. подготовка закончилась. Тауэр был готов принять новую королеву.

Торжественный въезд Анны Болейн был назначен на 29 мая 1533 г. У столицы было немного времени на подготовку: король, опасаясь волнений, предупредил лорд-мэра всего за две недели до запланированного события. Из-за недостатка времени на подготовку театрализованные представления были несколько проще, чем сложные аллегории, представшие перед глазами лондонцев в 1509 г. Однако на роскошную обстановку не пожалели никаких расходов.

Кроме того, ради Анны Генрих VIII приказал изменить — удлинить — маршрут, по которому должна была двигаться процессия. Согласно коронационному церемониалу, процессия начиналась на Лондонском мосту и заканчивалась в Вестминстере. Но в 1533 г. к церемонии добавился новый элемент — процессия барж, направлявшаяся из Сити встречать королеву.

29 мая 50 богато украшенных барж, подготовленных на средства гильдии торговцев галантерейными товарами, отправились от Новой пристани в Биллингсгейте вниз по реке в Гринвич, для встречи королевы. Баржа королевы раньше принадлежала Екатерине Арагонской, поэтому мастера потратили немало усилий на то, чтобы заменить герб Екатерины символом новой королевы — белым соколом с короной на голове. Королевскую баржу сопровождали баржи с музыкантами, а также передвижные платформы с актерами в костюмах дикарей и декорациями,

изображавшими красного огнедышащего дракона. Двигавшиеся вверх по реке баржи приветствовал салют пушек Тауэра, где по традиции должна была расположиться новая королева. Сама Анна сияла, как солнце, в платье из золотой парчи. Она сошла на берег у Тауэра и направилась к Королевскому мосту, что ведет через ров к башне Байворд. Там ее приветствовали лейтенант и констебль (смотрители) Тауэра, высшие государственные чиновники, а у входа в замок — сам король. В тот же вечер король и королева устроили торжественный прием в Тауэре, а на следующий день в Белой Башне прошло посвящение в рыцари Ордена Бани.

В субботу, 31 мая, состоялся торжественный въезд королевы в столицу. В процессии участвовали придворные — титулованные дворяне, прелаты, иностранные послы. Поскольку Анна была на шестом месяце беременности, въехать в город верхом она не могла. Королева прибыла в столицу на носилках белого цвета, украшенных золотом. Их несли 16 джентльменов королевской свиты. Одета Анна была в те же цвета — белое платье, расшитое золотом, и длинную мантию из такой же ткани. Волосы она распустила по плечам в соответствии с традицией.

По ходу следования процессии королеву приветствовали актеры, разыгрывавшие перед ней представления. На Фенчёрч-стрит дети, наряженные купцами, произнесли приветственные речи. Столичное купечество приветствовало королеву, происходившую из их среды. На углу Грейсчёрч-стрит, на помосте, возведенном на средства немецких купцов, возвышалась гора Парнас. Здесь Анну приветствовали покровитель искусств Аполлон и музы. У Кондуита на Корнхилле к королеве обратились три грации. Эскизы для представлений были выполнены Гансом Гольбейном-младшим, а текст принадлежит перу лучших

гуманистов эпохи — Николаса Удалла и Джона Лиланда.

От Лиденхилла кортеж проследовал к Чипсайду и Воротам Св. Павла, где королеву ждало новое представление — пустой трон, на котором виднелась латинская надпись: «Королева Анна, процветай, покоряй и царствуй!», а затем через соборный двор — к Ладгейт, церкви Св. Мартина, Флит-стрит, Темпл Бар и далее к Вестминстеру. Здесь, в Большом зале, Анна наконец ступила на землю.

По завершении процессии Анна на барже украдкой вернулась в Йорк-Плейс. Сама коронация состоялась утром 1 июня в большом зале Вестминстерского аббатства. Анна, одетая в платье из фиолетового бархата, отороченного горностаем, проследовала из Большого Зала Вестминстерского дворца в Аббатство для обряда коронации. Возложенная на Анну корона была очень тяжелой — это была корона Св. Эдуарда Исповедника, которой обычно короновали королей, — поэтому посреди коронационной литургии архиепископ Кранмер снял ее с Анны и надел ей на голову специально для нее изготовленную диадему; в ней Анна впервые предстала перед лондонцами во время въезда в столицу.

За коронацией последовал банкет в Вестминстерском дворце. Среди гостей присутствовали лорд-мэр и олдермены, которым отвели один из больших столов. Лорд-мэр поднес Анне золотой кубок с вином. Выпив его, королева с благодарностью вернула сосуд мэру — как дар городской общине.

Несмотря на всю помпезность торжеств, лондонцы реагировали на происходящее без особого энтузиазма. Собравшаяся поглядеть на новую королеву толпа не оглашалась единодушными приветственными возгласами; многие из собравшихся молчали. По словам не слишком доброжелательного свидетеля —

императорского посла, — коронация Анны скорее напоминала похороны. Анна по-прежнему оставалась непопулярной в Лондоне, хотя мало кто теперь рисковал выступить с открытой критикой. Кроме того, многие в Лондоне опасались возможных последствий, то есть конфликта с императором и папой.

В июле 1533 г. папа осудил брак Генриха и Анны и предписал ему под страхом отлучения от церкви вернуться к Екатерине до сентября того же года. В сентябре короля ждало новое разочарование — долгожданный наследник оказался девочкой, которую в честь его матери называли Елизаветой. Противники развода не могли сдержать усмешки; Генрих, однако, делал хорошую мину при плохой игре: на крещение Елизаветы не пожалели расходов.

Принцесса родилась в Гринвиче 7 сентября, и там же спустя три дня состоялась церемония крещения. Плотники работали не покладая рук, чтобы успеть возвести барьеры, отгораживавшие путь торжественной процессии, следовавшей из дворца в церковь францисканцев. Внутри возвели помост, на котором стояла купель, окруженная перилами, с которых свисали полотнища алого бархата. Младенца Елизавету внесли в церковь завернутой в мантию из фиолетового бархата с горностаевой опушкой.

Однако теперь, когда папа официально выступил против брака Генриха и Анны Болейн, возникла реальная необходимость ограничить папскую юрисдикцию в Англии; в противном случае Генрих вполне мог лишиться власти. Парламентская сессия 1534 г. одобрила законы, согласно которым в Англии дозволялось проповедовать против власти папы. Более того, пропагандистская кампания велась по прямому приказу Королевского Совета. Другой статут провозглашал, что папа имеет в Англии не больше власти, чем любой иностранный епископ. Статут

о престолонаследии 1534 г. приравнивал к измене публично выраженные сомнения в законности брака Анны и Генриха. Наследовать престол могли только дети, рожденные в этом союзе. Всем членам парламента и должностным лицам было предписано клятвой подтвердить свое согласие с новым законом. 30 марта 1530 г., в последний день парламентской сессии, члены обеих палат принесли присягу.

В то же время в Риме было принято окончательное решение относительно развода Генриха VIII: английскому королю было предписано вернуться к законной супруге — Екатерине Арагонской. Поскольку всем было очевидно, что Генрих не собирается выполнять его, перспектива отлучения короля от церкви и вторжения армии императора с целью смещения его с престола стала вполне реальной. Подобные условия только ожесточили Генриха. Всему столичному духовенству было предписано принести присягу на верность Генриху и его наследникам от Анны Болейн. 13 мая присяга была принесена всеми, за исключением доктора богословия Николаса Уилсона. Томасу Мору и епископу Фишеру тоже было предложено принести присягу; оба отказались это сделать. Фишер был против развода короля с самого начала; Мор признавал право парламента определять порядок наследования престола. Однако он не мог согласиться, что брак Генриха и Екатерины противоречил божественному закону. Оба — и Мор, и Фишер — были отправлены в Тауэр.

Подданные Генриха были отнюдь не в восторге от происходящего. В конце 1520-х гг. монахиня-визионерка из Кентербери, Элизабет Бартон, при посредничестве своего духовника Эдварда Бокинга начала кампанию против распространения протестантской ереси и развода. Она предсказала падение Уолси, а при личной встрече с королем заявила

ему, что если он разведется с Екатериной, то умрет в течение месяца. К пророчествам Бартон прислушивались в Лондоне и при дворе; в число ее почитателей входили лондонские купцы и олдермены, монахи-бригеттинцы и францисканцы, придворные дамы — маркизы Солсбери и Эксетер, графиня Дерби, лорд и леди Хасси, епископ Фишер и Томас Мор. В 1533 г. Бокинг и другие священники проповедовали в Лондоне и его окрестностях, распространяя пророчества Бартон. В середине июля 1533 г. в Лондоне был напечатан сборник пророчеств (700 экземпляров). Но до читателей он не дошел: по приказу Кромвеля тираж книги был арестован. Элизабет Бартон и ее помощники были арестованы и казнены в апреле 1534 г. Это была первая, но отнюдь не последняя казнь, свидетелями которой стали шокированные лондонцы. Генрих VIII отправил на плаху всех, кто противился разводу. Соппротивление возглавляли монахи, поэтому именно они и пострадали больше всего. Францисканцы-обсерванты отказались принести присягу, поэтому в августе 1534 г. английские монастыри ордена были распущены; их монахи были отправлены в другие францисканские монастыри, а самые непримиримые противники развода были либо арестованы, либо покинули страну. Жестоко пострадали картузианцы. 4 мая 1535 г. изумленная толпа увидела, как трех приоров-картузианцев провозили в позорной процессии по всему Лондону, от Тауэра к его западной окраине — Тайберну (около нынешней Марбл Арч), традиционному месту казни преступников. Монахи взойшли на эшафот, чтобы умереть страшной смертью осужденных изменников. Приговоренных вешали, однако снимали с эшафота до того, как те успевали умереть. Затем еще живых кастрировали, вскрывали грудную клетку, вынимали внутренности и сердце, потом трупу отрубали голову

и конечности. Вместе с картузианцами были казнены монах-бригеттинец из монастыря Сион Ричард Рейнолдс и викарий Джон Хейл из Излворта. 19 июня 1535 г. их судьбу разделили другие три монаха-картузианца. Еще 10 монахов-картузианцев из Лондона уморили голодом в тюрьме Ньюгейт.

Спустя 3 дня на эшафот у Тауэр Хилл (где казнили знатных преступников) взошел епископ Фишер. Незадолго до этого папа даровал ему сан кардинала, надеясь, что Генрих не рискнет казнить высокопоставленного прелата. Но король посмел. Лондонцы безмолвствовали, и в данном случае их молчание явно говорило о сочувствии жертве. Фишера глубоко почитали в столице, а его казнь напоминала многим о судьбе его святого покровителя — Иоанна Крестителя, обезглавленного по приказу царя Ирода. Сравнение показалось уместным и потому, что месть Генриха непокорному прелату не знала границ. По приказу короля обезглавленное тело весь день пролежало на эшафоте, и над ним не читали молитв. Вечером того же дня тело сбросили в общую могилу при церкви Всех Святых (Олл-Хэллоус-Баркинг). Оттуда оно позднее было перенесено в церковь Св. Петра-ад-Винкула (Св. Петра-в-оковах), находящуюся у стены Тауэра. В ней по традиции хоронили казненных государственных преступников. Голова Фишера была помещена на шест на Лондонском мосту. Спустя две недели ее сняли и выбросили в Темзу: король не желал, чтобы голова казненного превратилась в мощи мученика. Кроме того, нужно было освободить место для других голов.

6 июля 1535 г. судьбу Фишера разделил бывший лорд-канцлер, сэр Томас Мор. В отличие от предыдущих казней, зрителей почти не было — король усвоил урок и не пожелал усиливать уже возникшее у подданных тягостное впечатление. В глазах многих

Генрих из популярного короля уже превратился в наводящего ужас тирана. По отношению к Мору — другу детства — король был более милосерден: он позволил семье казненного похоронить его тело в церкви Св. Петра-в-оковах. Голова бывшего канцлера сменила на Лондонском мосту голову Фишера. Спустя месяц дочь Мора, Маргарет Ропер, нашла голову отца на берегу Темзы — куда сбрасывали головы казненных преступников — опознав ее по отсутствовавшему зубу, и хранила у себя как реликвию. После смерти Маргарет (1544) ее наследники похоронили голову Томаса Мора в семейной усыпальнице Роперов в церкви Св. Данстана в Кентерберии. Согласно преданию, голова до сих пор находится там.

Развод короля не приняли и многие протестанты, посчитавшие, что король потворствует своим плотским страстям. Так, реформатор Уильям Тиндел еще в 1530 г. высказал мнение, что развод Генриха VIII не может быть обоснован при помощи Св. Писания. Тем самым он вызвал на себя гнев короля. Генрих VIII потребовал, чтобы Тиндела — осужденного в Англии как еретика — арестовали на территории Священной Римской империи и выдали английским властям. Тиндел был арестован в 1535 г. в Антверпене. Его не выдали англичанам, но судили и признали виновным в ереси, несмотря на все попытки государственного секретаря Кромвеля оказать давление на власти Нидерландов. В конце сентября 1536 г. Тиндел взмолился на костер; местные власти выказали милосердие, приказав удавить осужденного, прежде чем был зажжен костер. Согласно легенде, последними словами Тиндела были: «Боже! Открой глаза королю Англии!»

Начало протестантской Реформации в Лондоне

Хотя разрыв с Римом не планировался заранее и в начале 1530-х гг. мало кто предполагал, что решение Генриха VIII необратимо, в 1534 г. английский король оказался во внешнеполитической изоляции. Из Рима со дня на день ожидали новостей об отлучении короля от церкви и вторжения войск императора. В этих условиях лояльность подданных стала основным приоритетом, вне зависимости от того, обеспечивалась ли она проповедями или прямым запугиванием. В 1530-х гг. у власти при дворе находилась группа дворян, связанных с кругом Анны Болейн. Фактическим главой правительства стал Томас Кромвель. Он начинал служить еще кардиналу Уолси, а после его падения предложил свои услуги королю. Именно Кромвель стоял за организацией королевского развода. По религиозным взглядам Кромвель был близок к протестантам. Став после принятия статута о королевской супрематии (1534) заместителем (вице-герентом) короля в делах, касавшихся англиканской церкви, он начал наступление на традиционную религию и католические обряды, многие из которых считал суеверием. Однако в этой деятельности ему постоянно приходилось оглядываться на мнение короля. Хотя Генрих в силу политической необходимости и заигрывал с протестантами, сам

он считал себя просвещенным католиком, готовым выступить против некоторых суеверий, но, по сути, остававшимся верным католическому учению. Его советники-протестанты ступали по тонкому льду. Их положение зависело от покровительства королевы и переменчивой воли короля.

Желающих лишить протестантскую группировку власти было предостаточно. Кромвеля и родственников Анны Болейн презирали как выскочек и еретиков. В 1536 г. Лондон вновь наполнился невероятными слухами. На этот раз речь шла о новой королеве Анне. К началу 1536 г. было очевидно, что Генрих VIII устал от бурных отношений с женой, которая к тому же так и не родила ему сына. К весне 1536 г. две беременности завершились выкидышами, причем плод последней развивался неправильно. И повивальные бабки, и сам король сочли мертворожденного младенца монстром. Согласно представлениям того времени, монстры появлялись на свет только в результате страшного грехопадения — не просто прелюбодеяния, но инцеста. Поэтому король оказался готов слушать обвинения в адрес Анны со стороны ее врагов. Анна оказалась в уязвимом положении и потому, что в январе 1536 г. умерла ее соперница Екатерина Арагонская. Как ни странно, именно она стояла между Анной и ее судьбой. Пока была жива Екатерина, Генрих не выступил бы против второй жены, не рискуя выставить себя на всеобщее посмеище. Но после смерти Екатерины Анна Болейн превратилась в помеху: она препятствовала примирению короля и императора и оказалась неспособной родить желанного сына; она же компрометировала своих союзников-протестантов.

Группа придворных во главе с маркизом Эксетером, джентльменом королевской опочивальни Николасом Кэрю, графом Саутхэмптоном и сэром Энтони

Брауном использовала ту же стратегию, что Болейны до них. Они рассчитывали на аннуляцию брака Генриха и Анны Болейн и вступление короля в новый брак с выбранной для этой роли «скромницей» — фрейлиной Джейн Сеймур. Ей было предписано невинно флиртовать с королем, но отказываться от дальнейшего сближения, чтобы подстегнуть страсть Генриха. Новый брак должен был стать залогом примирения с Римом, возвращения принцессе Марии права наследовать престол после отца (в случае отсутствия у Генриха сыновей) и отказа от заигрываний с протестантами.

Заговорщики нашли неожиданного, но весьма эффективного союзника в лице Томаса Кромвеля. Осознавая, что Анна потеряла влияние на короля, Кромвель не желал лишиться власти вместе с ней; он предпочел избавиться от нее самым безжалостным образом. Если придворные заговорщики планировали аннуляцию брака, то Кромвель решил вопрос радикально. 29 апреля 1536 г. один из музыкантов королевы Анны — Марк Смитон — был арестован. После интенсивных допросов (скорее всего, с применением пыток) Смитон признался в том, что он и еще несколько придворных (в том числе лорд Уэстон, Уильям Бреретон, Джон Норрис, Смитон и брат Анны, Джордж Болейн, маркиз Рочфорд) были любовниками королевы Анны. Вскоре была арестована и сама королева; по иронии судьбы, ее поместили в те же покои Тауэра, в которых она дожидалась своей коронации.

На основании показаний слуг и членов свиты королевы (все сказанное ими было, разумеется, значительно отредактировано) предполагаемые любовники Анны, а затем и она сама были признаны виновными в государственной измене и попытке лишить короля жизни при помощи колдовства. Муж-

чин — Уэстона, Бреретона Норриса, Смитона и лорда Рочфорда — казнили первыми, 17 мая 1536 г., у Тауэр-Хилл. Для их казни специально построили высокий эшафот, чтобы собравшимся лондонцам было хорошо видно происходящее. Король проявил «милосердие», приказав обезглавить простолюдина Смитона вместе с дворянами, спасая его тем самым от пыток, которые предшествовали смерти государственного изменника.

Анна до последнего надеялась, что, согласившись на аннуляцию брака с Генрихом, она спасет себе жизнь. Однако этого не произошло. 19 мая 1536 г. в стенах Тауэра возвели эшафот: король не желал большого скопления народа. Хотя ворота замка не закрывали, точное время казни не было известно; более того, ее специально перенесли на более поздний срок, чтобы большая часть собравшейся толпы разошлась по домам, не дождавшись зрелища. Попросив присутствовавших молиться о короле, Анна преклонила колени перед плахой. Палач из Кале отрубил ей голову одним ударом меча (меч считался более благородным, нежели топор, и, соответственно, более подходящим для казни королевы). Тело Анны завернули в саван и немедленно похоронили в Церкви Св. Петра-в-оковах.

Лондонцы никогда особенно не любили Анну, однако ее казнь повергла в трепет жителей столицы. Впервые в английской истории на плаху взойшла коронованная супруга монарха. Популярности Генриху казнь жены тоже не прибавила. Наоборот, она окончательно закрепила за ним репутацию капризного и безжалостного тирана. Не помогло репутации короля и то, что он поспешил вступить в новый брак. Уже на следующий день после казни Анны Генрих VIII обручился с Джейн Сеймур в Уайтхолле. А 30 мая там же состоялась и их свадьба.

Сторонники восстановления власти папы в стране надеялись, что теперь примирение с Римом станет возможным. На это, казалось, намекало новое торжественное представление, разыгранное на реке по случаю открытия заседаний Парламента. 7 июня 1536 г. флотилия барж проследовала из Гринвича к Уайтхоллу. Посол императора Карла V Шапюи, прибывший в Лондон для заключения договора с английским королем, летняя резиденция которого находилась на берегу Темзы, в Ротерхите, на полпути между Сити и Гринвичем, отправил две лодки с музыкантами, которые песнями приветствовали появление королевской баржи. Тауэр салютовал монарху пушками. На следующий день король открыл заседания парламента. Этой церемонии предшествовала торжественная месса в Вестминстерском аббатстве. В ходе литургии аббат поднес королю скипетр Св. Эдуарда, а монахи подняли над его головой балдахин из золотой парчи. Все это напоминало вторую коронацию.

Спустя неделю, в день Тела Христова, Генрих VIII, королева Джейн и весь двор, сопровождаемые членами парламента, вновь проследовали в аббатство. Перед торжественной процессией несли освященную гостию. Казалось, Генрих VIII продемонстрировал всем свою верность католичеству.

Однако главная опора реформаторов — Кромвель — убедил Генриха в том, что лишь из-за поддержки заговорщиков-папистов принцесса Мария отказывалась признать новый церковный порядок. В результате ее принудили подчиниться, а король изгнал католиков из своего Тайного Совета. Власть Кромвеля не только не пошатнулась, но даже укрепилась.

Эту власть Кромвель использовал для проведения в жизнь программы церковных реформ. По всей

стране звучали проповеди против «незаконно присвоенной римским епископом власти». Упоминания о папе вымарывались со страниц служебников и религиозных текстов. Было запрещено и почитание Св. Томаса Бекета — мученика, пострадавшего во имя прав католической церкви и ее главы, находившегося в прямом конфликте с английским королем Генрихом II. Для его тезки спустя столетия Бекет был не святым, а изменником. Лондона это касалось напрямую, так как Бекет был уроженцем столицы; здесь его почитали, и многие церкви, часовни и госпитали носили его имя. Лондонцам спешно пришлось делать вид, что почитали они на самом деле других святых (как это произошло с госпиталем Св. Фомы Акрского, который изначально был посвящен Св. Томасу Бекету).

Реформация Генриха была более чем умеренной в отношении вероучения. Все решения, касавшиеся догматов, были компромиссными и, как правило, не устраивали континентальных протестантов. «10 статей» 1536 г. (подтвержденные так называемой «Королевской книгой» 1537 г.) содержат основное положение учения Лютера — идею об оправдании (спасении) верующего не благодаря собственным добрым делам, но через дарованную ему божественной благодатью способность искренне верить в Христа и Его искупительную жертву. Генрих VIII признавал также, что только три таинства — крещение, причащение и исповедь — имеют под собой библейское основание. Однако оставшиеся четыре таинства — конфирмации, миропомазания, брака и рукоположения — объявлялись достойными почитания, хотя и необязательными для спасения.

В учении о евхаристии Генрих оставался верным католиком, и на всем протяжении его царствования пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь

Христову оставалось единственным официально признанным толкованием сути таинства. Любое другое его толкование считалось ересью и могло привести на костер.

Литургия также оставалась нетронутой, хотя теперь приходам предписали непременно иметь экземпляр Библии на английском языке для просвещения прихожан. Однако многие аспекты традиционной религии оказались под угрозой. Прежде всего это касалось учения о чистилище и связанных с ним обычаев (поминальных месс и капелл, поминальных гильдий и братств и т. п.). Генрих не выступил против учения о чистилище как такового, оставив этот вопрос на рассмотрение церковному собору, но многие протестанты, пользуясь покровительством Кромвеля, начали проповедовать против идеи чистилища, именуя его римским суеверием.

Почитание святых Генрих не отвергал; он и сам не раз отправлялся в паломничества, как и большинство его подданных. Но король разделял мнение многих реформаторов — католиков и протестантов — о том, что в практике почитания святых есть немало суеверных обычаев, выходящих за рамки допустимого почитания. Протестанты именовали их идолопоклонничеством. С подачи Кромвеля проповедники начали кампанию против поклонения мощам святых и паломничеств, разоблачая многие известные святыни как «фальшивки», призванные помогать духовенству извлекать деньги из кошельков легковверных мирян. Инструкции Кромвеля предписывали местному духовенству изъять из церквей почитаемые образы святых или мощи или разместить их так, чтобы перед ними нельзя было поставить свечи, преклонить колени и т. п. Священникам было предписано поощрять прихожан жертвовать деньги не на чудотворные образы или поминальные мессы, а в пользу бедных.

11 августа 1536 г. были обнародованы новые правила: провозглашалось, что, поскольку многие церковные праздники, посвященные святым, основываются не на подлинной традиции, а на суевериях и дают людям возможность впасть в грех праздности, чревоугодия и т. п., часть из них необходимо отменить. Церковный календарь был существенно упрощен; при этом наибольшая доля отмененных праздников приходилась на лето — пору уборки урожая. Запрет церковных праздников, многие из которых были приходскими и играли большую роль в жизни местных общин, встретили ропотом, а кое-где и прямым сопротивлением. Однако самой радикальной мерой, раз и навсегда изменившей жизнь всей страны, а также существенно перекроившей внешний облик столицы, стал роспуск монастырей.

Роспуск монастырей

Роспуск монастырей, пожалуй, можно счесть главным событием Реформации эпохи Генриха после разрыва с Римом. Для протестантских советников короля — Кромвеля, архиепископа Кранмера и т. п. — роспуск монастырей был важным этапом церковной реформы, устранением суеверий, которые, как они считали, питали жизнь монашеских общин. Это был последовательный шаг в наступлении на традиционные представления о чистилище и почитании святых. Сам Генрих разделял сомнения реформаторов в отношении чистилища, однако он оставался верным католиком в том, что касалось почитания святых.

Его желание распустить монастыри было продиктовано иными соображениями: речь шла о финансах. В обстановке внешней угрозы, многократно возросшей в 1536 г., когда Испания и Франция заключили перемирие, королю требовались средства на ведение войны, а казна была практически пуста. Монастыри же были богаты; конфискация их имущества могла решить финансовые проблемы короны, по крайней мере на время.

В 1535–1536 гг. специально назначенные Кромвелем комиссары были направлены во все монастыри с инспекцией. В задачи комиссаров входило провести максимально точную оценку монастырского имущества, а также обнаружить любые случаи нарушения

монашеской дисциплины, которые могли бы послужить доказательством порочности монашеской жизни и стать основанием для роспуска монастыря.

Опираясь на собранную информацию, Генрих VIII в 1536 г. распустил мелкие монастыри (с доходом менее £300). В эту категорию попали многие провинциальные монастыри и большинство женских обителей. Имущество распущенных монастырей переходило в руки короля. Для распоряжения им был создан особый суд увеличения королевских доходов. Он распорядился выплатой пенсий бывшим монахам (в том случае, если те не пожелали стать приходскими священниками), а также продажей и сдачей в аренду вновь приобретенных земель мирянам (в основном — дворянам).

В результате роспуска монастырей корона, а в конечном счете — английское дворянство существенно обогатились. Однако для тех, чья жизнь была связана с монастырями, небеса обрушились на землю. В отличие от монахов, монахини и монастырские работники не получили никакой компенсации и были попросту выброшены на улицу без средств к существованию, усугубив и без того острую ситуацию с нищими и безработными, полагавшимися на благотворительность. Монастыри в свое время распределяли среди таких людей милостыню; теперь это бремя легло на приходы. Кроме того, появление новых арендаторов на монастырских землях часто приводило к конфликтам, так как новые хозяева стремились выжать как можно больше дохода, повышая арендную плату и т. п.

Роспуск монастырей был воспринят с большим недовольством практически повсеместно. На севере и северо-западе страны, где большинство обителей были небольшими, однако тесно вовлеченными в религиозную и экономическую жизнь прихожан,

ответом стало мощное восстание 1536 г. — Благодатное Паломничество — едва не стоившее Генриху короны. Против короля поднялись 40 000 северян; вполне возможным было и восстание на юге. Только переговоры и ложные обещания короля помогли его подавить. Участников восстания судили в Лондоне; ряд его лидеров, в том числе лорд Хасси и лорд Дарси, были казнены в Лондоне, на Тауэр-хилл, на глазах у большой толпы. Жители столицы в который раз увидели, что бывает с теми, кто отваживается противостоять воле короля.

В 1538–1539 гг. наступила очередь крупных монастырей. Теперь все обители подлежали роспуску. Комиссары короля предпочитали принудить или подкупить аббатов, чтобы те добровольно распустили монастырь. Упорствовавших в отказе — аббатов бенедиктинских монастырей Колчестера, Рединга и Гластонбери — обезглавили; остальные предпочли не рисковать и подчинились.

Столичные монастыри были богатыми, поэтому они были изъяты из действия статута 1536 г. о роспуске монастырей. Но сам роспуск начался там раньше, чем в других местах. В принципе, роспуск обители, некогда основанной короной, по приказу короля или архиепископа не был чем-то неслыханным. Так, в 1531 г. Генрих распустил госпиталь Св. Якова (Сент-Джеймс); на месте госпиталя был построен Сент-Джеймский дворец. А в 1532 г. была распущена обитель Св. Троицы, принадлежавшая каноникам-августинцам. Монастырские здания были пожалованы королем лорд-канцлеру, лорду Одли. Большую монастырскую церковь разрушили, а камень продали на строительство. Джон Стоу, издавший в 1598 г. «Описание Лондона», рассказывал, что разбирать церковь и высокие здания было трудно, да и желающих выполнять эту работу оказалось немного. В итоге камни,

из которых была сложена церковь, просто сбрасывали вниз, и они разбивались на части. Такой камень был непригоден для строительства больших дворцов, а простым лондонцам он вообще был не очень нужен, так как дома в столице строили из кирпича и дерева. Поэтому целая телега камня для мощения мостовой обходилась всего в шесть или семь пенсов.

После закрытия обители район Портсокен, находившийся за городской стеной, у ворот Олдгейт, ранее управлявшийся приором, перешел под власть городской общины, а точнее, олдермена, выбиравшегося горожанами, как и в других районах.

Роспуск обители августинцев был вызван финансовыми затруднениями обители. Позднее же все подобные решения были продиктованы политическими соображениями. В 1534 г. был распущен монастырь бригеттинок Сион. Его обитатели долгое время отказывали королю в поддержке в деле о разводе, а также не признали его главой церкви. В результате обитель была закрыта, монахов и монахинь перевели в другие монастыри (которые со временем тоже закрыли). Монастырский комплекс превратился в большой дворец — Сион-хаус, принадлежавший сначала Генриху VIII, а с 1547 г. герцогу Сомерсету. Позднее Сион-хаус перешел в собственность герцога Нортумберленда, а затем вновь вернулся к короне.

В 1537 г. распустили бенедиктинское аббатство Бермондси. На этот раз все прошло мирно: аббат Роберт Уортон добровольно согласился распустить монастырь, за что был вознагражден большой пенсией, а впоследствии — епископской кафедрой. Имущество монастыря перешло короне. В 1541 г. оно было пожаловано придворному, сэру Роберту Саутуэллу (хранителю свитков), который перепродал его сэру Томасу Поупу, казначею суда приращения королевских доходов. Камень, из которого были сложены

монастырские здания, пошел на строительство Бермондси-хауса. Считавшееся чудотворным большое распятие, привлекавшее паломников со всей страны, было вынесено за пределы монастыря, на Хорслидаун коммонс.

В 1537 г. было распущено еще два больших монастыря. Один из них — Чартерхаус — пал жертвой королевского развода. Монахи-картузианцы не признали развода и разрыва с Римом; за это многих казнили, другие умерли в тюрьме от голода, а остальных отправили в другие монастыри. Опустевшую обитель закрыли, а здания были сданы в аренду держателям-мирянам. С 1545 г. ими владел сэр Эдвард Норт, канцлер суда приращения королевских доходов. В 1545 г. он продал Чартерхаус герцогу Нортумберленду; после конфискации имущества герцога в 1553 г. бывший монастырь был вновь продан и вернулся к лорду Норту.

Затем настал черед остальных монашеских обителей столицы и ее окрестностей. В 1538 г. были распущены монастыри нищенствующих орденов и ряд госпиталей. Обитель доминиканцев Блэкфрайарз вызывала у короля нежелательные ассоциации с бракоразводным процессом. Королевский дворец Брайдуэлл был заброшен; впоследствии король передал его городской общине, и в нем был устроен исправительный дом для женщин-преступниц и проституток. Располагавшийся на другом берегу реки Флит монастырь был передан в руки сэра Томаса Кавардена, ведавшего придворными развлечениями. Главную монастырскую церковь Св. Анны (Сент-Энн) преобразовали в приходскую, а большую часть зданий разобрали. Медь с крыш и витражей, а также камень продали. В 1556–1584 и 1597–1655 гг. оставшиеся помещения были отданы театру, сохранившему имя Блэкфрайарз.

Францисканский монастырь Грейфрайарз у Ньюгейт после роспуска превратился в каменоломню, а церковь Христа (Крайст-чёрч) использовалась как склад трофеев, конфискованных на французских кораблях (главным образом, французских вин). В 1547 г. ее центральную часть отдали новому большому приходу (в состав которого вошли все оставшиеся здания и земли монастыря, а также госпитали Св. Варфоломея и Св. Марии Бефлем, которые иначе не на что было бы содержать, и небольшие приходы Св. Николая и Св. Юина), а в нефе разместился королевский печатник со своей типографией.

Монастырь августинцев-еремитов на Брод-стрит также был разделен. Восточная часть монастырской церкви (хор и алтарная часть) были дарованы казначею двора, сэру Уильяму Полету, и впоследствии стали складом зерна, угля и др. Каменные стены церкви спасали от частых в городе пожаров, поэтому их стремились использовать под склады. Неф церкви был отгорожен и позднее передан общине голландских протестантов. Женский монастырь кларисс постигла схожая участь: после роспуска монастырская церковь превратилась в приходскую (Св. Троицы), а здания использовались как мастерские и склад оружия. Монастырь бенедиктинок у Бишопгейт был пожалован за труды Томасу Кромвелю, который передал церковь Св. Елены (Сент-Хелен) приходу, а остальные здания продал гильдии торговцев кожей.

С молотка пошло и имущество цистерцианского аббатства Св. Марии Милостивой (Сент-Мэри Грейсес) в Восточном Смитфилде. Монастырские строения достались придворному, сэру Артуру Дарси, который разобрал их и продал камень. Позднее на их месте построили большой склад продовольствия. Кроме того, там соорудили печи и основали пекарню, готовившую сухари для матросов королевского флота. На

остальной территории бывшего монастыря возвели дома, сдававшиеся внаем. Под застройку пустили также и госпиталь каноников-августинцев Сент-Мэри Спайтел у Бишопсгейт. Все его здания были разрушены. А на их месте выросли новые дома.

За ним последовал и госпиталь Св. Фомы Акрского (Томаса Акона). Гильдия торговцев тканями, а точнее, один из ее членов, сэр Ричард Грешэм, лорд-мэр Лондона в 1537 г., выкупил у короля госпиталь в 1541 г. и вновь открыл его вместе с существовавшей при нем школой.

В 1539 г. появились новые жертвы. Был распущен приорат каноников-августинцев Св. Варфоломея. Его неф был разобран, а оставшуюся часть здания превратили в приходскую церковь. В крипте разместили склад угля и винный погреб, клуатр стал конюшней, в трансепте устроили кузницу, а бывшую часовню Девы Марии разделили на три дома и мастерскую. Госпиталь Св. Варфоломея продолжал свое существование, однако, лишившись поддержки аббатства, он постоянно испытывал финансовые затруднения и с трудом мог выполнять свои функции.

Бенедиктинское аббатство Св. Марии у Клерккенуэлл клоуз также было распущено. Все монастырские здания были разобраны на строительные материалы, а на их месте построены дома. Церковь Св. Якова (Сент-Джеймс Клерккенуэлл) стала приходской. Та же судьба ждала и лепрозорий — госпиталь Сент-Джайлс-в-полях. Обитель каноников-августинцев Сент-Мэри Овери тоже была распущена в 1539 г. Главная церковь — Спасителя — стала приходской, а монастырские здания были переданы лорду-камергеру короля, сэру Энтони Брауну. Госпиталь Св. Томаса, который существовал за счет монастыря, был распущен в 1540 г., а его капелла также превратилась в приходской храм.

Полностью разрушенными в результате роспуска оказались обители кармелитов (Уайтфрайарз) и «братьев с крестами» (Crutched friars) у Тауэра и Олдгейт. Вместо монастырской церкви братьев появились мастерская плотника и теннисный корт, а на месте келий — мастерская стеклодувов. Часть земли досталась сэру Томасу Уайатту, который построил там дом. Бывший монастырь кармелитов полностью исчез, а его место заняли дома дворян.

В окрестностях Лондона было распущено богатое и пользовавшееся огромным престижем женское бенедиктинское аббатство Баркинг. Большая монастырская церковь и основные здания были разобраны, а камень использовался при строительстве королевского дворца за рекой, в Гринвиче, а также верфей в Депфорде. Малая церковь, как и в большинстве случаев, стала приходской. Распущены были также и монастыри францисканцев-обсервантов в Гринвиче и Ричмонде.

Последним из числа больших монастырей в 1540 г. было распущено Вестминстерское аббатство. Поскольку оно являлось местом коронации английских монархов, а также и королевской усыпальницей, роспуск был проведен без особых потрясений. Часть доходов монастыря была передана главной церкви города — собору Св. Павла, в связи с чем лондонские острословы придумали присловие: «Ограбить Петра, чтобы заплатить Павлу». А само бывшее аббатство стало центром небольшой Вестминстерской епархии, просуществовавшей всего десять лет.

В 1540 г. по приказу короля был распущен орден рыцарей-иоаннитов, а их лондонский приорат был конфискован в пользу короны. Позднее он был передан герцогу Нортумберленду, а в церкви Генрих хранил свои походные шатры. Остальные здания были разобраны на строительные материалы; из добытого

там камня был построен дворец герцога Сомерсета на Стрэнде. Тогда же был распущен госпиталь Св. Антония (Сент-Энтони) на Треднидл-стрит, а также община отшельников при церкви Св. Якова-у-стены (Сент-Джеймс). Здание этой церкви было в 1545 г. куплено у короны Уильямом Лэмом и впоследствии перепродано гильдии часовщиков. Часть имущества госпиталя Св. Антония была передана главе существовавшей здесь школы. Однако этот человек — некий Джонсон, пребендарий из Виндзора, постепенно распродал его. Сначала он распустил хор, продал церковную утварь и украшения, затем церковные колокола, а затем выгнал бедняков, содержавшихся госпиталем, из их домов, выделив им 12 пенсов в неделю. Сохранившиеся дома были сданы в аренду, а капелла госпиталя впоследствии была передана французской протестантской общине. В 1544 г. был распущен госпиталь августинцев Сент-Мэри Ронсевалл. В 1550 г. то, что осталось от монастырского комплекса, было пожаловано сэру Томасу Кавардену. Впоследствии на этом месте был построен Норхэмптон-хаус.

После волны роспуска и конфискации имущества в столице уцелели лишь госпиталь для умалишенных Сент-Мэри Бефлем, который Генрих VIII продал городской общине в 1546 г., и госпиталь Св. Екатерины, находившийся под покровительством короны.

Роспуск монастырей радикально изменил облик города: часть церковных шпилей исчезла с его горизонта, исчезли монастырские клуатры, а вместо них выросли дворцы или скромные жилища горожан. Лондон получил новые приходские церкви, а также и место для строительства новых домов, что было немаловажно для вечно перенаселенной столицы, число жителей которой постоянно росло. Однако остальные последствия были далеко не

столь благоприятными. Роспуск монастырей обогатил корону, а также богатых горожан и придворных, сумевших получить доступ к бывшему церковному имуществу. Но для большинства лондонцев исчезновение монастырей из их жизни означало увеличение финансового бремени: нищие, жившие за счет монастырской благотворительности, а также оставшиеся без средств монастырские служки влились в море обездоленных, которых должны были теперь поддерживать приходы. Вместе с монастырями на грани исчезновения оказались и госпитали, выполнявшие важную социальную функцию. Именно монашеские общины заботились о больных, бедных, стариках и сиротах. С исчезновением монастырей армия нищих в столице существенно выросла, что немедленно вызвало озабоченность городских властей. Вместе с монастырями закрылись и монастырские школы, столь необходимые для столицы. Лондонской общине пришлось затратить немало усилий и средств, чтобы решить социальные проблемы, порожденные роспуском монастырей.

Последствия, касавшиеся религиозной жизни столицы, были не менее важными. Если для немногочисленной, но растущей и влиятельной протестантской общины монастыри были символами уходящего в прошлое суеверия, то для многих жителей столицы закрытие монастырей, уничтожение святынь и разрушение церквей и монастырских зданий было святотатством, за которое Лондон непременно должен был быть наказан. Впрочем, открытого сопротивления в Лондоне не засвидетельствовано: в конце концов, именно жители столицы оказывались свидетелями жестоких казней непокорных, и кровавый урок был ими усвоен. Однако глухой ропот недовольства в столице был вполне различим.

Продолжение Реформации в Лондоне

Несмотря на то что Генрих в душе оставался консерватором, его правительство, возглавляемое Кромвелем, осуществляло программу реформы церкви в соответствии с протестантскими принципами. Еще в начале 1530-х гг., во время подготовки королевского развода, правительство начало поощрять антипапские проповеди протестантов, особенно в столице и в юго-восточных графствах. Проповедники распространяли новое учение и постепенно сформировали в столице небольшую общину последователей, пользовавшуюся, впрочем, заметным влиянием благодаря покровительству придворных, а также архиепископа Кранмера. Проповедники и их братья-миряне обличали «римские суеверия» — мессу, почитание святых и т. п. Однако, несмотря на всю свою «броскость», протестанты отнюдь не доминировали в публичном пространстве столицы — мнение лондонцев по религиозным вопросам разделилось. Столичный епископ Джон Стокли был стойким консерватором; хороший оратор, он после 1533 г. не раз проповедовал в Лондоне против нового учения. Кроме того, он поощрял деятельность других католических священников. В Лондоне проповедовали монахи — например, брат Уильям Сорм, попавший за свои речи в пользу старого порядка в тюрьму Флит. В 1534 г. Джон Радд с главной лондонской кафедры

Св. Павла проповедовал в поддержку «Кентской девы» — Элизабет Бартон.

Однако кафедра Св. Павла гораздо чаще оказывалась в распоряжении реформаторов — Уильяма Ламберта, Роберта Барнса и др., что только усугубляло разделение лондонцев. Кроме того, многие приходские священники использовали таинство исповеди для того, чтобы наставляя прихожан в истинности старой веры. Столица бурлила, и Генриху не раз приходилось вмешиваться в процесс выборов мэра и олдерменов, чтобы держать ее под контролем. Это также не добавляло ему популярности. Многие жители столицы надеялись, что после казни Анны Болейн принцесса Мария вновь станет официальной наследницей престола; одна из городских церквей даже поспешила провозгласить ее таковой.

Когда северяне летом 1536 г. подняли восстание против короля, требуя восстановления монастырей, казни Кромвеля и советников-протестантов и восстановления принцессы Марии в правах наследования, власти всерьез опасались за столицу. В Лондоне были введены ночные патрули, а публичные развлечения были запрещены. Но даже после того, как армия восставших отступила, напряженность в столице не спадала. В ноябре 1536 г. в Чипсайде по пути в церковь Св. Фомы (Томаса) был убит протестант Роберт Пакингтон. В его убийстве власти обвинили Роберта Синглтона — протестанта и бывшего капеллана Анны Болейн. Однако протестантская община не была удовлетворена; 15 ноября 1536 г. Роберт Барнс произнес проповедь на похоронах Пакинтона, обвиняя в убийстве католиков. За это он был немедленно отправлен в тюрьму. Кромвель желал умиротворить столицу и страну. Лицензии всех проповедников были отозваны властью главы церкви, а новые выдавались только умеренным сторонникам политики короля.

Однако Генрих вовсе не был протестантом, и радикальные представители Реформации воспринимались им как угроза. Одной из первых жертв стала община анабаптистов. Анабаптисты поселились в Лондоне в 1532 г. В их число входили выходцы из Германии и Нидерландов. Анабаптисты относились к числу радикальных протестантов, не признававших церковных церемоний и полагавших, что толковать Св. Писание может любой человек, водимый Божественной благодатью. Анабаптисты не признавали крещения младенцев (отсюда и название секты), мессы и других таинств.

Лондонская община анабаптистов объединяла ремесленников с континента, собиравшихся ради совместного чтения Св. Писания и других книг. Лидером группы был гуманист-фламандец, Бастиан. Поначалу власти не обращали особого внимания на эту общину, однако положение изменилось после того, как анабаптисты подняли восстание и захватили власть в Мюнстере (Германия). Мюнстерская община анабаптистов, обобществившая имущество (1533), просуществовала всего несколько месяцев и была потоплена в крови. После этого все европейские правительства были склонны считать анабаптистов угрозой общественному порядку. На них обрушились преследования. В марте 1535 г. анабаптистам-иностранцам было предписано под страхом смерти покинуть Англию. Тех из них, кто рискнул остаться, быстро арестовали. В конце мая 1535 г. 20 анабаптистов-голландцев предстали перед судом, собравшимся в соборе Св. Павла. Половина из них была признана виновными и приговорена к казни. Анабаптистов ждала смерть еретиков — сожжение на костре в Смитфилде. Лондонцы не проявили особого сочувствия к иностранцам, как, впрочем, и к англичанам, отрицавшим учение о таинстве причастия

(пресуществления) — черепичнику Томасу Мейрелу, Уильяму Коллинсу, кирпичнику Джону Харридансу и др. Многие столичные жители публично высказывали свою ненависть к еретикам. Так, некий Эллис — слуга маркиза Эксетера — заявил протестантке, миссис Каупер: «Придет день, когда на вас, еретиков, не станут изводить дров, но свяжут всех вместе, засунут в мешок и бросят в Темзу».

По сохранившимся в архивах свидетельствам, ряд лондонцев в 1537–1538 г. высказывался против королевской супрематии. Порой протестанты посещали проповеди консерваторов, чтобы изыскать в их словах следы запрещенных учений (о власти папы, о чистилище и т. п.) и обвинить их в ереси. Многие приходы оказались разделенными: их разрывали конфликты между викариями — реформаторами или католиками — и прихожанами, придерживавшимися других взглядов.

Во многих приходах убежденные протестанты выступили за устранение почитаемых икон и образов святых, а также мощей — как «идолов». Еще в начале 1530-х гг. под влиянием антикатолической проповеди по Лондону прокатилась волна иконоборчества. Протестанты (чаще всего из числа молодых подмастерьев) разбивали статуи святых, протыкали иконы, желая посмотреть, станут ли те кровоточить. Однако в 1534 г. стихийное иконоборчество стало преследоваться властями. Были запрещены и проповеди на тему почитания святых. Тем не менее, официальная и неофициальная иконоборческая кампании продолжались. В ходе роспуска лондонских монастырей в 1535–1536 гг. собирали и уничтожали реликвии, сочтенные фальшивками — например, пояса Девы Марии и Св. Елизаветы. В феврале 1538 г. по всему юго-востоку Англии носили и показывали прихожанам большое распятие из цистерцианского аббатства

Боксли (Кент). Деревянное распятие считалось чудотворным; фигура Христа на нем могла двигаться и говорить. Однако комиссары Кромвеля, отвечавшие за роспуск монастыря, обнаружили обман — веревки и ремни, при помощи которых монахи могли двигать изображение Христа. Фальшивку выставили на всеобщее обозрение на Мейденхедском рынке в Кенте, затем отправили в Уайтхолл — к королю и придворным. В конце концов распятие выставили перед Крестом Св. Павла. Протестант-проповедник Джон Хилси, епископ Рочестерский, произнес проповедь против идолопоклонничества и практики паломничества; затем распятие разрубили на куски и сожгли.

Сгорели на разведенном в Смитфилде костре и считавшиеся чудотворными статуи Девы Марии и Христа из аббатства Уолсингэм (Норфолк) — святыни, столетиями привлекавшие паломников со всей Европы. Еще совсем недавно в паломничество к Деве Уолсингэмской отправлялись Екатерина Арагонская и сам Генрих VIII. Теперь же она превратилась в пепел на глазах лондонской толпы.

22 мая 1538 г. в Смитфилде вновь загорелся костер. Его сложили из обломков огромной статуи Св. Дерфеля из паломнической церкви Ландерфел (Северный Уэльс). Согласно пророчеству, Св. Дерфель должен был в один прекрасный день поджечь лес (*forest*). Во исполнение пророчества кто-то из властей продемонстрировал извращенное чувство юмора: на костре сгорел обвиненный в новой «ереси» — отрицании королевской супрематии — францисканский монах и бывший исповедник Екатерины Арагонской Джон Форест.

В последующую ночь радикальные протестанты — Джон Гуч и несколько фламандцев — разбили на части чудотворное распятие в церкви Св. Маргариты (Сент-Маргарет Паттенс) в Чипсайде. Спустя неделю

в приходе случился страшный пожар, в результате которого девять человек погибли. В городе шептались, что пожар стал божественной карой за святотатство.

Сентябрьские предписания Кромвеля приказывали епископам изъять из всех церквей статуи и другие изображения святых, считавшиеся чудотворными и привлекавшие паломников. Кроме того, вновь предписывалось произносить проповеди против почитания изображений святых и мощей. Каждый приход обязан был иметь английский перевод Библии, выполненный Майлсом Ковердейлом, чтобы любой грамотный прихожанин или прихожанка имели возможность читать Св. Писание. В 1538 г. Кромвель распространил новые инструкции, которые шли гораздо дальше первых. Они призывали прихожан проявлять христианскую любовь добрыми делами и верой, а не «вверять себя другим трудам, опирающимся не на Писание, а на людские измышления, например на праздные шатания паломников, жертвование денег или свечей иконам или мощам святых, или же лобызание их и произнесение молитв, которые они не понимают». Фактически инструкции 1538 г. запрещали все внешние проявления почитания святых. Под запретом оказались паломничества и почитание мощей, а также и церковные свечи. В храмах не должно было оставаться «свечей, лампад или восковых изображений перед иконами или фресками, за исключением лишь светильника, обычно зажигаемого перед большим распятием, свечи, горящей перед гостией на алтаре, и свечи на Гробе Господнем; этих светильников достаточно для освещения церкви и божественной литургии».

Наступление на религию приходов вызвало энтузиазм немногочисленных протестантов и повсеместное недовольство большинства. Уже в ноябре 1538 г. — спустя всего месяц после обнародования

инструкций Кромвеля — Генрих VIII издал прокламацию, ограничивавшую религиозную полемику и запрещавшую ввоз в страну англоязычных книг без особой лицензии и публикацию переводов Библии, не признанных официально. Запрещались и споры относительно природы таинства причастия, а всем анабаптистам и другим сектантам-иностранцам предписывалось покинуть страну в течение 10 дней. Король также осуждал нападки на ряд традиционных обрядов и церемоний католической церкви. Однако королевская прокламация не стала большим подарком католикам. В конце речь шла о том, что духовенство должно наставлять мирян вероучении, а также предупреждать их об опасностях суеверия и поглощенности обрядами и церемониями.

Последний же параграф наносил прямой удар по культу одного из самых почитаемых в Англии святых — Св. Фомы (Томаса) Бекета. Архиепископ Кентерберийский, он был убит по приказу короля Генриха II в 1170 г. Католической церковью он почитается как мученик. Генрих VIII объявил святого мятежником против законного короля. Еще в сентябре 1538 г. гробница Св. Томаса Бекета в Кентербери была разграблена, а кости святого уничтожены. Теперь прокламация предписывала всем церквям избавиться от изображений Св. Томаса; его имя следовало вымарать из богослужебных книг, а молитвы ему произносить тоже запрещалось.

Наступление на почитание святых продолжилось зрелищем, призванным наставить лондонцев в истинной вере. 24 ноября Джон Хилси, епископ Рочестерский, произнес проповедь против «фальшивых мощей», избличая монахов-цистерцианцев из аббатства Хейлс (Глостершир), где хранилась ампула с Кровью Христовой. Реформаторы заявляли, что в ампуле — утиная кровь.

Антикатолическая кампания во многом объяснялась не только протестантской программой реформ Кромвеля и его сторонников-протестантов, но и сложной внешнеполитической обстановкой, в которой оказалась Англия. Смерть королевы-«еретички» Анны Болейн, казалось, должна была принести с собой улучшение отношений Генриха VIII с католическими державами, прежде всего с императором Карлом V. А новый брак Генриха VIII с католичкой Джейн Сеймур принес стране долгожданного наследника, принца Эдуарда. Он родился 12 октября 1537 г. и 15 октября был крещен в часовне дворца Хэмптон-Корт. Пока столица радовалась рождению принца, пока звонили колокола, в церквях служили благодарственные молебны, а пушки Тауэра гремели залпами, королева Джейн умирала от родильной горячки. 24 октября Генрих VIII стал вдовцом.

Печальные семейные обстоятельства — смерть популярной в народе королевы Джейн — сопровождались и политическими осложнениями. Хотя восстание 1536–1537 гг. и было подавлено, у короля и правительства были все основания опасаться новой вспышки недовольства. С 1536 г. Генрих VIII был официально отлучен от церкви решением папы римского и подданные вполне могли поднять новое восстание, рассчитывая на поддержку извне. В июне 1538 г. Франция и империя заключили между собой десятилетнее перемирие. Теперь они могли, объединив силы, напасть на Англию — гнездо еретиков. Генрих VIII оказался в политической изоляции и перед лицом серьезной угрозы.

Ответом правительства Кромвеля было налаживание связей с немецкими лютеранами. Новый символ веры — «13 статей» — был основан на положениях Аугсбургского исповедания 1530 г. — главного вероисповедного документа лютеран. Наступление

на «католические суеверия» — монастыри, чудотворные иконы и мощи — также было частью кампании по сближению Англии с протестантским лагерем. Впрочем, соглашение с лютеранами так и не состоялось: консервативные епископы, поддержанные королем, настаивали на включении в общее исповедание веры положений о безбрачии духовенства, причастии под одним видом (только хлебом) для мирян и сохранении частных месс. Лютеране не приняли этих условий.

Опасаясь лишиться власти, Кромвель выступил против своих врагов-католиков при дворе. В конце августа 1538 г. по его приказу был арестован сэр Джеффри Пол. Он приходился сыном Маргарет Пол, графине Солсбери — наследнице Плантагенетов, последней представительнице дома Йорков. Брат сэра Джеффри — Реджинальд Пол в 1536 г. покинул Англию из-за несогласия с политикой своего царственного кузена, Генриха VIII. Убежденный католик, он получил кардинальскую шапку, а впоследствии стал одним из папских легатов, которые председательствовали на Тридентском соборе, реформировавшем католическую церковь. Для Генриха VIII кардинал Пол был врагом номер один, и вся его семья в Англии автоматически оказывалась под подозрением (тем более что дети графини Солсбери имели права на английский престол). Спустя два месяца заключения и постоянных допросов (возможно, с применением пытки) сэр Джеффри дал показания против членов своей семьи и друзей, якобы вступивших в заговор с императором Карлом V и кардиналом Полом с целью свержения Генриха VIII. Джеффри Пол купил себе жизнь своим «признанием»: ему было позволено уехать за границу и жить в изгнании. Однако его мать, старший брат, лорд Генри Монтегю (вместе с женой и сыном), а также друзья семьи — маркиз

Эксетер, сэр Эдвард Невилл и сэр Николас Кэрю — были отправлены в Тауэр. Все они были признаны виновными в измене и приговорены к смерти. 8 декабря 1538 г. на эшафот, воздвигнутый на Тауэр-хилл, взошел сэр Эдвард Невилл. 9 января 1539 г. за ним последовали лорд Монтегю и граф Эксетер, а 3 марта наступил черед сэра Николаса Кэрю. Сын лорда Монтегю скончался в тюрьме, а его мать, старая и больная женщина, провела под арестом еще два года и была казнена 27 мая 1514 г. в замке Тауэр. Очевидцы рассказывали, что неопытный палач не сумел отрубить ей голову сразу — ему потребовалось 11 ударов, превративших голову женщины в кровавое месиво. Казнь графини Солсбери, ничем, кроме уз родства, не связанной с реальным или мнимым заговором, отчетливо показала, что Генрих VIII по-прежнему стремился устранить всех возможных претендентов на английский престол. А Кромвель благодаря так называемому заговору сумел избавиться от католиков в Тайном Совете короля. Его монополия на власть казалась бесспорной.

Однако вскоре появились отчетливые признаки того, что не только большинство подданных короля, но и сам Генрих VIII устали от Реформации. Жертвами нового поворота событий стали многие лидеры протестантских общин. Первым из них был Джон Ламберт. Известный проповедник, он не раз обвинялся в ереси, но благодаря покровительству Кромвеля избегал наказания. Однако в ноябре 1538 г. он предстал перед судом по обвинению в ереси сакраментариев — то есть за то, что отрицал таинство пресуществления и отказывался признать, что хлеб и вино суть Тело и Кровь Христовы. В процессе принимал участие сам король, поэтому никакие покровители не могли спасти Ламберта. Король сказал ему: «Если ты уверяешь себя моему суждению, тогда ты должен

умереть, ибо я не стану покровителем еретика». Ламберт был приговорен к смертной казни и 22 ноября 1538 г. был сожжен в Смитфилде, на глазах у огромной толпы. Так Генрих VIII показал всему миру, что не потерпит ереси (особенно затрагивающей главное христианское таинство) в своем королевстве и не позволит министрам зайти дальше устранения «суеверных обычаев». Для короля Реформация закончилась.

Символом раскола и близящихся перемен стал Великий пост 1539 г. В столице действовали комиссары Кромвеля. Согласно их распоряжениям и в соответствии с инструкциями королевского министра из церквей изымались изображения святых, причем вне зависимости от того, являлось ли это изображение чтимым. В изъятиях участвовали те прихожане, которые выступали против почитания святых, паломничеств, процессий, чем вызывали гнев католиков. Порой протестанты громко читали Библии во время мессы (считая ее «суеверием»), нарушая тем самым порядок службы и раздражая прихожан-консерваторов. А ряд прихожан, пользуясь данным в 1538 г. разрешением короля, нарушали пост и ели мясо. Формально разрешение обосновывалось нехваткой рыбы на столичном рынке и ее небывалой дороговизной. На практике же соблюдение или несоблюдение поста стало своего рода лакмусовой бумажкой, указывавшей на католическое или протестантское семейство.

В январе 1539 г. у холма Тауэр-Хилл актеры, связанные с протестантами, играли драму реформатора Джона Бейла «Король Иоанн», где король Иоанн Безземельный был представлен в качестве борца с папской тиранией.

Генрих VIII провел Великий пост в Вестминстере, следуя католической традиции. В Страстную пятницу

король на коленях полз к кресту от самых дверей храма и сам прислуживал священнику во время мессы. Каждое воскресенье Генрих VIII вкушал освященные хлеб и воду, «так что ни один человек в Лондоне под страхом смерти не смел ничего возразить против этих церемоний». На праздник Вознесения Генрих VIII направился в Вестминстерское аббатство с торжественной процессией; в его капелле на алтаре находились изображения апостолов. А 7 июня 1539 г. во всех церквях Лондона служили поминальные мессы по недавно скончавшейся императрице Изабелле, жене Карла V.

Его советники-католики — епископ Тансталл и Гарднер, герцоги Норфолк и Саффолк — убеждали короля в том, что распространяющаяся ересь угрожает стабильности королевства и что король как глава церкви обязан разъяснить подданным, какие учения являются неприемлемыми. 16 мая герцог Норфолк обратился к верхней палате собравшегося в Лондоне парламента — епископам и лордам — с тем, чтобы те приняли решение относительно спорных вопросов о таинстве причастия (пресуществления), причащении под одним видом для мирян, обетах целомудрия, частных (вотивных) мессах, безбрачии духовенства и исповеди. После обсуждения обеими палатами, а также конвокациями духовенства обеих провинций — Кентерберийской и Йоркской, — был принят знаменитый «Шестистатейный» акт. Он подтвердил католическое учение по всем шести статьям, а именно пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, причащение под одним видом (хлебом) для мирян, обязательное безбрачие духовенства и сохранение святости обетов целомудрия, признание эффективности вотивных месс и исповеди. Тем, кто осмелился бы отрицать признанное учение, грозила смертная казнь. Статут 1540 г. несколько

смягчил этот закон, предписав казнить лишь тех, кто стал бы отрицать пресуществление. Однако даже и в смягченном виде статут стал орудием преследования протестантов.

Многие лондонцы, придерживавшиеся католических взглядов, ненавидели реформаторов, принесших стране, как они считали, лишь горе и разрушения. Теперь настал час мести. Признаком настроений в столице стал арест католического богослова и проповедника, доктора Уоттса в 1539 г. Сразу после ареста делегация именитых горожан предложила судьям выплатить залог в 1000 фунтов, гарантируя, что доктор Уоттс не является еретиком. Около 10 000 лондонцев умоляли судей отпустить проповедника. В итоге доктор Уоттс был освобожден и выслан в Кент.

Протестантская партия была ослаблена из-за отставки епископов-реформаторов Хью Лэтимера и Николаса Шакстона. Однако Кромвель по-прежнему оставался у власти. Ему удалось заключить союз с немецкими князьями-протестантами, подтвержденный брачным союзом вдовца Генриха с Анной, дочерью принца Клевского. Брак по доверенности был заключен в конце ноября, и в первый день января 1540 г. Генрих VIII впервые увидел свою новую жену.

На портрете кисти Ганса Гольбейна-младшего Анна Клевская выглядит вполне привлекательной женщиной. Судя по отзывам современников, она была высокой, стройной — скорее худощавой — и темно-волосой, с правильными чертами лица. Проведя всю жизнь при дворе герцогов Клевских в Дюссельдорфе, Анна не отличалась изяществом или утонченностью. Ее образование ограничивалось умением читать и писать по-немецки, а Генрих VIII высоко ценил умных собеседниц. Не отличалась Анна Клевская и музыкальностью. Ее воспитали как провинциальную барышню, научив рукоделию и домоводству,

внушив покорность мужу, скромность и благочестие. Флиртовать Анна тоже не умела; неудивительно, что английский король, привыкший к более игривым красавицам своего двора, счел ее непривлекательной.

О чувствах самой Анны мы ничего не знаем достоверно. Но стоит помнить, что в 1540 г. Генрих VIII — постаревший, безобразно растолстевший и больной — вряд ли представлял собой привлекательное зрелище. Возможно, что Анна своим поведением намеренно отталкивала короля. Как бы то ни было, Генрих VIII почувствовал отвращение к жене практически с первой встречи. Обратившись к Кромвелю, он потребовал, чтобы брачный союз был расторгнут. Однако впервые за много лет Кромвель оказался не в состоянии удовлетворить желание своего господина. Ведь разрыв уничтожил бы союз с немецкими протестантами, который с таким трудом удалось заключить министру. Свадьба состоялась, хотя и на два дня позже, 6 января 1540 г., в Гринвиче. Спустя месяц, 4 февраля, согласно уже сформировавшемуся обычаю, Анна и Генрих VIII отправились в Уайтхолл по реке, где вновь было разыграно торжественное представление, в котором принимали участие лорд-мэр и олдермены Лондона, а пушки Тауэра опять палили. В награду за заключение брачного союза Кромвелю был дарован титул графа Эссекса, а также высшая придворная должность камергера. В мае 1540 г. в Уайтхолле устроили турнир в честь новой королевы. Генрих VIII, некогда неутомимый боец, уже не мог принимать в нем участия, уступив эту честь молодым придворным. Поговаривали, что коронация Анны Клевской состоится в день летнего солнцестояния. Но то был лишь прекрасный фасад.

А за ним скрывался факт, вскоре ставший известным многим жителям столицы. Небольшую лодку короля стали часто замечать на реке, иногда днем,

иногда даже в полночь. Она направлялась то в Ламбет, где располагался дом вдовствовавшей герцогини Норфолк, то в Саутуорк, где в своем дворце епископ Винчестерский Стивен Гарднер устраивал пиры для избранного круга придворных. У внимательных наблюдателей вскоре не осталось сомнений: король опять влюбился, и совсем не в свою жену. Его внимание привлекла юная фрейлина королевы, Кэтрин Ховард, племянница герцога Норфолка — главы консервативной партии при дворе. Кэтрин быстро стала приманкой для стареющего короля; благодаря влюбленности Генриха VIII влияние католиков при дворе и в Тайном Совете усилилось.

Влияние же Кромвеля и протестантов, соответственно, уменьшилось. Генрих VIII был зол на своего министра за то, что тот навязал ему непривлекательную супругу, тем более что политическая необходимость в браке быстро отпала. Император Карл V и Франциск I поссорились из-за герцогства Миланского и возобновили военные действия. Англия вновь могла балансировать между воюющими державами; угроза католического вторжения исчезла, а с ней и необходимость союза с немецкими протестантами. Теперь Генрих VIII был куда более склонен прислушиваться к словам католических советников, обвинявших Кромвеля в потворстве еретикам.

Католики перешли в наступление. Епископ Гарднер в течение Великого поста 1540 г. проповедовал в столице против лютеранского учения об оправдании верой. Как он и ожидал, его проповеди спровоцировали протестантов, пользовавшихся покровительством Кромвеля, на открытое выступление. Известный своими лютеранскими взглядами Роберт Барнс (которого Кромвель задействовал в брачных переговорах с герцогом Клевским) в проповеди, произнесенной у креста Св. Павла, выступил против

Гарднера. Епископ пожаловался королю, обвинив Барнса и его последователей в ереси — отрицании таинства пресуществления. Барнс и его друзья-проповедники Томас Гаррет и Уильям Джером были вынуждены публично отречься от своих взглядов. Но их отречения были сочтены неполными, и проповедников отправили в Тауэр.

Арест проповедников, пользовавшихся покровительством Кромвеля, показал, что положение министра пошатнулось. Но Генрих VIII поначалу не проявлял своих чувств. Кромвель был награжден за участие в переговорах: в апреле 1540 г. ему был пожалован титул графа Эссекса. Одновременно комиссия, назначенная расследовать распространение ереси в Кале, докладывала королю, что Кромвель не применяет «Шестистатейный акт». 10 июня 1540 г. Кромвель был арестован прямо во время заседания Тайного Совета. Норфолк и граф Саутхэмптон сорвали с него орденские знаки. Кромвель поначалу не мог поверить, что такова награда Генриха VIII за годы преданной службы. Какое-то время он надеялся, что ему могут сохранить жизнь. Показания Кромвеля, недавно подготовившего брачный договор Генриха VIII с Анной Клевской, облегчили расторжение этого брака, состоявшееся уже в следующем месяце. Но напрасно Кромвель умолял короля в личном письме из Тауэра: «Мой великодушный повелитель! Я взываю к милосердию, милосердию, милосердию!» Генрих остался глух к его мольбам. Бывший министр даже не предстал перед судом. Его объявили вне закона особым актом парламента, назвавшим его изменником и еретиком, а также взяточником, злоупотреблявшим своими полномочиями.

После ареста Кромвеля брак с Анной Клевской был обречен. 24 июня Анну отослали в Ричмонд под предлогом вспышки чумы в столице. На следующий

день к ней явились представители короля, объявившие ей, что брак с Генрихом VIII является недействительным. Памятуя о судьбе своей тезки и предшественницы, Анна благоразумно согласилась на аннуляцию. 9 июля 1540 г. ее брак с королем был объявлен никогда не имевшим места как из-за отсутствия интимных отношений между супругами, так и из-за предшествовавшего обручения Анны с герцогом Лотарингским. Уже в который раз лондонцы оказывались свидетелями драматических перипетий семейной жизни своего монарха. На этот раз, впрочем, развод произошел полюбовно. Анне были дарованы дворцы (в том числе королевский дворец в Ричмонде) и поместья, титул английской принцессы и «сестры короля». Она оставалась в Англии до конца жизни (1557 г.), появлялась при дворе и даже подружилась со своим бывшим супругом и его дочерьми Марией и Елизаветой.

Судьба же Кромвеля была куда более трагичной. 28 июля 1540 г. его обезглавили в Тауэре. Молва гласила, что мстительный король специально отправил в тюрьму неопытного палача, которому потребовалось три удара, чтобы отделить голову Кромвеля от тела. Затем ее насадили на пику на Лондонском мосту, лицом от городских ворот. По словам хрониста Эдварда Холла, «некоторые печалились, но многие веселились».

В тот же день, когда умер Кромвель, Генрих VIII вступил в пятый брак с Кэтрин Ховард, породнившись с католическим кланом. Спустя всего два дня столичные жители стали свидетелями новых казней. 30 июля 1540 г. в Смитфилде были сожжены «еретики» — протестанты, пользовавшиеся ранее покровительством Кромвеля — Роберт Барнс, Томас Гарретт и Уильям Джером. Генрих VIII проявил поистине чудовищное чувство юмора, «уравновесив» сожжение

трех протестантов четвертованием трех папистов. Рядом с кострами, на которых должны были сгореть Барнс, Гаррет и Джером, возвели виселицы. Они предназначались для католических богословов. Все они были сторонниками Екатерины Арагонской и выступали против первого королевского развода. Томас Абелл распространял также пророчества Кентской девы, Элизабет Бартон, за что был арестован в декабре 1533 г. Ричард Фезерстоун и Эдвард Поуэлл входили в число советников королевы Екатерины во время слушаний о разводе. В 1534 г. оба они отказались признать Акт о королевской супрематии и статут о престолонаследии и присоединились к Абеллу в Тауэре. Теперь их отправили на плаху без формального суда только для того, чтобы показать лондонцам: если Генрих VIII не любит еретиков, то и возвращения папской власти он не потерпит.

Приговоренных везли к месту казни через весь Лондон на деревянных салазках, причем привязали их к салазкам попарно, католиков с протестантами. По легенде, Барнс всю дорогу спорил со своим соседом о том, кто из них является истинным мучеником за веру, и, прибыв в Смитфилд, произнес: «Возрадуйся, брат! Сегодня мы будем на небесах». Помолившись, Барнс простился с друзьями и призвал собравшихся молиться о короле и принце Эдуарде. Затем костры подожгли. Рядом с ними повесили Абелла, Фезерстоуна и Поуэлла; потом, вынув их из петли еще живыми, палач вырвал их сердца и разрубил тела на части. Присутствовавшая при казни толпа ошеломленно молчала.

Столичные власти немедленно последовали примеру короля. Лорд-мэрами в 1539–1541 гг. были консерваторы — сэр Уильям Холлис, Уильям Роч и сэр Майкл Дормер, происходивший из католической семьи, что, несомненно, усиливало рвение тех, кто

приводил в действие требования статута 1539 г. Статут давал возможность вступить в действие не только церковным властям, призванным выкорчевывать ересь, но и светским судам. Согласно «Шестистатейному акту», были созваны особые жюри присяжных для рассмотрения дел о ереси, а в Лондоне начались массовые аресты. Всего было арестовано и отправлено в тюрьмы около 200 мирян и 16 священников. Из них человек пятьдесят и в самом деле можно было назвать протестантами; остальные же привлекли недоброжелательное внимание соседей критикой суеверий или относительно редким посещением церкви. Большая часть арестованных, впрочем, была освобождена после личного вмешательства Генриха VIII, опасавшегося волнений в столице. А это было совсем нежелательно в момент подготовки торжественного въезда новой королевы в Лондон. Совсем недавно, в феврале 1540 г., пушки Тауэра палили, встречая баржу королевы Анны Клевской. Спустя год, 19 марта 1541 г., столица приветствовала Кэтрин Ховард. Баржи лорд-мэра и всех ливрейных компаний, украшенные флагами и лентами, ожидали появления королевской баржи между лондонским мостом и Тауэром. Вопреки обычаю, Генрих VIII сопровождал жену; вместе они проплыли мимо салютовавшей им крепости в Гринвич. По признанию имперского посла Шапюи, лондонцы не пожалели средств на прием в честь Кэтрин. Она же покорила сердца тем, что сразу после своего триумфа преклонила колени перед мужем, моля об освобождении из Тауэра заключенных придворных-протестантов, сэра Томаса Уайетта и сэра Джона Уоллопа.

Впрочем, гонения на протестантов, отвергавших католическое учение о пресуществлении, продолжались и летом 1541 г., хотя теперь их инициатором выступал епископ Лондонский Эдмунд Боннер (1500–1569).

В 1541–1543 гг. епархиальные власти преследовали радикальных протестантов и вынуждали их к отречению от взглядов, считавшихся «еретическими», или же приговаривали их к смертной казни — сожжению. Одной из самых известных жертв кампании Боннера стал протестантский проповедник Кром, которого епископ вынудил публично отречься от своих взглядов.

Гонения сделали епископа Боннера не слишком популярным в столице, особенно потому, что он слыл безжалостным. Летом 1541 г. под его давлением жюри присяжных признало виновным в ереси сына лондонского ремесленника, Ричарда Мейкина, которому было всего 15 лет. Юноша был явно не вполне вменяемым, но поскольку он публично заявил, что казненный протестант Роберт Барнс был святым человеком, епископ Лондонский обрек его на смерть. Жюри присяжных, видя, что юноша был психически нездоров, поначалу отказалось выносить вердикт о его виновности, однако сделало это под давлением Гарднера. 30 июля 1541 г. Мейкин был сожжен в Смитфилде.

Еще одной жертвой Гарднера лондонцы были склонны считать Джона Коллинза. Этот молодой житель Саутуорка, тоже, по всей видимости, страдавший от психического расстройства, выстрелил из лука в статую Христа, находившуюся в капелле испанских моряков, однако попал в собственную ногу. Коллинс провел в тюрьме около двух лет, а в 1541 г. его также сожгли на костре.

Впрочем, победа консерваторов не была полной и окончательной. Последние годы жизни старого короля Генриха VIII были наполнены отчаянной борьбой протестантов и консерваторов за место у трона и политический контроль. В 1541 г. казалось, что консерваторы победили — Кромвель был мертв, а жена

Генриха VIII была связана узами родства с консервативной партией. Надежды протестантов были связаны с архиепископом Кентерберийским Кранмером, который сохранил расположение короля. Именно к нему летом 1541 г., когда король и королева отправились с визитом в северную столицу — Йорк, обратился придворный-протестант Джон Ласеллс. Его сестра, Мэри Ласеллс (в замужестве — Холл), тоже протестантка, несколькими годами ранее служила в доме вдовствующей герцогини Норфолк, где воспитывалась будущая королева Кэтрин Ховард. По словам Мэри Ласеллс, Кэтрин с ранней юности флиртовала с мужчинами, а живя в доме бабки, вступила в связь с молодым дворянином Фрэнсисом Дерэмом. Пара даже тайно обручилась. Затем Кэтрин отправилась ко двору, став фрейлиной Анны Клевской, и забыла Дерэма. Ее внимание привлек молодой придворный, фаворит Генриха VIII Томас Калпепер. Планы парочки были разрушены ухаживанием короля, а затем и предложением, от которого Кэтрин не могла отказаться.

Но и став королевой, Кэтрин не разлюбила Калпепера. Позабыв о благоразумии, она при помощи своей придворной дамы, леди Рочфорд, устраивала с ним свидания. И хотя, согласно позднейшим признаниям Калпепера, на этих свиданиях они только «говорили, говорили, говорили», это само по себе было преступлением: ведь говорили они о будущем, которое наступит после того, как умрет Генрих. А разговоры о смерти короля считались государственной изменой. Королева была неосторожна; о ее секрете узнали слуги и другие придворные, а также и ревнивый соперник Калпепера — Фрэнсис Дерэм, который шантажировал Кэтрин их общим прошлым и благодаря этому получил незначительный пост при дворе.

Получив сообщение от Джона и Мэри Ласеллс, архиепископ Кранмер некоторое время колебался, однако в конце концов пришел к мнению, что для уничтожения врагов все средства хороши. Не решившись произнести обвинения в адрес обожаемой королем жены лично, Кранмер написал Генриху VIII письмо, в котором говорилось о добрачных похождениях Кэтрин. Письмо было подкинута на королевскую скамью в часовне Гринвичского дворца 2 ноября 1541 г., когда король и его свита присутствовали на мессе в день Всех Душ. Король не поверил письму и поручил архиепископу расследовать клевету. Однако после того, как Кранмер произвел серию арестов среди членов свиты Кэтрин, содержащиеся в письме сведения подтвердились. Поначалу Генрих VIII, разгневанный и опечаленный, был готов простить жену за то, что было ею совершено задолго до того, как она появилась при дворе и привлекла его внимание. Однако арестованный вместе с другими Фрэнсис Дерэм дал показания против королевы и ее нового поклонника, Томаса Калпепера. Обоих мужчин пытали в Тауэре, требуя сообщить подробности связи с королевой. Калпепер отрицал факт любовной связи, признавая лишь невинный флирт. Но улик было собрано достаточно, включая и письмо Кэтрин к Калпеперу, подписанное «твоя, пока я живу» (это послание хранится теперь в Национальном архиве в Кью Гарденс). Кэтрин, которую 22 ноября лишили королевского титула и держали под арестом в Сион-Хаусе (бывшем бригиттинском монастыре, принадлежавшем теперь короне), признала грехи молодости.

Оба возлюбленных королевы были признаны виновными в измене и приговорены к смерти. 10 декабря 1541 г. их казнили в Тайберне. Фрэнсис Дерэм умер как изменник — его повесили, еще живого вынули из петли, вырезали внутренности и четвертовали.

Калпеперу — любимцу Генриха VIII — была оказана последняя милость: его просто обезглавили. Судьба Кэтрин решилась месяц спустя. 21 января 1542 г. собравшийся парламент постановил, что намерение совершить измену (то есть стать возлюбленной Калпепера), хотя и нереализованное, было государственной изменой. На основании этого решения Кэтрин была объявлена вне закона парламентским актом. Судебного процесса не было. Наученный горьким опытом суда над Анной Болейн, Генрих VIII не захотел выставлять себя на посмешище. 10 февраля Кэтрин по реке доставили в Тауэр. Королеву и ее фрейлину, леди Рочфорд, обезглавили в Тауэре ранним утром 13 февраля 1541 г. Весь предыдущий день Кэтрин практиковалась в том, как правильно класть голову на плаху. В день казни она не выказала страха; перед собравшейся небольшой толпой — в основном состоявшей из должностных лиц — она выразила раскаяние в содеянном и призвала присутствовавших молиться за нее.

Члены семьи Ховард были наказаны за «обман»: вдовствующую герцогиню Норфолк и ее сына, лорда Уильяма Ховарда, арестовали и отправили в Тауэр (обоих освободили в 1543 г.). Герцог Норфолк обезопасил себя покаянным письмом королю, однако начиная с этого времени его влияние на короля никогда уже не было столь сильным, как раньше.

Борьба католической и протестантской фракций при дворе продолжалась, втягивая столицу в свою орбиту. Поскольку Ховарды лишились бывшего королевского расположения, лидерство в католической фракции перешло к прелатам — епископу Винчестерскому Стивену Гарднеру и епископу Лондонскому Боннеру. Последний продолжал преследования протестантов в своей епархии, начавшиеся после казни Кромвеля. Гонениям подвергались те, кто нарушал

Великий пост (особенно в 1543 г.). Те, кто ел в пост мясо, а также и мясники, это мясо продававшие, подвергались аресту. Их ждало публичное покаяние (в лучшем случае). Запрещалось и распространение протестантских книг — трактатов, проповедей, баллад и т. п. В 1542 г. был даже составлен список запрещенных книг. Товар печатников досматривался, обнаруженные запрещенные книги сжигали, а печатников арестовывали. Преследования касались и тех, кто рисковал публично высмеивать священников или мессу, особенно актеров. Реакция на гонения еще раз показала, насколько сильно Реформация разделила лондонцев. Одни, невзирая на риск, укрывали проштрафившихся актеров, помогали наладить печатание запрещенных книг — тем самым помогая создавать целый мир подпольного книгопечатания, просуществовавший в Лондоне не одно столетие. Другие с энтузиазмом доносили на соседей, стремясь очистить город от еретиков, а возможно, и свести старые счеты.

Преследования в Лондоне были тесно связаны с борьбой за влияние при дворе. В 1542–1543 гг. католики собирали досье на придворных протестантов и архиепископа Кранмера. Аресты в Лондоне совпали с обвинениями в адрес придворных разного ранга — от дворян королевской опочивальни до королевского цирюльника и повара. Обвинения были призваны создать у короля впечатление, что он со всех сторон окружен еретиками — и это в тот момент, когда он стремился заключить союз с императором Карлом V против Франции и ему необходимо было убедить союзника в том, что он сам — не протестант. Подчиненные Кранмеру каноники в Кенте тайно собирали свидетельства о том, что архиепископ не только не преследует еретиков в своей епархии, но фактически разделяет их взгляды. Заговорщики были

связаны с епископом Гарднером, а связь осуществлялась через его племянника и секретаря Джермейна Гарднера. В апреле 1543 г. Генрих VIII получил досье на Кранмера, однако обвинять его не спешил. Более того, преследования при дворе и в Лондоне были приостановлены. Трое уже арестованных проповедников принесли публичное покаяние 8 июля 1543 г., а троих упрямцев сожгли на костре в Смитфилде спустя 20 дней. Но на этом гонения временно прекратились.

Объяснение, как это часто бывало и раньше, крылось в личной жизни короля. В начале 1543 г. Генрих VIII вновь решил жениться. Его избранницей стала Кэтрин Парр, леди Лэтимер. Уже отнюдь не девочка по меркам XVI столетия — Кэтрин был 31 год — и дважды вдова, она вряд ли поставила бы короля в неловкое положение из-за юношеских похождений, поскольку девственности от нее никто не ожидал. Стареющий и тяжело больной король нуждался не в возлюбленной, а в сиделке и подруге, способной разделить его досуг. Кэтрин Парр, впрочем, не спешила давать согласие: после двух бездетных браков с мужчинами намного старше себя она наконец решила вступить в союз по своему выбору. И выбор этот, как нетрудно догадаться, пал отнюдь не на уже неспособного ходить короля, а на молодого и привлекательного придворного, Томаса Сеймура, брата покойной королевы Джейн. Однако друзья Кэтрин Парр и ее собратья по вере — протестанты постарались убедить ее в том, что, став женой короля, она будет полезна делу Реформации. Весной 1543 г. Кэтрин дала королю свое согласие. 12 июля 1543 г. Генрих VIII обвенчался с Кэтрин в часовне дворца Хэмптон-Корт. На церемонии присутствовали только придворные. В отличие от предыдущих свадеб, эта была очень скромной. Не было организовано

и торжественного въезда Кэтрин Парр — единственной из королев Генриха VIII — в Лондон, а о ее коронации и речи не заходило. Это, впрочем, не означало, что новая королева не пользовалась никаким влиянием. Она сама видела свой брак как долг перед Богом. И если ей и не удалось продвинуть дело Реформации, то, по крайней мере, она смогла защитить видных реформаторов.

Заступничество королевы было немаловажным фактором в спасении Кранмера: Генрих VIII не только не арестовал своего архиепископа, несмотря на все усилия католической партии и на собранное досье (большинство фактов которого соответствовало действительности), но доверил ему расследовать обвинения в собственный адрес. В результате расследовались не обвинения в адрес Кранмера, а заговор против него. Кранмер обвинил своих противников в отрицании королевской супрематии. 7 марта 1544 г. семь из них, включая племянника епископа Гарднера Джермейна, были повешены в Тайберне. Сам Гарднер, однако, избежал наказания: Генрих VIII словно балансировал между двумя партиями при дворе, не желая отдавать контроля ни одной из них.

Соответственно, и его политика в 1543–1547 гг. балансировала между двумя полюсами: прекращением дальнейших религиозных реформ и преследованием еретиков и устранением суеверий (и обогащением королевской казны). В 1543 г. после одобрения конвокацией духовенства и вопреки сопротивлению Кранмера была издана книга «Необходимое учение и наставление для каждого христианина», разъяснявшая основы вероучения, официально признанного в Англии. В сочинении, известном в просторечии как «Королевская книга», ни словом не упоминалось центральное для протестантизма XVI века положение об оправдании верой, но зато обосновывалась

действенность всех семи таинств (включая те, что протестанты отвергали).

А 12 мая 1543 г. парламент своим «Актом о распространении истинной веры» запретил чтение Библии (даже на английском языке) всем, кто не являлся клириком, дворянином или богатым купцом. Женщинам не разрешалось чтение Св. Писания на публике, хотя дворянки могли читать Библию. Для современного читателя различие кажется не вполне понятным, однако стоит помнить, что в XVI столетии, как и раньше, чтение редко являлось делом сугубо частным. Для нас чтение — это занятие, которому предаются в уединении, а читаем мы, выйдя из детского возраста, про себя. Но в XVI веке чаще читали вслух, для аудитории — друзей, семьи, слуг и т. п. Соответственно, знакомство с текстом Библии, которую читали вслух, не ограничивалось только грамотными людьми. Именно против такого чтения и был направлен статут. Предполагалось, что женщины не имеют богословской подготовки и не могут читать Библию другим, так как в подобном чтении присутствует элемент толкования Писания, не подобающий слабому полу. Поэтому дворянкам и предписывалось читать Библию одним, в тиши своих покоев. Для протестантов ограничение доступа к Св. Писанию стало большим ударом.

Но и традиционной религии был нанесен существенный ущерб. Еще в 1541 г. Генрих VIII запретил «суеверное соблюдение» таких обычаев, как назначение мальчика-епископа в день Св. Николая (6 декабря), «правившего» до дня невинноубиенных младенцев (28 декабря), а также связанного с этим последним праздником обычая, согласно которому учителя и ученики менялись ролями. В 1545 г. был запрещен колокольный звон в канун дня Всех Святых (Хэллоуин, 31 октября), а также затягивание образов

святых покровом во время Великого поста и церемонии Страстной Пятницы, когда верующие ползли к кресту.

В 1544 г. был обнародован выполненный Кранмером первый перевод литании — части литургии — на английский язык. Новая литания была сокращена по сравнению с латинской, а количество святых, к которым призывают во время литании, резко сократилось. Эта же тенденция — сокращение числа молитв святым — прослеживается и в изданном в 1545 г. официальном «Молитвослове».

А в декабре 1545 г. в парламенте обсуждался билль о капеллах (chantries). Созданные на средства богатых прихожан для постоянной молитвы за упокой их душ, капеллы располагали доходом для содержания священников. Именно на эти доходы стремился наложить руку король: казна была пуста. Война против Франции обошлась более чем в два миллиона фунтов. Чтобы финансировать ее, Генриху VIII пришлось продать большую часть конфискованных монастырских земель, увеличить налоги, занимать деньги у банкиров Антверпена — и всего было мало. К зиме 1545 г. король фактически оказался банкротом. Одной из экстренных мер, призванных хотя бы отчасти спасти положение, стал и билль о капеллах. Предполагалось, что в пользу короны должно быть конфисковано все имущество капелл, которое было незаконно приватизировано после 1536 г. Кроме того, в акте утверждалось, что король имеет право провести оценку имущества капелл и конфисковать его тогда, когда пожелает.

Билль был принят палатой лордов относительно легко, поскольку оппозиция была ослаблена отсутствием епископов Гарднера и Танстелла — оба они в это время находились за пределами Англии в дипломатических миссиях. Однако палата общин была

отнюдь не в восторге, и билль превратился в закон с большим трудом. К маю 1546 г. оценка имущества капелл была закончена, но общей конфискации за ней не последовало — в июне 1546 г. Англия заключила мир с Францией, и больших финансовых вливаний в казну пока не требовалось. «Пострадали» лишь несколько лондонских капелл, например капелла Тела Христова и Девы Марии из церкви Сент-Милдред-ин-зе-Полтри (Св. Милдред, что в Птичьем ряду), принадлежавшая одноименному братству. Конфискованная капелла была позднее продана галантерейщику Томасу Хобсону, который превратил ее и другие здания братства в склад, лавки и доходные дома.

Хотя капеллы и получили временную передышку, сам закон стал очередным знаком наступления на католическое вероучение — на положение о чистилище и о душах, пребывающих там. Согласно «Королевской книге», посмертная судьба душ неизвестна живущим, поэтому неясно, насколько действенной является молитва за них. Соответственно, благочестивым христианам следует молиться за умерших в целом, а не за отдельные христианские души.

В начале 1546 г. чаша весов вновь качнулась в сторону католической фракции. Гардер и Боннер, а также их союзники в Тайном Совете — сэр Ричард Рич и Томас Ризли перешли в наступление против протестантов. Поводом для новой кампании послужили проповеди лондонского протестанта Эдварда Крома, который в марте и апреле 1546 г. говорил о том, что новый королевский статут очевидно указывает — никакого чистилища нет и в помине, а также отрицал таинство пресуществления и защищал протестантское учение об оправдании верой. Кром был арестован, и ему было приказано отречься от своих взглядов. Однако его проповедь, произнесенная

9 мая 1546 г., не содержала в себе никакого отречения. После повторного ареста Кром предстал перед Тайным Советом. В ходе допроса его вынудили называть имена своих сторонников. Последовала волна арестов и допросов; в числе затронутых ими оказались бывшие епископы Лэтимер и Шакстон, личный врач Генриха VIII, другие лондонские проповедники, а также придворные Джордж Блейг и уже знакомый нам Джон Ласеллс.

В ходе допросов последний назвал имя женщины, известной среди придворных королевы Кэтрин Парр. Энн Эскью (1521–1546) родилась в дворянской семье в Линкольншире. Совсем юной ее выдали замуж за Томаса Кайма, однако брак оказался неудачным. Одной из причин тому стала приверженность Энн «новой вере» — протестантизму. Покинув мужа и детей, Энн отправилась в Лондон, чтобы получить развод, необходимость которого она мотивировала религиозными причинами. В Лондоне Энн Эскью познакомилась с придворными протестантами, которые стали ее покровителями. Она и раньше подвергалась аресту за распространение запрещенных протестантских книг. Тогда ей помог выйти на свободу Джон Ласеллс. Энн вернулась в родное графство, но ненадолго. Вскоре она вновь покинула семью и отправилась проповедовать в Лондон. Там ее и арестовали в мае 1546 г., обвинив в ереси за то, что она отрицала учение церкви о таинстве пресуществления.

Друзья-протестанты пытались убедить Энн отречься и тем спасти свою жизнь. Однако она отказалась. 28 июня епископский суд признал ее виновной в ереси. Власти отправили Энн Эскью в Тауэр. Она — единственная в истории женщина, подвергшаяся пыткам в стенах этого грозного замка, несмотря на свой дворянский статус. Пытка была санкционирована судьями, однако лейтенант Тауэра, сэр Энтони

Кингстон, колебался. Он даже направился к королю за подтверждением приказа и получил его. Энн пытались дважды. В последний раз колесо дыбы лично вращали советники короля Томас Ризли и Ричард Рич. Они добивались от Энн показаний против знатных дам из окружения королевы — Джоан (Чампернаун), леди Денни, Кэтрин (Уиллоуби), герцогини Саффолк, Энн (Калторп), графини Сассекс и Энн (Стэнхоуп), графини Хартфорт, а в конечном счете и против самой Кэтрин Парр. Однако Энн выдержала пытки, не назвав имен. 16 июля 1546 г. Энн Эскью сожгли на костре в Смитфилде как еретичку. Вместе с ней были казнены лондонские проповедники Джон Хедлэм и Джон Хемсли. Последней жертвой стал Джон Ласселс. Совсем недавно его показания отправили на эшафот королеву Кэтрин Ховард. Теперь настала его очередь испытать на себе «правосудие» Генриха VIII. Жители Лондона не слишком жаловали еретиков, однако казнь женщины ужаснула большинство и вызвала жалость и сочувствие к жертвам — отнюдь не те чувства, на которые рассчитывали власти.

Королева спасла себя и свое окружение от дальнейших преследований, отдавшись на милость Генриха VIII, простившего ее при условии не вмешиваться в дела веры. Казни прекратились, но в столице продолжались обыски с целью обнаружения запрещенных протестантских книг и не признанных официально изданий Библии. 26 сентября 1546 г. около креста Св. Павла сложили огромный костер из запрещенных книг и подожгли, а епископ Боннер проповедовал против ереси.

В 1546 г. всем придворным стало понятно, что Генрих VIII умирает. Его сыну и наследнику, принцу Эдуарду, было тогда всего девять лет, и все понимали, что после смерти старого короля власть перейдет регентскому совету. Между придворными фракциями

разгорелась жестокая борьба за то, кто возглавит регентство. Католическая фракция рассчитывала на то, что регентский совет возглавят герцог Норфолк и епископ Гарднер. Однако им противостояла группа придворных-протестантов во главе с братом покойной королевы Джейн — Эдвардом Сеймуром, графом Хартфортом, приходившимся дядей принцу Эдуарду. В итоге сложных интриг католическая партия проиграла. Гарднер был изгнан от двора, а герцог Норфолк и его сын, граф Сарри, были обвинены в измене королю и отправлены в Тауэр. 13 января 1547 г. граф Сарри предстал перед судом и был признан виновным. Смертный приговор был приведен в исполнение шесть дней спустя. Граф Сарри стал последней жертвой Генриха VIII. Старый герцог Норфолк был приговорен к смерти актом парламента — враги не рискнули выводить его на открытый процесс, поскольку при всех прегрешениях Норфолк всегда оставался верным слугой короля и доказать обратное было бы сложно. Генрих VIII подписал приказ о казни 27 января, но не дожил до утра, скончавшись в 2 часа ночи 28 января 1547 г. Регентский совет при юном короле Эдуарде возглавил граф Хартфорт и его сторонники.

Завещание Генриха VIII показывает, что король умер католиком: он вверил свою душу заступничеству Девы Марии и святых в небесах, в очередной раз подтвердил свою веру в таинство пресуществления. Он завещал 666 фунтов бедным на помин своей души и еще 600 фунтов — на основание капеллы в Виндзоре. Два священника должны были четырежды в год служить торжественные мессы, молясь об освобождении души короля от мук чистилища.

Согласно исследованиям историков, работавших с завещаниями лондонцев, 70 % жителей столицы придерживались тех же религиозных взглядов, что

и король. Около 10 % были убежденными протестантами, а еще 20 % оставили завещания, преамбулы которых нельзя истолковать однозначно. Протестанты составляли меньшинство жителей Лондона, однако они были хорошо организованы, глубоко убеждены в своей правоте и готовы ее отстаивать. К тому же у них имелись и высокопоставленные покровители.

Сам город сильно изменился за почти сорок лет правления Генриха VIII. Исчезли монастыри; их здания разобрали на камень или перестроили в дворцы знати. Из церквей пропали мощи святых и свечи перед их изображениями. Ушли в прошлое многие обряды и церемонии, которые одни любили как часть своей жизни, а другие считали ужасными суевериями. Генрих VIII оставил столицу расколотой и как никогда далекой от единства. И именно в таком состоянии она вошла в самое бурное десятилетие XVI века.

Реформация в Лондоне при Эдуарде VI (1547–1553)

Восшествие на престол юного сына Генриха VIII исполнило надежды сердца многих подданных. В последние годы жизни король казался многим жестоким и капризным тираном. Теперь на его месте был молодой правитель, добродетельный и незапятнанный никакими преступлениями. Но в юности Эдуарда таилась и угроза, ясно осознанная многими столичными жителями: ребенок не в состоянии управлять страной, и в течение как минимум десятилетия Англия была обречена подчиняться регентскому совету и страдать от постоянной борьбы за власть между его членами.

Согласно завещанию Генриха VIII, одобренному парламентом в 1544 г., после его смерти власть на время несовершеннолетия Эдуарда передавалась регентскому совету. Вероятно, изначально совет задумывался всеобъемлющим, включающим все политические фракции двора. Однако в последние месяцы жизни старого короля консерваторы-католики фактически лишились власти: герцог Норфолк был признан изменником и находился в тюрьме, а епископ Гарднер не допускался ко двору. Генрих VIII был окружен протестантами и их союзниками. Именно они и составили большинство членов регентского совета, который правил Англией от имени Эдуарда VI с 28 января 1547 г.

Уже 4 февраля большинство советников (13 из 16) назвали дядю нового короля, Эдварда Сеймура, графа Хартфорта, лордом-протектором королевства (на время несовершеннолетия монарха), хранителем персоны короля и даровали ему титул герцога Сомерсета. Власть в стране перешла в руки человека, связавшего свою судьбу с делом реформ — социальных и религиозных. Сомерсет был протестантом (он даже переписывался с Жаном Кальвином) и оставался союзником архиепископа Кентерберийского Кранмера даже в самые тяжелые для протестантизма годы правления Генриха VIII. Теперь люди, в чьих руках находилась светская и духовная власть, объединились для того, чтобы способствовать распространению идей Реформации.

Король Эдуард VI при этом отнюдь не оставался марионеткой. Хотя в первые годы жизни его и воспитывали в католическом духе (как это понимал Генрих VIII), наставниками принца уже в 1543 г. стали протестанты Ричард Кокс и Джон Чик (хотя не вполне ясно, насколько явно они проявляли свои взгляды при старом короле). Религиозное воспитание Эдуарда VI определялось Кранмером. Неудивительно поэтому, что король впитал в себя идеи протестантизма и видел целью своего правления искоренение суеверия и распространение в Англии «истинной веры». Эдуард VI полностью поддерживал те шаги, на которые шли Сомерсет и Кранмер. Поскольку и правительство, и сам король практически все время проводили в столице и в королевских дворцах долины Темзы (от Хэмптон-Корта до Ричмонда и Гринвича), именно Лондону пришлось стать полигоном Реформации.

В первые месяцы правления, однако, лорд-протектор стремился к осторожности: начатые им военные действия против Шотландии требовали, чтобы Англия или, по крайней мере, ее северные графства,

поддерживали новое правительство. С другой стороны, архиепископ Кранмер и протестантские проповедники настаивали на скорейшем искоренении остатков католических суеверий. Были отменены Шестистатейный акт 1539 г. и статут 1543 г., сдерживавшие распространение протестантского учения. Весной 1547 г. Кранмер и Николас Ридли проповедовали перед королем Эдуардом VI о вреде иконопочитания. И хотя полный запрет на почитание икон еще не превратился в официальную политику, по сути в Англии началось масштабное наступление на практику почитания святых во всех ее проявлениях.

В июле 1547 г. были обнародованы королевские предписания церкви и епископам. Они основывались на предписаниях Кромвеля, изданных в 1538 г.; впрочем, ряд их положений шел гораздо дальше. Пункт третий 1547 г. предписывал запретить любые формы почитания икон. Однако сами иконы (и любые другие изображения святых) должны были оставаться в церквях. Но другое положение предписаний, направленное против почитания мощей и чудотворных икон, было сформулировано настолько широко, что ревностные чиновники епископов, а также и некоторые прихожане в ходе инспекций истолковали эти слова как полный запрет икон, а также всевозможных процессий (в том числе и приходских крестных ходов, проводившихся каждое воскресенье), веры в чистилище и связанных с ней молитв и т. п.

Столица в этом отношении подавала пример всей стране. В сентябре 1547 г. лондонские клирики убрали все изображения святых из собора Св. Павла и других церквей. Как и следовало ожидать, эта мера вызвала недовольство многих католиков и энтузиазм протестантского меньшинства. По столице прокатилась волна стихийного иконоборчества:

изображения святых (статуи и витражи) просто разбивали, так что Тайному Совету пришлось вмешаться и разъяснить, что те изображения, которым не поклоняются, могут остаться в церквях. Лорд-протектор Сомерсет в это время находился на севере страны, продолжая кампанию против Шотландии. По возвращении в столицу он продолжил кампанию против иконопочитания. Находившиеся в столице епископы Николас Ридли и Уильям Барлоу проповедовали против почитания святых у Креста Св. Павла.

Затем было решено убрать из собора Св. Павла еще остававшиеся там изображения святых и большое распятие. Поскольку уже было очевидно, что это решение вызовет недовольство, а возможно, и открытое противодействие лондонцев, работу выполнили ночью 16 ноября 1547 г. Когда снимали распятие, оно упало, поранив нескольких рабочих. Священники, придерживавшиеся католических взглядов, не замедлили истолковать это событие как знак божественного возмездия святотатцам и поведали об этом прихожанам в своих проповедях.

Поскольку возжигать свечи перед изображениями святых было запрещено еще со времен царствования Генриха VIII, многие приходы переместили свечи к большому распятию. Теперь, согласно новым инструкциям, нужно было убрать и эти свечи. Как много их было, показывают документы из прихода Св. Томаса Винтри — когда прихожане убрали свечи, им пришлось избавиться от 50 фунтов воска!

Но иконоборческая кампания продолжалась. Изображения святых были убраны из всех лондонских церквей. А 27 ноября 1547 г. Уильям Барлоу, епископ Сент-Дэвидский, проповедовал у Креста Св. Павла против идолопоклонства. После проповеди свезенные к собору изображения святых были торжественно разбиты.

К концу 1547 г. Сомерсет фактически запретил изображения святых в Лондоне. В феврале 1548 г. этот запрет был распространен на всю территорию Англии. Всем приходам было предписано приобрести, помимо Библии на английском языке, комментарии Эразма Роттердамского к Новому Завету, а также сборник проповедей — «Гомилии», в которых излагалось (в весьма умеренной форме) протестантское учение об оправдании верой. Написанные Кранмером проповеди были компромиссом, отчасти вызванным политическими обстоятельствами — нежеланием провоцировать волнения среди католического большинства, — а отчасти стремлением примирить различные течения протестантов и создать церковь, включающую все их течения.

К концу 1547 г. лорд-протектор нуждался в серьезных финансовых вливаниях для того, чтобы продолжать шотландскую кампанию. Повышать и без того высокие налоги правительство опасалось. В итоге решено было вернуться к мере, которую планировал еще Генрих VIII, а именно к конфискации имущества капелл и поминальных братств. Опись их имущества была уже составлена (1546 г.), что существенно облегчало действия властей. Тем не менее, провести законопроект через палаты парламента оказалось непростым делом. Палата общин отвергла первый его вариант; особенно возмущались представители городов, которые на протяжении столетий вкладывали средства в поминальные капеллы и братства и не желали просто так отдавать их королю. В итоге закон был принят только после того, как лорд-протектор от имени короля обещал платить пенсии священникам, лишившимся средств к существованию, а также финансово обеспечить школы и благотворительные учреждения (госпитали и странноприимные дома), существовавшие за счет капелл и братств. Пенсии

и в самом деле платили, однако, как и опасались многие, — в том числе архиепископ Кранмер — большая часть конфискованных средств пошла на войну, а не на социальные нужды.

Конфискация имущества братств и капелл вызвала гнев многих католиков, которые не без основания считали, что это имущество принадлежало именно им — наследникам первых жертвователей, городским и сельским общинам, — а уж никак не королю. Протестанты же приветствовали парламентский акт 1547 г., поскольку он нанес смертельный удар по католическому учению о чистилище и мессах за души умерших.

Лондонские братства и капеллы, а также коллегияльные церкви, принадлежавшие общинам каноников, которые обычно содержали школу или госпиталь, до Реформации были весьма многочисленными. Поэтому «жертв» статута 1547 г. оказалось много. Джон Стоу упоминает капеллу в церкви Олл Хэллоус Баркинг, неподалеку от Тауэра. Она была основана Ричардом I Львиное Сердце, а в XV веке граф Вустер и Эдуард IV создали там братство. В 1548 г. все имущество братства и его собственность были конфискованы правительством и проданы, а на месте зданий возник огород. Находившаяся у городской стены небольшая церковь Папи (от *papa* — так порой именovali священников), вмещавшая в себя братство Св. Милосердия и Св. Иоанна Евангелиста и странноприимный дом для старых и неимущих священнослужителей, была закрыта, а странноприимный дом превратился в частное владение. Во второй половине XVI века там жил государственный секретарь, сэр Фрэнсис Уолсингэм.

Неподалеку от Гилдхолла некогда находилась капелла Св. Марии Магдалины, принадлежавшая братству Св. Николая, объединявшему приходских клер-

ков. Братство владело частью квартала, включая два постоянных двора — «Борцы» и «Ангел», — дом собраний братьев и дома, в которых размещали своих старых и неимущих членов. После конфискации странноприимные дома остались в собственности короны, а все остальное имущество было продано некоему сэру Роберту Честеру из Кембриджшира. Через несколько лет, в правление королевы Марии I, клерки выдвинули против Честера иск, требуя возвращения имущества. Однако, пока процесс тянулся, Честер разобрал дом собраний, продал камень, древесину и олово, так что судиться было уже не из-за чего.

Коллегиальная церковь Св. Мартина Великого (Сент-Мартин-ле-Гранд) была разобрана, а на ее месте построены таверна и дома, сдававшиеся в аренду иностранцам. Рядом с капеллой находилось здание библиотеки, в которой хранились книги, принадлежавшие как братству, так и Гилдхоллу. Некогда за ее строительство заплатил знаменитый купец Ричард Уиттингтон, четырежды избиравшийся мэром Лондона. Библиотека не пережила роспуска братства, поскольку привлекла внимание лорда-протектора. В 1548 г. из нее вывезли три воза книг, которые герцог Сомерсет взял «на время» и обещал вернуть. Больше этих книг никто не видел.

Амбиции герцога Сомерсета, с размахом строившего на Стрэнде дворец, подобавший его рангу правителя королевства, решили судьбу многих конфискованных владений. На строительство требовалось много камня, и его находили повсюду. Так, в 1549 г. был разобран клуатр собора Св. Павла, принадлежавший соборным каноникам. Вместе с клуатром погибли и его фрески, изображавшие избиение младенцев царем Иродом, а также библиотека и ряд капелл. Была взорвана и церковь приората рыцарей-иоаннитов в Клеркенуэлле. Камень пошел на строительство дворца.

Последствия первой, разрушительной стадии Реформации для английской культуры были катастрофическими. По сей день мы почти ничего не знаем об английском средневековом искусстве. На протяжении столетий главными заказчиками произведений искусства были монастыри. Вместе с ними в 1530–1540-х гг. погибли фрески, иконы и рельефы, сгорели сотни страниц иллюминированных рукописей.

Социальные последствия также оказались тяжелыми. Священники, некогда нанятые для служения поминальных месс, обычно помогали приходским священникам в их пастырских обязанностях. Они могли руководить хором или школой. Теперь же многие из них покинули приходы, ухудшив тем самым качество пастырской работы.

Кроме того, конфискованная правительством собственность ранее обеспечивала нужды городской общины — образование, медицинское обслуживание бедняков и общественное призрение. Теперь городам, в том числе и Лондону, пришлось вкладывать новые, и немалые, средства в воссоздание системы школ и госпиталей, причем это происходило в обстановке социальной и экономической нестабильности: высокой инфляции, роста налогов и обеднения сельского населения, наводнявшего улицы столицы толпами обездоленных. Городские гильдии вносили свой вклад. Так, галантерейщики взяли на себя содержание домов призрения, некогда основанных их знаменитым членом Ричардом Уиттингтоном — в частности, дома призрения на Патерностер-лейн, ранее принадлежавшего распущенной коллегиальной церкви Св. Духа и Св. Марии (при приходе Св. Михаила). Они же выкупили у короля бывший госпиталь Св. Томаса Акрского.

Городская община Лондона также внесла немалые средства. Власти пошли им навстречу: в 1552 г.

Эдуард VI передал городу свой дворец Брайдуэлл, а также имущество, ранее принадлежавшее госпиталю Савой. На эти средства город должен был содержать сиротский приют в Грейфрайарс (бывшем францисканском монастыре), а также госпиталь Св. Томаса для больных и увечных в Саутуорке и госпиталь и исправительный дом Брайдуэлл для неимущих и нищих, отличавшихся дурным поведением.

В удаленных от центра приходах конфискация имущества капелл и братств встречала сопротивление местных жителей. Лондон был слишком близок к правительству (в географическом смысле), чтобы его обитатели могли проявлять недовольство безнаказанно. Кроме того, в столице уже с 1520-х гг. отмечался спад числа пожертвований братствам и капеллам. Теперь, когда эти формы обеспечения посмертной молитвы были поставлены вне закона, многие лондонцы завещали деньги бедным прихожанам, чтобы те молились за скорейшее освобождение душ благодетелей от мук чистилища. Так выражения католического благочестия находили путь сквозь законодательные запреты.

К весне 1548 г. жизнь прихожан сильно изменилась. Из церквей исчезли последние изображения святых, были запрещены многие традиционные церемонии, при помощи которых англичане ранее выражали свои религиозные чувства. В 1548 г. на Сретение лондонцы уже не несли свеч из церквей домой, не приносили они и освященной золы в Пепельную среду. Исчезли зеленые ветви, которыми украшали церкви и дома в Вербное воскресенье. Был запрещен и древний лондонский обычай, согласно которому на Троицу с крыши собора Св. Павла опускали большое кадило, источавшее аромат благовоний, а также выпускали голубей. Все это символизировало

нисхождение Св. Духа на апостолов. Однако в мире реформаторов таким обычаям не было места.

Правительство конфисковало собственность, некогда завещанную мирянами на помин их душ, а теперь подбирались и к церковной утвари, которая также приобреталась на средства прихожан — пожертвования частных лиц или вклады всей общины. В 1548 г. в ходе визитаций составлялись описи утвари, и прихожане, наученные горьким опытом предыдущих конфискаций, начали ее распродажу. Средства, полученные в ходе распродаж, поступали в приходский фонд помощи бедным. Порой осуществлялись и фиктивные продажи. А утварь переходила в собственность (часто пряталась) отдельных прихожан до лучших времен. Такое пассивное сопротивление правительственным мерам наблюдалось по всей стране. Не избежала его и столица, хотя здесь фиктивные продажи и сокрытие средств осложнялись близостью правительственных чиновников и соглядатаев.

Ободренные политикой правительства Сомерсета, лондонские протестанты ратовали за продолжение Реформации. В 1548 г. в столице был издан 31 трактат, направленный против мессы и католического понимания таинства причастия. Хотя правительство формально не одобряло эту агрессивную кампанию, фактически она вдохновлялась Сомерсетом. Неслучайно два из упомянутых трактатов были написаны его капелланом, Уильямом Тёрнером. Кафедры собора Св. Павла и Креста Св. Павла были предоставлены протестантским проповедникам, изливавшим свое негодование по поводу мессы и всячески ее высмеивавшим. Лондонский хронист отмечал, впрочем, что почтенные горожане не посещали этих проповедей и их аудитория состояла из «мальчишек и людей дурной репутации». Католикам не

позволяли проповедовать, а публикация их полемических сочинений была осложнена, если и не запрещена прямо. При подстрекательстве проповедников на улицах Лондона высмеивали мессу и священников, «делавших бога».

Лондон первым из всех испытывал на себе все нововведения протестантов. В марте 1548 г. был введен новый порядок причащения, согласно которому в состав католической латинской литургии были включены молитвы на английском языке. Эти тексты были написаны Кранмером по образцу буцеровской компромиссной литургии (сочетавшей в себе элементы традиционной мессы с лютеранским богослужением), составленной в 1544 г. в Кёльне. Вскоре после Пасхи 1548 г. в соборе Св. Павла и ряде приходских церквей Лондона полностью перешли на богослужение на английском языке. Текст литургии и других служб представлял собой выполненный Кранмером перевод Кёльнского богослужебного цикла. А выбор храмов, в которых проводился эксперимент, обуславливался наличием пастора-протестанта (как, например, Уильяма Мэя — настоятеля собора Св. Павла в 1545–1554 гг. и видного протестанта) и наличия влиятельных протестантов в числе прихожан, фактически определявших деятельность прихода.

Эксперимент был сочтен удачным, и в январе 1549 г. парламент принял статут о единообразии, запрещавший латинское богослужение и вводивший новый цикл богослужений на английском языке в соответствии с составленной архиепископом Кранмером «Книгой Общих молитв». Английская литургия, введенная в 1549 г., сохраняла знакомую структуру мессы, однако в ней подчеркивалось, что достижение спасения возможно только благодаря вере в искупительную жертву Христа, а не через добрые дела (заслуги) самих христиан. Кроме того, главный

акцент литургии (в том виде, в каком она переживалась мирянами) смещался с посвящения гостии, которое созерцали все присутствовавшие, на момент принятия причастия. Если раньше священник мог быть единственным причащавшимся, а прихожане обычно принимали причастие раз в год (на Пасху), а также в случае серьезной болезни (на смертном одре) и во время бракосочетания, то теперь ситуация изменилась. Приходский священник мог принимать причастие только вместе с прихожанами, которых поощряли причащаться как можно чаще, в идеале — раз в неделю, по воскресеньям.

Был изменен (и упрощен) церковный календарь. В нем остались лишь праздники Крещения, Пасхи и Троицы, а также дни святых, упомянутых в Библии — Апостолов, Иоанна Крестителя, Марии Магдалины и др. Были запрещены почти все праздники в честь Богородицы, все votivные (частные) мессы.

«Книга Общих молитв» представляла собой литургический и богословский компромисс католиков и протестантов, и в этом качестве она не устроила всех. Протестантам она слишком сильно напоминала о мессе, католикам казалась запятнанной ересью. Рядовые прихожане ворчали, что теперь им приходится чаще платить за хлеб и вино для причастия. А для ряда земель, например для Уэльса и Корнуолла, замена общей для всех латинской литургии богослужением на английском языке, которого не понимало большинство населения этих земель, воспринималось как завоевание.

Статут о единообразии вступал в действие 9 июня 1549 г. и практически сразу вызвал разделение в стране. «Книга Общих молитв» продавалась в Лондоне уже в марте, и некоторые приходы перешли на английскую литургию, не дожидаясь лета. Другие церкви воздерживались от этого так долго, как

только могли. Впрочем, лондонские жители соблюли закон и приобрели новую богослужебную книгу для своих приходов к июню 1549 г., как им было предписано.

В целом по стране к новому богослужению, введение которого связывалось в умах англичан с вводимыми одновременно новыми налогами и повсеместными огораживаниями пастбищ и общинных земель, лишавшими пропитания многих бедных крестьян, отнеслись враждебно. Мятежи против новой литургии имели место в Хэмпшире, Оксфордшире, Бекингэмшире и на севере Йоркшира, а запад страны — Девон и Корнуолл — поднялся в мощном восстании. Мотивы восставших были смешанными, экономические требования (запрет проводившихся землевладельцами огораживаний) играли немаловажную роль, однако объединяющим фактором стала защита католицизма. Жители Бодмина, в котором в июне 1549 г. и началось восстание, призывали: «Убьем джентльменов, и тогда у нас опять будут "Шесть статей" и месса, как во времена короля Генриха VIII». Захватившие столицу запада — Эксетер — восставшие призывали вернуть латинскую мессу, иконы, молитвы за умерших, монастыри и запрет английской Библии. Восстание было жестоко подавлено в начале августа правительственными войсками и наемниками (немцами и итальянцами) под командованием Уильяма Рассела, графа Бедфорда.

На востоке страны, в Норфолке, летом 1549 г. началось другое восстание. Здесь экономические и социальные требования (запрет огораживаний и улучшение положения бедняков) стали основными. Более того, восставшие стремились показать, что они воюют с угнетавшими их местными дворянами, а не с правительством лорда-протектора. Чтобы подчеркнуть верность герцогу Сомерсету и его программе

реформ, восставшие в Норфолке заявляли о своем признании «Книги Общих молитв», а в их числе находились и протестантские проповедники-радикалы, мечтавшие о создании нового, более справедливого общества, свободного от греха. Восстание в Норфолке также было подавлено правительственной армией под командованием Джона Дадли, графа Уорика.

Лидеры обоих восстаний были отосланы в столицу для суда. Лидер восставших норфолкцев Роберт Кетт — богатый кожевник и владелец манора неподалеку от Норича — и его брат Уильям были отправлены в Тауэр, где претерпели жестокие пытки. В ноябре 1549 г. Кетт предстал перед судом в Вестминстере и был приговорен к смерти, а 7 декабря его отослали в Норич и повесили на стене замка, где он провел несколько дней в мучениях, прежде чем скончаться. Его смерть должна была послужить наведением для норичцев, осмелившихся восстать против властей. Уильяма Кетта повесили подобным же образом на стене принадлежавшего ему аббатства Уимондэм.

Лидер восстания на западе Хэмфри Эренделл также был отослан в Тауэр и предстал перед судом в Вестминстере. Его приговорили к смерти изменника — повешению и четвертованию. Однако в данном случае казнь состоялась 27 января 1550 г. в Лондоне, в Тайберне, на глазах у собравшейся толпы. Видимо, власти сочли нужным преподнести урок и столичным жителям — во избежание нежелательных последствий.

Но хотя лондонцы и не восставали открыто, те из них, кто был недоволен новой литургией, нашли другие способы выразить свое отношение. 10 августа 1549 г. Тайный Совет объявил, что в лондонской епархии многие горожане избегают новых служб. А приходские священники порой стремились сделать

новую литургию максимально похожей на мессу, повторяя традиционные ритуалы и распевая английские псалмы на манер латинских гимнов. В 1550 г. новый епископ Лондонский, протестант Николас Ридли, переведенный в столицу из Рочестера на замену Эдмунду Боннеру, который выразил протест против введения новой литургии и был за это отправлен в Тауэр, провел первую епархиальную инспекцию и составил целый список трюков, использовавшихся священниками, чтобы «изобразить мессу». Они целовали алтарь, звонили в колокол в момент освящения гостии, поднимали ее над головой так, чтобы видно было прихожанам. Лондонские приходы вновь разделились. Одни праздновали день Тела Христова, а также день Успения Богородицы в 1549 г., другие от этого отказались.

Восстания 1549 г. и недовольство населения религиозной политикой правительства, а также налогами и экономическими сложностями сделали лорда-протектора очень уязвимым. Способствовало этому и поведение брата герцога Сомерсета, сэра Томаса Сеймура, назначенного в 1547 г. лордом-адмиралом, т. е. главой английского флота. Томас Сеймур завидовал высокому положению брата и мечтал о большей власти. Его амбиции нашли выражение в браке со вдовой Генриха VIII Кэтрин Парр. Со стороны женщины это был союз по любви, однако Сеймур женился на ней в 1547 г. отчасти и потому, что она была самой знатной дамой Англии. Однако вскоре после этого взгляд сэра Томаса пал на жившую вместе с ними падчерицу жены — принцессу Елизавету. Сеймур начал флиртовать с пятнадцатилетней принцессой еще в 1548 г., когда его жена была беременна. А после смерти Кэтрин Парр, скончавшейся родами 5 сентября 1548 г., попытки сэра Томаса соблазнить Елизавету стали более настойчивыми. Ведь брак

с потенциальной наследницей престола мог сделать его королем.

Впрочем, Томас Сеймур не возражал и против того, чтобы стать регентом при Эдуарде VI. Он старался втереться в доверие юного короля, обеспечивая его карманными деньгами (поговаривали, что лорд-адмирал отпускал пиратов в обмен на часть награбленного). Члены Тайного Совета потребовали от Сомерсета провести расследование в отношении действий брата. Сомерсет в ответ созвал в начале 1549 г. заседание Совета, на которое был вызван Томас Сеймур. Тот не явился. Стремясь обезопасить себя, он попытался похитить короля, тайно проникнув во дворец Хэмптон-Корт ночью 16 января 1549 г. По всей видимости, Сеймур рассчитывал, что король добровольно пойдет с ним. Однако импровизированное похищение не удалось, так как одна из собак короля разбудила стражу своим лаем. Сеймур был арестован и отправлен в Тауэр. Тайный Совет начал расследовать все, что имело к нему отношение: попытки сблизиться с королем, соблазнение принцессы Елизаветы (которую тогда считали любовницей Сеймура и даже, возможно, беременной его ребенком), его сомнительная деятельность в роли лорда-адмирала и т. п. Сэр Томас Сеймур был признан виновным в измене, хотя его не рискнули вывести на открытый суд. Он был признан виновным актом парламента. Герцог Сомерсет долго не мог принудить себя подписать смертный приговор любимому брату. В итоге советники отправились к Эдуарду VI, который и поставил на документе свою подпись. 20 марта 1549 г. сэра Томаса Сеймура обезглавили в стенах Тауэра: он был слишком близок к центру власти, а его «преступления» близко задевали королевскую семью, поэтому казнить его публично, на глазах у толпы, не представлялось возможным.

Смерть брата и политические неудачи подорвали положение герцога Сомерсета. Консервативные члены Совета выступили против него; они надеялись, что регентом может стать принцесса Мария. К ним присоединились умеренные советники во главе с графом Уориком, полагавшие, что правление Сомерсета приведет к волнениям и мятежам по всей стране. 11 октября 1550 г. Сомерсет был арестован и отправлен в Тауэр. Он был обвинен во многих преступлениях и лишен звания лорда-протектора. В 1550 г. ему даже было разрешено вернуться в Тайный Совет, хотя он уже не обладал прежней властью. В 1551 г. герцог попытался вступить в заговор с противниками графа Уорика из числа советников, но интрига была раскрыта, и Сомерсет поплатился за нее головой: он был признан виновным в измене и казнен 22 января 1552 г. на Тауэр-Хилл. Построенный с таким размахом Сомерсет-Хаус был конфискован и превратился в один из королевских дворцов. Вскоре в нем поселилась принцесса Елизавета.

Консервативным советникам не удалось удержать за собой власть в 1549–1550 гг. Граф Уорик не был убежденным протестантом, однако считал союз с реформаторами — Кранмером и др. — выгодным для себя. Часть советников-консерваторов была подкуплена должностями и титулами, как, например, лорд Полет, ставший маркизом Винчестером. Уорик ввел в состав Тайного Совета своих сторонников и изгнал из него консерваторов — графов Саутхэмптона и Эрендела. Формально должность лорда-протектора не была восстановлена, поскольку регентство закончилось: двенадцатилетний Эдуард VI правил сам. На практике, однако, власть сосредоточилась в руках Джона Дадли, графа Уорика, которому в 1550 г. король даровал титул герцога Нортумберленда.

Вступив в союз с реформаторами, Нортумберленд поддерживал политику дальнейшей Реформации. Уже в конце 1549 г. в столице запылали костры из католических богослужебных книг. В 1550 г. лорд-мэр столицы запретил проводить торжественные процессии в день Тела Христова и день Св. Варнавы (запрещенные, но все еще популярные праздники). Следующим этапом стало исчезновение алтарей.

Уже в 1549 г. в некоторых местах стали заменять каменные алтари, стоявшие на амвонах в восточной части церквей, на деревянные столы для причастия, размещавшиеся в хоре. Подразумевалось, что в данном случае совершающий таинство пастор не отделяется от паствы, а молится вместе с ней, таким образом устраняя представление о духовенстве как о посредниках между Богом и людьми. Кроме того, исчезновение алтарей устраняло память о мессе. В декабре 1549 г. многие лондонские церкви поставили столы для причастия. Весной следующего года новый епископ, Ридли, развернул активную кампанию в поддержку данной практики. Согласно инструкциям Ридли, старостам приходов были приказано убрать алтари из церквей; в течение мая-июня 1550 г. они были изъяты из собора Св. Павла и городских храмов. Настоятель собора Уильям Мэй решил, что, как и в случае с распятием, алтарь нужно убрать ночью. В других церквях алтари убирали днем, что порой приводило к волнениям. Городским властям пришлось даже призвать на помощь шерифа соседнего графства Эссекс с его констеблями, чтобы усмирить прихожан.

Наступление на католическое учение и запрещение проявлений традиционного благочестия сопровождалось дальнейшим реформированием английской церкви и превращением ее в церковь протестантскую. Новый статут о единообразии, принятый пар-

ламентом в 1552 г., вводил в действие переработанное издание «Книги Общих молитв». Кранмер фактически переписал целые разделы, включая главы, посвященные обрядам крещения, конфирмации и похоронной службе. Многие молитвы были изъяты (например, молитвы за души умерших — ведь протестанты считали, что на посмертную судьбу душ умерших невозможно повлиять и что они полностью отделены от мира живущих), а старая структура службы, напоминавшая о мессе, была оставлена. Были запрещены традиционные облачения священников. Теперь пастор должен был совершать литургию в простом стихаре. Церковное пение упростили. Прихожане теперь причащались обычным хлебом, таким же, какой они ели каждый день. Кроме того, их теперь допускали к причастию под обоими видами, то есть хлебом и вином. Любые формы поклонения гостии были запрещены. Ведь теперь таинство евхаристии понималось не как реальное присутствие Тела и Крови Христовых в хлебе и вине, но скорее в кальвинистском духе — как духовное присутствие.

Новая «Книга Общих молитв» была введена в действие в День Всех Святых, 1 ноября 1552 г. Так англиканская церковь обрела наконец собственный цикл богослужений. В 1553 г. она получила и свой символ веры — 42 статьи, также проникнутые духом умеренного кальвинизма. Разработавший 42 статьи Кранмер отрекся от католического учения о пресуществлении и чистилище, от почитания святых и воздействия добрых дел (заслуг) верующих на их спасение. Стремясь примирить раздиравшие лагерь протестантов противоречия, Кранмер сознательно пошел на компромисс в спорных для реформаторов вопросах — разделы, посвященные божественному предопределению и пониманию таинства евхаристии, были специально

сформулированы так, чтобы их можно было толковать по-разному.

Последней из антикатолических мер правительства, направленных на искоренение старой веры, была ожидавшаяся на протяжении всего царствования Эдуарда VI конфискация церковной утвари. Правительство, впрочем, оказалось разочарованным результатами. Ведь на протяжении всего царствования приходы распродавали утварь, стремясь сохранить свою собственность (или хотя бы ее денежный эквивалент) от жадных рук королевских чиновников. Распродажи ускорялись с каждой новой антикатолической мерой правительства. Так, прихожане церкви Св. Маргариты (Сент-Маргарет Мойзес) на Литтл Фрайди-стрит (неподалеку от Брэд-стрит) начали распродавать церковную утварь в 1549 г. и продолжили это занятие в 1550 и 1551 гг. (в последний раз заработав на продаже значительную сумму в 103 фунта). Прихожанам не помешало даже то, что викарием церкви в 1550 г. был назначен известный протестантский проповедник Джон Роджерс. Он, вероятно, тоже был согласен с прихожанами в том, что лучше продать церковную утварь и потратить деньги на нужды прихода, в том числе и на бедных, чем отдать их правительству.

Другие приходы скрывали свою утварь от королевских представителей. Данная правительственная мера оказалась очень непопулярной. Она во многом определила позицию прихожан (в том числе лондонцев) в политическом кризисе 1553 г. и в конечном счете привела на престол католичку Марию I.

Протестанты в Лондоне к концу царствования Эдуарда VI

Результаты исследований историков, в том числе анализ вводных разделов к завещаниям, показывают, что к концу правления короля Эдуарда VI в столице сформировалась довольно крупная община протестантов, пожалуй, самая крупная в стране. Даже в годы царствования Генриха VIII протестанты могли рассчитывать здесь на взаимовыручку единомышленников. А постоянно растущий многолюдный город давал больше возможностей уходить от преследований.

В годы правления Эдуарда VI протестанты стали заметной силой в столице. Хотя они и оставались меньшинством, но были хорошо организованы и влиятельны. Росту протестантской общины в Лондоне способствовало несколько факторов. Во-первых, столица — главный порт и главный центр книгопечатания в Англии — была идеальным местом для распространения новых идей в виде книг и памфлетов, а грамотные жители Лондона — той средой, которая эти идеи воспринимала. Те же лондонцы, которые не в состоянии были воспринимать письменное слово, оказывались объектами внимания многочисленных протестантских проповедников. Они стекались в столицу, привлеченные относительной безопасностью, которую обещала им многолюдность, а позднее — покровительство короля, членов Тайного Совета и епископов.

Покровительство властей делало новое учение респектабельным. Поэтому не стоит удивляться, что среди лондонских протестантов было много представителей городской элиты. Впрочем, новое учение оказывалось привлекательным и для многих других. Особенностью демографической ситуации в Лондоне было доминирование в нем молодежи, часть которой всегда бывает восприимчивой к новым учениям, подрывающим общественные устои. Так часть лондонских подмастерьев приняла Реформацию. Кроме того, Лондон был городом мигрантов. Его постоянно растущее население пополнялось выходцами из всех графств Англии, которых гнала в столицу нужда или желание попытать счастье в богатом городе. Оторванные от своих приходов, мигранты в большей степени были склонны присоединяться к протестантским общинам.

Не стоит забывать и влияния протестантов-иностранцев. Лондон испокон веков был центром многочисленной общины иностранцев. Наиболее многочисленными среди них были итальянцы, занятые в торговле и банковском деле. Они же, как правило, оставались верными католичеству. Иначе дело обстояло с другими национальными общинами — голландцами, фламандцами и валлонами, немцами и французами. Немцы были торговцами, связанными с Ганзой. Их представительство в Стальном дворе в свое время сыграло важную роль в английской Реформации, так как именно через купцов-протестантов в Лондон попадали книги Лютера. Лютеранство распространилось и среди голландцев. Кроме них, в Лондоне проживали немцы-ремесленники (главным образом, пивовары и печатники). Фламандцы и валлоны были, как правило, ткачами, а французы — изготовителями предметов роскоши.

Лондонцы не слишком жаловали соседей-иностранцев, чему свидетельством служит восстание

1517 г., в ходе которого пострадали многие эмигранты. Городские правила налагали жесткие ограничения на торговлю и ремесленную деятельность иностранцев в Лондоне и облагали их двойным налогом. Послабления касались лишь тех, кто перешел в английское подданство (хотя они также не обладали статусом, равным статусу рожденных в Англии). На протяжении первой половины XVI века иностранцы селились в окрестностях монастырей или церквей, изъятых из юрисдикции Сити и епископа Лондонского и обладавших правом убежища — в Саутуорке, вокруг госпиталя Св. Екатерины, в Восточном Смитфилде, около церкви Св. Мартина и за пределами городских стен.

Давно осевшие в Лондоне иностранцы так же, как и прочие жители столицы, были разделены в своем отношении к Реформации. Некоторые из них приняли новую религию, другие же оставались верными католичеству. Ситуация изменилась после 1547 г. После восшествия на престол молодого протестанта Эдуарда VI у архиепископа Кранмера были развязаны руки. Он стремился сделать Англию светочем и центром новой веры, примиряющим все разногласия реформаторов. Архиепископ состоял в переписке с ведущими континентальными богословами-протестантами и приглашал многих из них перебраться в Англию. Его приглашение приняли видные теологи-реформаторы Мартин Буцер и Петр Мартир Вермилы, активно участвовавшие в реформировании Англиканской церкви, в частности в выработке ее богослужебных книг и догматических положений.

За лидерами следовали богословы и проповедники второго плана, также надеявшиеся на покровительство английских властей. Кроме того, изменившаяся политическая обстановка на континенте делала Лондон убежищем для протестантов,

спасавшихся от преследований на родине. В 1547 г. скончался король Франции Франциск I. Его преемник Генрих II немедленно начал кампанию по преследованию еретиков-протестантов и даже учредил «Огненную палату» — особый суд, рассматривавший обвинения в ереси. А император Карл V разгромил войска протестантов — Шмалькальденской лиги — в Германии и изгнал принцев-протестантов из Баварии. В результате в Лондон устремились беженцы — протестанты с территории Франции, Германии и Нидерландов. Кранмер принимал беженцев, считая своим долгом оказывать помощь единоверцам. В 1549 г. французские и голландские протестанты организовались в особые общины. В 1550 г. правительство позволило этим общинам сформировать две отдельные, «иностранные» церкви. Они отличались от Англиканской церкви своим устройством. Обе церкви придерживались учения Цвингли — то есть не признавали епископской власти. Пасторов (пресвитеров) в церквях выбирали из числа прихожан, а дела общины управлялись советом — консисторией под руководством выборных суперинтендантов. В задачи консисторий входило распространение Слова Божия, религиозное образование своих прихожан, а также контроль над тем, как они соблюдают заповеди в повседневной жизни, разрешение споров (в том числе имущественных) внутри общин и борьба с радикальными сектантами (например, анабаптистами). Возглавляли «иностранные» церкви назначенные в 1550 г. суперинтендантами польский богослов-протестант Иоанн Лаский и уроженец Гента Ян Утенхове.

Пасторами голландской общины были Мартин Микрон (из Гента) и Гуалтер Деленус (из Брабанта). Французской общиной управляли Франсуа Перюсель (из Орлеана) и Ришар Ванвилль (из Буржа).

Изначально обеим общинам было выделено одно здание — церковь бывшего монастыря августинцев-еремитов. Позднее французской общине была отдана часовня бывшего госпиталя Св. Антония. Поскольку это здание стояло в руинах, обе общины сообща собрали средства для его ремонта. Голландская община осталась в церкви августинцев. Поскольку в 1550 г. в Нидерландах еще не существовало ни одной протестантской церкви, в которой богослужение велось бы на голландском языке, существующий до сих пор лондонский храм можно назвать старейшей в мире голландской церковью.

В правление Эдуарда VI воздействие «иностранных» церквей на дела английских протестантов было ограниченным, хотя уже и тогда для некоторых радикалов их пресвитерианское устройство, а также принятое у иностранцев реформированное богослужение, следовавшее учению Цвингли, а позднее — Жана Кальвина, — стало моделью для дальнейшего реформирования Англиканской церкви.

Число прихожан каждой церкви выросло с 700 до 1500 человек за три года (1500–1553), притом что всего в Лондоне проживало от 10 до 15 тысяч иностранцев. Большинство прихожан «иностранных» церквей состояло из иммигрантов, приехавших в Лондон после 1547 г. Они не были так же хорошо интегрированы в городскую общину, как другие иностранцы, давно осевшие в Англии, да, пожалуй, и не очень к этому стремились. Для них пребывание в Англии мыслилось временной мерой, способом переждать непогоду. Все «религиозные» мигранты стремились вернуться на родину и надеялись, что изменившиеся политические обстоятельства позволят им это сделать. Это обстоятельство также отчасти объясняет ограниченное взаимодействие между английскими и иностранными протестантами в годы правления Эдуарда VI.

Впрочем, наличие в Лондоне «иностраннных» церквей изменило положение иностранцев и отчасти отношение к ним. Собиравшиеся для совместного богослужения общины стали «видимыми», заметными, тогда как раньше иностранцы были словно рассеяны по столице и ее многочисленным приходам. Теперь общины иностранцев привлекали больше внимания, которое далеко не всегда было благожелательным. Если правительство видело политические и экономические выгоды, связанные с присутствием в Лондоне эмигрантов, то власти Лондона и простые жители столицы не всегда с ним соглашались. Для них эмигранты всегда оставались конкурентами в торговле и ремесле. А для многих лондонцев (католиков и умеренных протестантов) присутствие в городе протестантских общин, не признававших над собой власти английской церкви, пятнало Лондон ересью. В 1551 г. жители Лондона подали мэру формальную жалобу на присутствие в городе «иностраннных» церквей. Возник даже план напасть на церкви, разрушить их и разогнать эти общины. Ему не суждено было реализоваться, но враждебность горожан не сулила иностранцам легкой жизни.

Над другими протестантами тоже, впрочем, собирались тучи. Лондон был большим городом, и его жители имели возможность выбирать, каким религиозным взглядам отдать предпочтение. Многие выбрали католичество и придерживались его отнюдь не по инерции, а в силу убеждения. Другие же испытывали ненависть к протестантам, отобравшим у них привычную с детства традиционную религию и отнявшим вложенные в приходы средства. Они жаждали мести, и такая возможность вскоре им представилась.

Лондон при Марии I Тюдор (1553–1558)

Рестаурация католичества

Переход престола к старшей дочери Генриха VIII сопровождался серьезным политическим кризисом, как всегда, в первую очередь затронувшим столицу. Возглавленная герцогом Нортумберлендом группа придворных и членов Тайного совета — протестантов могла потерять слишком многое с приходом к власти католички Марии. Следовательно, нужно было найти иного претендента на престол. Эдуард VI был согласен с планами своих советников: будучи ревностным протестантом, он не желал перехода короны к сестрам — как это должно было случиться в соответствии с волей отца, выраженной в завещании и одобренной парламентом в 1544 г. Был спланирован государственный переворот: власть должна была перейти в обход дочерей Генриха VIII (отстраненных как незаконнорожденных — ведь браки старого короля с их матерями были аннулированы в 1533 и 1536 гг.) к внучке его младшей сестры Марии Тюдор — Джейн Грей. Джейн была протестанткой и замужем за протестантом — младшим сыном герцога Нортумберленда Гилфордом Дадли. Возводя Джейн на престол, правящая группировка сохраняла тем самым свою власть. 21 июня Эдуард VI и Нортумберленд убедили членов Совета и судей подписать соответствующую прокламацию, и 21 июня 1553 г.

решение короля было обнародовано. Знать вроде бы была на стороне Нортумберленда. Он контролировал Совет, армию и флот, а также правительство в Лондоне. Казалось, ничто не может помешать его невестке стать королевой Англии.

Однако католическое большинство населения страны решило иначе. Благодаря полученной от придворных информации Мария, находившаяся в своем доме в Хансдоне (Хартфордшир), была в курсе происходящего и строила собственные планы. 4 июля 1553 г. она получила сообщение о том, что ее брат находится при смерти. Мария немедленно направилась в восточные графства — Кембриджшир и Саффолк. Получив подтверждение известия о смерти Эдуарда VI (6 июля), она 8 июля отправила Тайному Совету в Лондон письмо с требованием провозгласить ее, законную наследницу, королевой Англии. Однако Тайный Совет 10 июля провозгласил королевой Джейн Грей и отверг притязания Марии. Ведь она была католичкой; в проповедях, произносившихся в лондонских церквях в начале июля, ее именовали угрозой для протестантской веры и предупреждали, что она может принести «возвращение королевства к рабскому подчинению римскому антихристу, ниспровержение проповедников истинной веры и древних законов, обычаев и вольностей страны». Таким образом, даже если бы лондонцы не поняли смысла действия, развернувшегося пред ними двумя годами ранее, 15 мая 1551 г. — когда Мария в сопровождении свиты из 130 человек въехала в столицу в ходе торжественной процессии, причем у всех членов свиты и самой принцессы в руках были запрещенные лондонским епископом четки, использовавшиеся при молитвах розария, — теперь Совет и проповедники разъяснили им, на какой стороне она находится. Для многих лондонцев этого оказалось достаточно,

чтобы поддержать ее. Однако с публичными жестами они не спешили: столица хорошо охранялась, а правительство преследовало сторонников Марии. Когда Тайный Совет провозгласил королевой Джейн Грей, один лондонский слуга заявил о предпочтительных правах Марии Тюдор. Он был немедленно арестован и выставлен у позорного столба: его приколотили к нему за уши гвоздями. Поэтому лондонцы предпочитали выжидать.

Тем временем графства одно за другим высказывались в поддержку Марии. 12 июля она была провозглашена королевой в Саффолке. Затем его примеру последовали Бекингэмшир, Оксфордшир, Норхэмптоншир и северные графства. К Марии стекались знатные дворяне и джентльмены, а простые горожане открывали перед ней городские ворота.

Вооруженное столкновение казалось неизбежным. 13 июля Нортумберленд с небольшой, но хорошо вооруженной армией выступил из Лондона против Марии. Предполагалось, что по мере продвижения к нему будут присоединяться отряды сторонников. Однако этого не случилось. Так и не вступив в сражение, Нортумберленд отступил к Кембриджу (18 июля). В его отсутствие Тайный Совет переметнулся на сторону Марии, и уже 19 июля в Чипсайде Мария была провозглашена королевой. Лондон ликовал. После торжественного молебна в соборе Св. Павла на улицах столицы горожане устроили фейерверки, во всех приходах звонили колокола, и праздник продолжался всю ночь и на следующий день. Стоит отметить, что молебен в соборе звучал на латыни, являя тем самым знак возвращения к старым добрым временам. Герцог Нортумберленд был арестован и 25 июля препровожден в Тауэр. Когда его везли по улицам столицы, собравшаяся толпа называла человека, еще совсем недавно

повелевавшего городом и всей страной, изменником и еретиком.

Сама королева Мария торжественно въехала в Лондон 3 августа 1553 г. через ворота Олдгейт. Там ее приветствовали лорд-мэр и олдермены. Оттуда Мария проследовала к Тауэру. Жители приветствовали ее криками «Иисус, спаси Ее Милость!», а в окнах были выставлены изображения Девы Марии и святых. При приближении кортежа к Тауэру начали палить пушки. У ворот крепости Марию приветствовали коленопреклоненные узники — герцог Норфолк, ее кузен Эдвард Кортни и епископ Стивен Гарднер, недавно освобожденные из-под стражи. Мария остановила процессию, спешила, «подошла к ним и поцеловала каждого со словами: эти узники страдали и за меня». Норфолку был возвращен его титул, Кортни было дано право наследовать земли казненного в 1539 г. отца, а также титул графа Девона. Гарднер был вновь назначен епископом Винчестерским (вместо Джона Понета, вскоре бежавшего из страны) и лорд-канцлером. 5 августа Мария освободила из лондонской тюрьмы Маршалси бывшего епископа лондонского Эдмунда Боннера и восстановила его в сане. Сразу после освобождения (и на очень короткое время) Боннер стал героем лондонских улиц. Его приветствовали как человека, много претерпевшего за веру; когда он вышел из тюрьмы и направлялся домой «все люди, попадавшие ему по дороге, мужчины и женщины, приветствовали его, а женщины старались его поцеловать», в городе же опять звонили колокола.

До созыва нового парламента церковь в Англии официально оставалась протестантской. Впрочем, ни саму королеву, ни многих ее подданных это обстоятельство не смущало. 10 августа Мария и ее придворные дамы присутствовали на католической

(а значит, официально незаконной) заупокойной службе по брату, Эдуарду VI. Новости распространились быстро, и уже на следующий день в церкви Св. Варфоломея в Смитфилде служили мессу, хотя не обошлось без стычек между прихожанами. 13 августа Мария разъяснила мэру и олдерменам, что не желает «принуждать совесть людей». Таким образом, протестантские службы могли соседствовать с католическими — до тех пор, пока не будет принято совместное решение страны и королевы — в парламенте. Тем временем королева поощряла англичан — и, прежде всего, лондонцев, следовать ее примеру. Она объявила об этом в прокламации от 18 августа, одновременно призвав жителей воздержаться от споров и конфликтов по поводу религии.

В тот же день в Вестминстер-Холле герцог Нортумберленд предстал перед судом, который возглавлял его давний враг — недавно освобожденный из тюрьмы герцог Норфолк. Нортумберленд был признан виновным в государственной измене (попытке переворота) и приговорен к смертной казни. Накануне его казни, 21 августа, в Тауэре, в церкви Св. Петра-в-оковах епископ Гарднер отслужил торжественную мессу, на которой присутствовали все заключенные, в том числе Нортумберленд и его сыновья. Все они приняли причастие, а после службы Нортумберленд объявил о своем возвращении в лоно истинной веры. На мессе присутствовали лорд-мэр и олдермены, так что слух об обращении герцога быстро разошелся по столице.

Знаки были безошибочными, и многие лондонские приходы быстро сориентировались в происходящем. Уже на следующий день после казни герцога Нортумберленда, 23 августа, в церкви Св. Николая Коул Эбби (на нынешней Виктория-стрит) по настоянию прихожан священник отслужил мессу. 27 августа

за этим приходом последовал собор Св. Павла, где также началось восстановление большого алтаря. 28 августа в церкви Св. Елены (Сент-Хеленс, Бишопсгейт) начали служить ежедневные заупокойные мессы по сэру Джону Харрингтону. Сохранившиеся счета прихода Св. Данстана «на западе» показывают, что здесь мессу стали служить уже в сентябре. Церковные старосты прихода Сент-Мэри-эт-Хилл (Св. Марии-на-холме) в это время покупали латинские богослужебные книги и переносили каменный алтарь из приходской кухни (где он хранился в 1550–1553 гг.) обратно в церковь. 17 сентября торжественную мессу в соборе Св. Павла отслужил епископ Боннер; он окропил всех прихожан святой водой.

Таким образом, восстановление католического богослужения в столице началось задолго до официального разрешения, и даже до коронации Марии I. Коронация и связанные с ней церемонии должны были подчеркнуть роль Марии как спасительницы истинной веры. 28 сентября Мария под звуки пушечных залпов на барке отправилась из дворца Уайтхолл в Тауэр, сопровождаемая барками лорд-мэра и лондонских олдерменов. На следующий день королева посвящала дворян в рыцари ордена Бани, воздавая им тем самым за поддержку, оказанную ей совсем недавно. 30 октября Мария с торжественной процессией проследовала из Тауэра к собору Св. Павла. К сожалению, не сохранилось подробных описаний тех представлений, которыми ее приветствовала столица. Известно, что на Фенчерч-стрит генуэзские купцы возвели триумфальную арку, охранявшуюся четырьмя великанами. Вся арка была украшена надписями, прославлявшими восхождение Марии на престол. На углу Грейсчер-стрит ганзейские купцы воздвигли «гору» и фонтан, бьющий вином. Флорентийцы в поставленной ими живой картине

назвали Марию «освободительницей страны», сравнив ее с Юдифью, обезглавившей Олоферна (читай — Нортумберленда!), избавив свой народ от рабства. У Корнхилла Марию приветствовали девочки, символизировавшие трех граций, а у собора ее ожидали два хора — мужской и детский — и выступление голландского акробата на шпиле.

Вечером Мария вернулась в Тауэр, откуда на следующий день, 1 октября 1553 г., барка доставила ее в Вестминстер для коронации. Мария опасалась, что, поскольку на Англию было наложено отлучение от церкви (1538 г.), миро, освященное здесь, могло оказаться нечистым и недейственным. Поэтому она попросила епископа Аррасского (Испанские Нидерланды) прислать ей из Фландрии священного елея. Именно им епископ Гарднер (архиепископ Кентерберийский, протестант Кранмер, был арестован за поддержку, оказанную им Джейн Грей) помазал Марию I на царствие.

После коронации восстановление католического богослужения в стране ускорилося. А 20 декабря 1553 г. парламент официально провозгласил латинскую мессу законным богослужением английской церкви. Теперь приходам предстояло вернуться к латинской литургии и восстановить облик церквей — алтари, распятия и образы Христа, Девы Марии и святых, — а также приобрести богослужебную утварь. Отнюдь не все лондонские приходы спешили это делать. Те конгрегации, в которых значительная доля прихожан обратилась в протестантизм за два предыдущих правления, тихо саботировали приказы, пока могли. 4 января 1554 г. Гарднер вызвал к себе старост тридцати лондонских приходов и потребовал объяснить, «почему церковь Св. Марии Магдалины на Милк-стрит и другие не выполнили своего долга». Но в целом по столице (и по стране) возвращение

к католическому богослужению и приобретение икон и утвари происходили на удивление быстро, если учитывать те значительные суммы, которые за это приходилось платить приходам. Реставрация католичества была отнюдь не дешевым мероприятием и финансировалась не правительством, а самими прихожанами, что может служить мерилom их энтузиазма по отношению к «старой вере». Многим приходам (до 20 %) удалось вернуть утварь, распроданную в царствование Эдуарда VI: прихожане добровольно принесли ее обратно в церкви. В целом, еще в 1553 г. большинство приходов восстановили в церквях алтари, приобрели облачения для священников и служек, богослужебные книги и крест. В 1554 г. они купили литургическую утварь, подсвечники, хоругви и покровы, а также возвели боковые алтари и «гроб Господень». В 1555–1556 гг. многие приходы приобрели большие распятия и изображения святых, а также начали ремонтировать храмы. Более того, в своем стремлении восстановить католическое богослужение и облик церквей прихожане зачастую опережали распоряжения властей. 75 % церквей возвели алтари до 20 декабря 1553 г.; около 45 % приобрели большие распятия до королевского приказа (октябрь 1555 г.), а 35 % церквей уже имели иконы до распоряжения, данного на Пасху 1556 г.

Все эти приобретения обходились недешево, хотя лондонские приходы были богаче многих и могли себе это позволить. В 1557 г. прихожане церкви Св. Марии-на-холме заплатили 7 фунтов за большое распятие и изображения Девы Марии и Иоанна Крестителя и еще 4 фунта — за иконы святых покровителей прихода. Прихожане церкви Св. Михаила на Корнхилле потратили 8 фунтов 10 шиллингов на распятие и изображения Богоматри и Иоанна Крестителя. Расходы возлагались на прихожан, которых

облагали особыми приходскими налогами, собиравшимися церковными старостами. Именно так платили за распятия в церкви Св. Марии-на-холме и других приходах. Кроме того, дополнительные средства приобретались при помощи благотворительных базаров — так называемых «церковных элей» — приходских праздников, во время которых продавался эль и другие напитки, изготовленные или приобретенные прихожанами. Собранные средства расходовались на нужды прихода. Кроме того, денежным взысканиям порой подвергались известные протестанты, разбогатевшие на конфискации церковного имущества. Теперь от них требовалась своего рода компенсация. Так, сэр Томас Каварден был вынужден дать денег на строительство новой приходской церкви вместо разрушенной им церкви Св. Анны в бывшем доминиканском монастыре Блэкфрайарз.

Вслед за восстановлением богослужений последовало и восстановление процессий. Уже в 1553 г. лондонцы вновь стали праздновать день Св. Николая (6 декабря) представлениями и процессиями. В 1554 г. процессии в последний момент отменили, но некоторые приходы провели их, несмотря ни на что. К 1557 г. «Св. Николай вышел путешествовать во многих местах, и все благочестивые люди принимали его в своих домах и праздновали согласно старым обычаям». Вернулись в Лондон и процессии в день Тела Христова, хотя они порой давали повод для конфликта. В первый же праздник Тела Христова (1554) в Лондоне «одни праздновали, а другие нет». Когда торжественная процессия шествовала через Смитфилд, местный плотник попытался схватить гостью, но его остановили возмущенные зрители и препроводили в тюрьму Ньюгейт.

Большие толпы собирали и ежегодные процессии на Духов день (праздник Св. Духа, понедельник

после Троицы). Прихожане церкви Св. Петра на Корнхилле шли торжественной процессией до собора Св. Павла; к ним присоединялись гильдия торговцев рыбой, лорд-мэр и олдермены и сотни священников. Прихожане церкви Св. Климента у Темпл Бар несли кресты и хоругви и распевали латинский гимн *Salve festa dies*.

Восстановление католического богослужения увеличало и приток людей, желавших стать священниками. В Лондонской епархии при Эдуарде VI рукополагали примерно 20–30 человек в год; при Марии I совершалось 48 рукоположений в год. Всех кандидатов в Лондоне подвергали тщательному экзамену, удостоверяясь, что они достаточно образованы и ведут подобающий духовенству образ жизни.

Мария и ее окружение прекрасно понимали, что подлинная стабилизация режима и восстановление католичества в стране возможны лишь в том случае, если она обеспечит Англию католическим наследником престола. Поэтому с самого начала царствования обсуждался вопрос о предстоящем браке королевы. Многие советники желали видеть супругом Марии англичанина. В качестве кандидатов выдвигали потомка Плантагенетов Реджинальда Пола, однако он был кардиналом, и, хотя он пока не был рукоположен и мог вступить в брак, идея стать королем Англии его не привлекала. Другим претендентом был троюродный брат Марии Эдвард Кортни, граф Девон. Однако сама королева предпочитала сына и наследника императора Карла V, Филиппа, и ясно дала это понять всем заинтересованным лицам, включая лорд-канцлера, епископа Винчестерского Стивена Гарднера, и спикера парламента. Согласно статьям вскоре подготовленного брачного договора, долженствовавшим обеспечить независимость Англии, Филипп не имел никакой власти в стране. Он обязывался

соблюдать законы Англии, не назначать на высшие должности иностранцев, а в случае смерти бездетной супруги лишался каких-либо прав на Англию. Дети Филиппа и Марии должны были наследовать Англию и Нидерланды и, в случае смерти его старшего сына Карла, — и все остальные владения.

Но если брачный договор и успокоил политиков-католиков, то у протестантов перспектива брака королевы с католическим принцем не вызывала никакой радости. В их среде в январе 1554 г. и созрел план восстания. Предполагалось, что сэр Питер Кэрью поднимет в марте 1554 г. восстание на западе, сэр Джеймс Крофт — в Херефордшире, сэр Томас Уайатт — в Кенте. Помощь обещал и герцог Саффолк (в Лестершире), а также и французский посол, опасавшийся сближения Англии с Испанией. Заговорщики планировали посадить на престол принцессу Елизавету и выдать ее замуж за графа Девона. Последний знал о планах заговорщиков и поощрял их; возможно, Елизавета тоже их одобряла, однако доказать это никому не удалось.

Правительство прознало о планах заговорщиков уже в середине января 1554 г., когда сэр Питер Кэрью начал запугивать горожан Эксетера рассказами о зверствах испанцев. В западных графствах сэра Питера не слишком любили из-за его активного участия в подавлении восстания 1549 г., поэтому о его действиях немедленно сообщили в Лондон. Королева отдала приказ задержать его, и Кэрью бежал на континент. Арестованный Кортни рассказал Гарднеру все, что знал о восстании. В большинстве графств оно не состоялось или было подавлено в зародыше. Крофт отказался от планов восстания. Герцогу Саффолку удалось собрать отряд в 140 человек, большинство из которых составляли его люди, однако жители графства его не поддерживали. А когда перед

ним закрыли ворота Ковентри, герцог предпочел сдаться властям.

Серьезное восстание удалось поднять только Томасу Уайетту в Кенте. 26 января 1554 г. он собрал отряды в Рочестере, объявив о предполагаемой высадке испанцев. Когда испанцы так и не появились, он объявил своим последователям, что его цель — сменить состав Тайного совета. В Кенте проповедь протестантизма в предыдущие царствования была интенсивной и довольно удачной, так что под знаменами Уайетта собралось немало протестантов. Всего в его отряде изначально было около 2000 человек. Однако вскоре он увеличился почти вдвое за счет перешедших на сторону восставших солдат из отрядов лорда Абергавенни и сэра Роберта Саутуэлла, а также герцога Норфолка, отправленных на их усмирение. 31 января правительству стало известно, что Уайетт со своими войсками идет на Лондон.

В столице началась паника, ведь крупных воинских соединений там не было. Советники настаивали на том, чтобы Мария покинула Лондон, однако она отказалась прятаться. 1 февраля королева явилась в Гилдхолл, где обратилась с речью к отцам города. Она объявила лондонцам, что настоящие задачи восставших заключаются в том, чтобы предотвратить восстановление истинной веры, а ее замужество преследует лишь одну цель — обеспечить страну наследником. Затем Мария призвала своих добрых подданных защитить столицу от мятежников. Речь королевы произвела глубокое впечатление, и город был мобилизован для обороны.

Утром 3 февраля Уайетт и его люди без боя заняли южный пригород Лондона — Саутуорк. Однако перейти Лондонский мост им не удалось: он был укреплен, на нем выставили пушки, а с Белой башни и с городских ворот его людей обстреливали из

мушкетов и аркебуз. Сэр Джон Бриджес навел орудия Тауэра на мост и на Саутуорк и пригрозил восставшим смести их и весь квартал с лица земли. Мария, впрочем, запретила ему стрелять, опасаясь больших потерь среди мирного населения. Однако Уайетт этого не знал и предпочел отступить. Он повел своих людей вверх по реке к Кингстону, где сумел переправиться и на рассвете 7 февраля подошел к городу с запада. Мария находилась в Вестминстерском дворце, совсем недалеко от них, но категорически отказалась уехать. Уайетту позволили занять Ладгейт. Солдаты сэра Джона Гейджа почти свободно пропустили его к Чаринг-Кросс, а граф Пемброк позволил восставшим пройти до места, где сейчас расположен Гайд-Парк-корнер. Затем королевские войска объединились и блокировали восставших. Поняв, что положение безнадежно, Уайетт, не желая кровопролития, сдался и был препровожден в Тауэр.

В течение нескольких недель в столице продолжались казни. Вина мятежников, захваченных с оружием в руках, считалась доказанной, поэтому их предавали смерти без суда. Виселицы были возведены у всех городских ворот, а солдат, перешедших на сторону восставших, вешали прямо на дверях их домов. Всего казнили около ста человек — немало, но и не так уж много по меркам отца Марии. Сама королева пыталась проявить милосердие. Остальных восставших привели к Вестминстерскому дворцу в покаянном шествии, с веревками на шеях, и заставили преклонить колени. Вышедшая к ним королева простила бывших мятежников, которые с ликованием кинулись обратно, на лондонские улицы.

К лидерам восстания тоже проявили милосердие. Те из них, кто был замешан в заговоре, но не принимал непосредственного участия в восстании, не были

преданы смерти. Сэр Джеймс Крофт и сэр Питер Кэрю, арестованный в Антверпене и отосланный обратно в Англию, были отправлены в Тауэр, откуда их освободили спустя два года (1556). Замешанных в заговоре принцессу Елизавету и графа Девона тоже сначала арестовали, но вскоре выпустили. Елизавета была отправлена под домашний арест, но уже в конце 1554 г. вернулась ко двору сестры. Граф Девон также был освобожден, но ему было предписано покинуть Англию. Он скончался в 1556 г. в Италии (возможно, был отравлен).

Однако пострадали и невинные. По настоянию советников Мария подписала смертный приговор тем, кто явно не имел ничего общего с восставшими — неудачливой королеве Джейн Грей и ее мужу Гилфорду Дадли, пребывавшим в Тауэре с начала нового царствования. На состоявшемся в Гилдхолле 13 ноября процессе оба они были признаны виновными в государственной измене, однако поначалу Мария решила пощадить их. Теперь же ее убедили в том, что Джейн и ее муж могут стать центром притяжения для новых заговорщиков. 12 февраля Гилфорд Дадли и его жена были казнены. Дадли был казнен на Тауэр-Хилл, а его жену — свою родственницу — Мария приказала казнить в стенах Тауэра, как подобает особам королевской крови. Юные супруги были погребены рядом друг с другом в церкви Св. Петра-в-оковах. Спустя неделю за свое участие в восстании был казнен отец Джейн, герцог Саффолк. Уайетт был предан смерти последним, 11 апреля 1554 г., на Хей-Хилл, рядом с нынешним Гайд-Парком. Его обезглавили, а затем уже мертвое тело расчленили на четыре части и выставили в четырех районах столицы. Мария оказала приговоренным последнюю милость, даровав им быструю смерть от удара топора, хотя по закону казнь изменника — как прекрасно знали лондонцы,

повидавшие немало казней в царствование Генриха VIII, — была гораздо страшней.

После подавления восстания никто уже не оспаривал права Марии выйти замуж так, как ей хочется. В июле 1554 г. в Англию прибыл Филипп Испанский со своей свитой, а 25 июля 1554 г. в Винчестерском соборе состоялось его венчание с Марией. В Винчестере же отпраздновали и свадьбу, а торжественный въезд Филиппа в замиренную столицу состоялся 18 августа. На лондонском мосту ему салютовали два великана, приветствовавших его как надежду «Священной Римской Империи», монарха, предназначенного править миром. У Грейсчёрч возвели конную статую принца, а в представлении, ожидавшем его у Чипсайда, Филиппа сравнили с Орфеем, приручившим игрой на арфе диких зверей. Королевскую чету лондонцы приветствовали восторженными криками. Казалось, они приняли супруга своей королевы.

Впрочем, тут же возникли и проблемы. Лондонцы всегда славилась нелюбовью к иностранцам, и появление в столице многочисленной свиты Филиппа не улучшило ситуацию. Испанцы вызывали зависть своим предполагаемым богатством (по крайней мере, роскошными одеждами) и провоцировали неприязнь высокомерием и южной вспыльчивостью. Испанцы, в свою очередь, сочли англичан жадными и невежественными, к тому же склонными к выпивке. В столице периодически возникали стычки лондонцев с испанцами, порой серьезные. В одной потасовке дворцовых слуг был убит человек, за что были повешены три англичанина и один испанец. По городу ходили слухи о том, что готовится массовая резня испанцев. Впрочем, слухи распространял ненавидевший испанцев французский посол, который сам бы с радостью их перерезал. Столичные жители все же относились к испанцам спокойнее. Несмотря на все

слухи, серьезных волнений из-за испанцев в Лондоне отмечено не было.

Выполнив свои династические обязанности — вступив в брак и обеспечив тем самым перспективу появления на свет наследника, — Мария занялась тем, в чем усматривала долг правительницы, а именно возвращением страны в лоно католической церкви. Католическое богослужение было восстановлено уже в декабре 1553 г.; следующим шагом должно было стать примирение с Римом. Однако Мария медлила, а назначенный папой легат, Реджинальд Пол, несколько раз задерживался в пути по приказу императора Карла V. Камнем преткновения оказался вопрос о бывших монастырских землях. Английские дворяне ничего не имели против папы, однако они решительно не желали возвращать земли, приобретенные ими или пожалованные в царствование Генриха VIII и Эдуарда VI. Религиозные убеждения значения здесь не имели — католики точно так же, как и протестанты, не хотели терять приобретенного имущества. Только после того, как папа пошел на уступки в данном вопросе и разрешил мирянам сохранить приобретенные ими земли и строения, парламент согласился принять легата.

В конце ноября 1554 г. кардинал Реджинальд Пол, наделенный полномочиями папского легата, пересек Ла-Манш и высадился в Грейвсенде. Оттуда его доставила в столицу королевская барка. А 28 ноября кардинал прибыл в Уайтхолл, на заседание парламента. Он объявил присутствующим о своих полномочиях отпустить англичанам грехи и принять их обратно в лоно католической церкви. Тогда же он объявил и о том, что папа не станет требовать возвращения монастырских земель. Спустя два дня, 30 ноября, парламентарии подали Филиппу и Марии петицию, в которой просили монархов ходатайствовать

перед легатом о даровании им отпущения грехов. Члены обеих палат опустились на колени, пока Пол произносил слова отпущения.

В следующее воскресенье торжественная процессия во главе с легатом проследовала к собору Св. Павла. Там Пола уже ожидали Гарднер и епископы, а из Вестминстера прибыли Филипп и Мария со свитой. Была отслужена торжественная месса. По ее окончании Гарднер произнес проповедь, которой внимала самая большая толпа, когда-либо собиравшаяся у креста Св. Павла — около 15 000 человек. После проповеди Гарднер объявил, что ему легатом даровано право отпустить грехи и простить присутствующих. Толпа преклонила колени в благоговейной тишине, «не слышно было, чтобы кто-то кашлянул». По щекам многих текли слезы.

Празднества по случаю примирения с Римом продолжались 25 января 1555 г., в день обращения Св. Павла. После торжественной процессии, завершившейся мессой в соборе Св. Павла, лондонцы устроили фейерверки в каждом приходе. Епископы отпустили грех схизмы духовенству, а оно в свою очередь — всем мирянам страны.

Теперь страна опять стала католической. Но дело восстановления католичества в Англии было отнюдь не закончено. Одной из важных задач нового правительства и церковных властей стало очищение страны от ереси. Королева и епископы не без основания полагали, что большинство англичан учения протестантов не приняли. Они считали также, что многие из все же его принявших не являются убежденными «еретиками», но склонились к протестантизму по невежеству, соблазненные лживыми пастырями. Соответственно, их можно было вернуть в паству как заблудших овец. Но для достижения этой цели прежде всего следовало прекратить протестантскую проповедь.

Официально протестантские проповеди были запрещены еще в 1553 г. Вслед за этим последовал запрет на протестантскую литературу, ввезенную в Англию или отпечатанную в стране. Лондона это коснулось напрямую, поскольку он был главным центром книгопечатания. Многие печатники-протестанты потеряли свои лицензии, а некоторые даже попали в тюрьму, как это случилось, например, с известным протестантским автором и печатником Ричардом Графтоном (ум. 1572). При Эдуарде VI он был назначен королевским печатником, однако в 1553 г. имел неосторожность издать прокламацию о восшествии на престол королевы Джейн Грей. За это он был арестован по приказу Марии I, а королевским печатником стал Джон Кавуд (1514–1572). Значительная доля печатников была иностранцами, и тем из них, кто исповедовал протестантизм, пришлось уехать. Таково было предписание, касавшееся всех членов «иностранных церквей», созданных при Эдуарде. Еще летом 1553 г. их пасторам запретили проповедовать, и вскоре члены этих конгрегаций начали покидать Англию. В сентябре 1553 г. уехал Ян Лаский с 175 членами своей церкви. Они осели в Дании, а потом перебрались в Эмден. После официального возвращения католического богослужения уехала часть франкоязычной общины во главе со своим пастором Перусселем. Остальные покинули страну по приказу королевы от 17 февраля 1554 г. (изданному сразу после восстания Уайетта), предписавшему всем иностранцам, не натурализовавшимся в Англии, уехать. Тайный Совет не хотел преследовать их, предпочитая, чтобы они просто исчезли. Оставшиеся иностранцы были слишком тесно связаны деловыми и семейными узами с Лондоном; кроме того, многие из них не являлись прихожанами «иностранных церквей» и оставались добрыми

католиками, поэтому могли не опасаться преследований.

Очищению и укреплению церковной дисциплины должна была подчиниться и английская церковь. В первую очередь это касалось женатых священников. Разрешение на вступление в брак представителей духовенства было дано статутом Эдуарда VI от 1549 г. За годы его правления в Лондоне около трети приходских священников женились, хотя многим членам их конгрегаций это совсем не нравилось. Согласно королевским распоряжениям от марта 1554 г., все такие священники подлежали лишению прихода. Впрочем, английская церковь не располагала излишком клириков; смещение всех женатых священников лишило бы пастырей многие приходы. Поэтому священникам предпочитали дать покаяться и перевести в другие приходы — подальше от искушения, да и от тех, кто знал об их браке. Большая часть покорилась своей участи и предпочла покаяться и продолжать служить церкви, теперь уже католической. Доктор богословия Радд произнес проповедь у креста Св. Павла, в которой «каялся, что вообще вступил в брак». А один лондонский священник вообще продал ставшую ненужной жену мяснику, за что в ноябре 1553 г. его провели по городу в позорной процессии. Однако вскоре он получил новый приход в Кенте.

Лондонцы отнюдь не безмятежно отнеслись к возвращению католичества, ведь именно в столице были самые многочисленные общины протестантов. Первая же официальная католическая проповедь вызвала волнения. Когда королевский капеллан Гилберт Борн проповедовал в соборе Св. Павла 13 августа 1553 г. о молитвах за души умерших, некоторым из присутствовавших это не понравилось и они пытались криками заглушить его речь. Власти сочли происшедшее результатом деятельности

агитаторов-протестантов — что, возможно, было правдой — поэтому мэру и олдерменам предписали лучше следить за порядком в столице, а в городе началась кампания по поимке протестантских проповедников. Спустя неделю, 20 августа, Томас Уилсон произнес проповедь о повиновении подданных монарху и греховности ложных пророков; там присутствовали «все ремесленники Лондона в лучших ливреях, сидевшие группами, в зависимости от их ремесла, а также лорд-мэр и олдермены, и еще 200 человек солдат, чтобы предотвратить беспорядки».

Выпады против католической церкви продолжались на протяжении всего первого года правления королевы Марии. В марте на Олдерсгейт-стрит объявился призрак, критиковавший королеву и церковь. Выяснилось, что призраком была девочка, за плату прятавшаяся за церковной стеной и произносившая слова, которым ее научили. В апреле на виселице Чипсайда повесили дохлую кошку с выбритой на голове тонзурой и бумажным диском, символизировавшим гостию, в лапах. А когда в июне 1554 г. у креста Св. Павла произносил проповедь бывший протестант, Генри Пендлтон, из толпы в него выстрелили; пуля прошла над головой проповедника и попала в стену собора. Подобные проявления враждебности свидетельствуют о недовольстве части лондонцев; они же раздражали других жителей столицы, довольных переменами, вызывая в них враждебность к тем, в ком они видели угрозу «протестантской ереси».

В ходе инспекции 1554 г. в Лондоне 105 человек обвинили в ереси (отрицании пресуществления), 40 — в «нелюбви к мессе», 57 — в отсутствии на пасхальной службе или в том, что они не причастились, около 100 — в том, что они не участвовали в крестных ходах, и еще 190 — в непосещении церкви. Трудно сказать, кто из обвиняемых склонялся

к протестантизму, а кто не посещал церковь по не-
радивости, из-за равнодушия или просто устав от
бесконечных перемен, выпавших на долю англичан
в 1530–1550-х гг. Однако подавляющее большинство
обвиненных предпочли представить те или иные
оправдания, покаяться и были отпущены восвояси.
Только трое обвиненных настаивали на своих взгля-
дах и были сожжены как нераскаявшиеся еретики.

Ситуация изменилась в декабре 1554 г., когда пар-
ламент вновь ввел в действие статуты против ереси,
принятые в 1382, 1401 и 1414 гг. и отмененные было
Генрихом VIII и Эдуардом VI. Статуты, помимо про-
чего, были частью кампании по укреплению власти
епископов, в том числе и власти судебной, и являлись
частью программы реформирования католической
церкви. Но в то же самое время они вновь вводили
смертную казнь через сожжение за ересь. И в Англии
вновь запылали костры.

Правительство и епископы, впрочем, не стреми-
лись плодить протестантских мучеников. Их целью
было привести заблудших к покаянию и отречению
от ереси; такие отречения были публичными, если
речь шла о высокопоставленном духовенстве и про-
поведниках. Однако вполне возможно, что, начиная
кампанию, правительство не учло размаха, который
получат гонения на местах. Ведь английские еписко-
пы начинали судебное расследование в отношении
лиц, подозревавшихся в ереси, только после полу-
чения соответствующей информации от мирян —
церковных старост, соседей и членов семей. Актив-
но включились в кампанию по поимке протестантов
и местные светские власти — шерифы и мировые
судьи, миряне — члены комиссий по поиску ерети-
ков в графствах и др. Преследования еретиков, из-за
которых Мария Тюдор и епископ Лондонский Боннер
вошли в историю как «Кровавые», были делом рук

местных властей не в меньшей, если не в большей степени, чем епископов. Без широкой поддержки населения масштабные преследования еретиков в Англии просто не состоялись бы.

Лондон был затронут преследованиями сильнее, чем остальная часть страны, ведь именно в столице находились самые многочисленные протестантские общины. И именно в столице враждебность религиозных групп друг к другу проявлялась ярче всего. Лондонцы доносили на протестантов. Порой это происходило из-за искреннего страха перед ересью. Так, в 1554 г. лондонский подмастерье Уильям Хантер отказался принимать католическое причастие. Мастер немедленно выгнал его, не желая иметь с ним ничего общего. В других случаях соседи мстили протестантам за действия, совершенные теми ранее, например, за разграбление или осквернение приходских церквей и икон. Так, в ходе инспекции 1555 г., проведенной епископом Лондонским Боннером, прихожане трех приходов донесли на соседей, в свое время вынесших распятия из их церквей. Немало было и случаев, когда люди просто сводили счеты или решали семейные проблемы, используя закон как орудие. На Джона Фетти из Клеркенуэлла трижды доносила его жена, явно стремившаяся от него избавиться. Ричард Вудман был арестован по доносу, однако епископ Лондонский не счел его еретиком и освободил в декабре 1555 г.; однако семья Вудмана и его соседи немедленно донесли на него еще раз.

Отнюдь не всех арестованных по обвинению в ереси ждал костер. Напротив, подавляющее большинство обвиняемых, представших перед судом Боннера, были либо признаны невиновными, либо принесли покаяние и были отпущены. А по подсчетам историков, большая часть лондонских протестантов предпочла принять перемены и стала ходить

к мессе. Возможно, кто-то из них обратился в католичество искренне, а кто-то только делал вид, стремясь избежать преследований. Тем не менее, даже в столице людей, отваживавшихся бросить вызов властям, оказалось не так уж много.

Подпольные протестантские общины, совершавшие богослужения согласно Книге Общих молитв 1552 г., в столице, впрочем, существовали. Одна из них в разное время насчитывала от 40 до 200 прихожан, тайно собиравшихся в частных домах и даже на кораблях, стоявших в гавани. Пасторами в этой общине были Эдмунд Скамблер, Томас Фаул, Джон Рут, Августин Бернер и Томас Бентэм. Из судебных материалов нам известно и о другой общине — в канун нового, 1555 г., Томас Роуз был арестован, когда совершал литургию по Книге Общих молитв. Вместе с ним были арестованы около тридцати мужчин и женщин. Некий шотландец Уильям тайно проповедовал в Лондоне и Эссексе, Джон Пуллан на Пасху 1555 и 1556 гг. отслужил литургию по Книге Общих молитв и причастил жителей своего бывшего прихода Св. Петра на Корнхилле.

Присутствие на тайных службах сопровождалось большим риском. Ряд протестантов — особенно те, кто располагал средствами, — предпочли следовать велению совести и покинули страну. В правление Марии Тюдор Англию покинуло около 800 человек, основавших несколько английских протестантских общин в Германии (в Эмдене, Франкфурте, Страсбурге, Везеле) и Швейцарии (в Цюрихе, Базеле, Женеве и Аарау). Среди эмигрантов было более сотни лондонцев (мужчин и женщин).

Однако для многих протестантов эмиграция не представлялась возможной, хотя бы потому, что у них не было на это средств. Спасением для них порой становился отъезд в другое графство или даже

приход, туда, где их никто не знал. А лондонцы просто переезжали из района в район. Например, известный в районе Лаймхаус протестант Эдвард Андерхилл переехал в другой приход, «поскольку нигде в королевстве нет лучшего места, чтобы спрятаться, чем Лондон, несмотря на все их [преследователей] рвение и поиски». Как и раньше, столица была городом приезжих, и в ней легко было затеряться. А когда и на новом месте Андерхиллу стали дышать в затылок, он спрятал свои книги в тайнике (в каминной трубе) и бежал в Ковентри. Священник Томас Маунтин был лишен прихода и арестован в 1555 г., однако отпущен под залог. Он бежал и прятался в Эссексе, заставив гоняться за собой двух шерифов. В итоге ему удалось вернуться в Лондон, а оттуда на корабле сбежать в Антверпен.

Многим протестантам не повезло: они были арестованы, предстали перед судом и отказались отречься от своих взглядов. Их ждал костер. Всего за 1555–1558 гг. было сожжено 283 человека. Среди казненных было 46 лондонцев (хотя не все они были сожжены именно в столице), 6 из них женщины. 29 человек было сожжено в Смитфилде (основное место казни еретиков), по 3 — в Стратфорде и Излингтоне, еще 1 — в Вестминстере. Были сожжения и на южном берегу, в Саутуорке.

Лондон не стал свидетелем казни самых высокопоставленных жертв — архиепископа Кранмера и епископов Лэтимера и Ридли (последний совсем недавно являлся епископом Лондонским). Их отправили в Оксфорд, где они и были преданы смерти 16 октября 1555 г. после долгих и безуспешных попыток заставить их отречься от своих взглядов. Но столица первой увидела казни. 22 января 1555 г. лорд-канцлер Гарднер предложил всем протестантским клирикам, содержащимся в лондонских тюрьмах,

выбор: отречься или пойти под суд по обвинению в ереси; двое отреклись. 28 января начались судебные процессы. Первыми судили бывшего епископа Глостерского Джона Хупера и проповедников Джона Роджерса и Джона Кардмейкера. Кардмейкер отрекся и был отправлен обратно в тюрьму (впоследствии он взял свое отречение обратно и был казнен 30 мая 1555 г.), Хупера и Роджерса приговорили к смерти. На следующий день перед судом предстали Джон Брэдфорд, Роланд Тейлор, епископ Сент-Дэвидский Роберт Феррар, Лоренс Сондерс и Эдвард Кром. Кром произнес отречение и был помилован; все остальные были приговорены к смерти. Хупер был отослан для казни в свою епархию — в Глостер, так же поступили и с Тейлором, отправив его в Саффолк. Все остальные встретили смерть в Лондоне.

Первым казнили Роджерса. Его сожгли на костре в Смитфилде 4 февраля 1555 г. Роджерс был популярным в столице приходским священником, заботившимся о бедных. Его казнь вызвала не ненависть к ереси, а сочувствие к жертве. Собравшуюся толпу тронуло и прощание приговоренного с женой и десятью детьми, и мужество и смирение, проявленные Роджерсом перед лицом смерти. Остальные приговоренные вскоре последовали за ним: 8 февраля казнили Сондерса, 30 марта — Феррера, 30 мая Кардмейкера, а 15 июля — Брэдфорда.

Казни не были популярными в Лондоне. Собравшиеся зачастую выражали сочувствие жертвам, например Роджерсу и Кардмейкеру. Когда последнего везли к месту казни, из толпы кричали: «Да укрепит тебя Господь! Да примет Иисус твою душу!» Порой возникали волнения. 27 января 1556 г., когда в Смитфилде должны были казнить пятерых лондонцев и двух уроженцев Эссекса, Тайный Совет, предполагая возможность бунта, предписал молодым

людям под страхом наказания не выходить из дома. Другие казни, однако, проходили без осложнений, несмотря на то что поглазеть на них собиралось до 20 000 человек. Так бывало, когда казнили чужаков. К «своим» лондонцы, как правило, проявляли больше сочувствия, которое далеко не всегда объяснялось тем, что они разделяли взгляды протестантов, скорее, жалостью к жертвам и возмущением жестокостью властей. Были, впрочем, и те, кто казням радовался.

Сейчас невозможно сказать, могли бы преследования протестантов окончательно выдавить их из страны или принудить к отречению. Ведь царствование Марии I оказалось недолгим (менее пяти лет). За этот небольшой срок проблема «ереси» не была решена — протестантские общины не исчезли полностью, они ушли в подполье. А преследования создали вокруг протестантов ореол мучеников, легенда о которых в последующие десятилетия стала основой для нового мифа о протестантской Англии.

Преследование еретиков было не единственным и отнюдь не главным аспектом реставрации католичества в Англии. Основой программы реставрации было восстановление в стране католического богослужения, но оно понималось не как обращение времени вспять и возвращение к доброй старой Англии начала XVI века. Английский католицизм должен был обновиться, очиститься от суеверий и злоупотреблений. Церковные власти обращались к идеалу католической реформы. Неслучайно инициировал программу реформ Реджинальд Пол, ставший 20 марта 1556 г. архиепископом Кентерберийским. Как папский легат, он фактически возглавлял всю английскую церковь. В течение почти 20 лет эмиграции (1536–1554) Пол жил в Италии и стал одним из группы кардиналов, выступавших за реформирование

Католической церкви. Пол был одним из легатов, руководивших работой Тридентского собора (1545–1563), который провел церковную реформу. Теперь в Англии ему предстояло претворить свои идеи обновленной церкви в жизнь.

Пол считал необходимым не просто вернуть католическое богослужение в приходы, но и добиться того, чтобы прихожане знали основы вероучения, чтобы их вера была «понимающей». Для этого требовались немалые пастырские усилия. В отличие от протестантов и многих католиков, кардинал Пол не верил в силу религиозной полемики. По своему итальянскому опыту он знал, что полемика — в виде памфлетов или же проповедей — чаще разжигает страсти, нежели приводит к познанию истины или убеждает кого-либо. Поэтому пока он возглавлял английскую церковь, полемических произведений издавалось немного. Тем не менее, лондонским печатникам хватало работы: в начале царствования требовались католические богослужебные книги — слишком много их сожгли при Эдуарде VI. Сначала даже пришлось задействовать типографии Парижа и Руана, однако к февралю 1556 г. Лондон вернул себе монополию на английскую книжную продукцию.

Кроме того, огромными тиражами выходили наставления в христианской жизни. Они были написаны по-английски и предназначались для образованных мирян, главным образом для клириков, и представляли собой своего рода пособия для составления проповедей, а также разъяснения важных положений вероучения. В этом отношении столица вновь опережала всю страну — не только потому, что была главным центром книгопечатания, но и потому, что именно там были написаны наиболее популярные сочинения. Их автором был епископ Лондонский Эдмунд Боннер. Его перу принадлежит «Честное

благочестивое наставление для воспитания детей» — популярный учебник, в котором букварь соединялся с катехизисом. Книга кратко разъясняла основы католического вероучения в доступной для детей форме, а также содержала текст молитв и богослужения (на латыни и в английском переводе). Для необразованных мирян предназначались «Гомилии» — сборник из 13 проповедей, которые священники, сами не способные проповедовать, могли зачитывать своим прихожанам. Духовенству и образованным мирянам предназначалось «Полезное и необходимое учение», в котором излагалось содержание основных молитв, символа веры, разъяснялся смысл таинств, суть смертных грехов и добродетелей. Эта книга была одобрена кардиналом Полом, рекомендовавшим ее для всех приходов. Неизвестно, как это распоряжение выполнялось по всей Англии, однако только в 1555 г. книга выдержала 5 переизданий. А в епархии самого Боннера — Лондоне — церковные старосты послушно приобрели по экземпляру для каждой церкви. Издавались также многочисленные молитвословы для взрослых и детей.

Все изданные при Марии книги несли на себе отпечаток идеалов Католической реформы. Так, в отличие от аналогичных книг, изданных в начале XVI века, в них много цитат из Св. Писания на английском языке. Боннер и другие авторы не забывали о святых, иконах и молитвах за души умерших, однако этим темам уделялось гораздо меньше внимания, нежели основному положению христианского учения — искупительной жертве Христа; полностью отсутствуют упоминания о чудесах, совершенных святыми, и об индульгенциях. В состав молитвенников вошел отсутствовавший в старых изданиях покаянный канон, что свидетельствует о влиянии Католической реформы с ее вниманием к таинству покаяния.

Развивая программу религиозного образования мирян, легатский синод в 1557 г. принял решение выработать формулу символа веры на английском языке, а также перевести на английский Библию — существовавшие протестантские переводы своим качеством епископов не удовлетворяли. Была даже создана особая комиссия, которая, впрочем, так ничего не успела сделать до конца царствования Марии I. Католический перевод Нового Завета на английский язык появился только в 1582 г., а Ветхого Завета — в 1609 г.

Обновленная церковь нуждалась в новых пастырях. Епископ Боннер требовал от священников своей епархии регулярно объяснять прихожанам смысл церковных таинств, обрядов и ритуалов и проповедовать как минимум четыре раза в год. В столице проповедовали часто, как и раньше, хотя теперь звучали католические проповеди; они по-прежнему собирали толпы слушателей. Осенью 1553 г. лондонцы стекались послушать монаха-бенедиктинца Джона Фекенхэма, а когда 22 октября у креста Св. Павла проповедовал настоятель Вестминстерского собора Хью Уэстон, церковный двор пришлось обнести изгородью, чтобы люди не растоптали друг друга. Огромные толпы собирались и на проповеди Гарднера в сентябре 1554 г., и Генри Пендлтона в 1557 г.

Однако для того, чтобы обеспечить приходам пастырей — проповедников и наставников, необходимо было повысить образовательный уровень духовенства, устранить злоупотребления, в которых обычно обвиняли клириков, особенно столичных — отсутствия в приходах (абсентеизма) и плюрализме. За дело взялся возглавлявшийся кардиналом Полом легатский синод, заседавший в Ламбетском дворце архиепископа Кентерберийского. В 1555–1556 гг. на заседаниях синода было принято 12 декретов, касавшихся

церковной дисциплины. Однако все постановления против абсентеизма и плюрализма остались на бумаге: к середине XVI века финансовое положение церкви только ухудшилось по сравнению с началом столетия; даже лондонские приходы приносили священникам не так уж много, так что порой совмещение приходов оказывалось единственным выходом.

Иначе дело обстояло с вопросом об образовании священников. Согласно одиннадцатому канону, предписывалось создавать в каждой епархии семинарию для подготовки будущих священников. В семинарию могли поступать мальчики старше 11 лет, грамотные и имевшие склонность к священству. Кроме того, университетам вменялось в обязанность предоставлять епископам списки своих выпускников, пригодных для священства.

Краткость правления Марии Тюдор помешала реализации этого плана. Однако декрет о семинариях сыграл значительную роль в истории Католической церкви. В 1562 г. решения Ламбетского синода 1555–1556 гг. были опубликованы в Италии под названием «*Reformatio Anglicana*» и послужили источником для аналогичных декретов Тридентского собора, обязательных для всего католического мира.

«Новый» священник должен был вести аскетический образ жизни и подавать прихожанам пример благочестия, заботиться о бедных, выделяя на эти цели часть собственного дохода, а также регулярно проповедовать перед паствой. Все эти требования к священникам созвучны критериям, которые впоследствии выдвинет Тридентский собор. Таким образом, английская церковь оказалась открытой веяниям времени.

До Реформации Лондон, как и вся Англия, мог похвастаться многочисленными монастырями. Однако после роспуска монастырей при Генрихе VIII их

бывшие владения оказались в руках короны, а затем проданы или пожалованы мирянам. Поэтому возрождение монашеской жизни в правление Марии переживало лишь начальную стадию, а со смертью королевы было прервано в зародыше. Были воссозданы лишь шесть монастырей, бывшие владения которых оставались в руках королевы. Большинство их находилось в Лондоне или его окрестностях. Это бенедиктинская обитель в Вестминстере, монастыри францисканцев-обсервантов в Гринвиче и доминиканский монастырь в Смитфилде, картузианский монастырь в Сионе и женская обитель бригеттинок. Кроме того, Мария восстановила Савойский госпиталь.

Небольшое число воссозданных монастырей объясняется прежде всего недостаточностью ресурсов. После конфискации владений монастыри фактически создавались заново, а это был весьма дорогостоящий и долговременный процесс, который мог занять не одно десятилетие. Кардинал Пол в своей проповеди 1557 г., обращенной к лондонцам, подчеркивал необходимость добрых дел, благотворительности, для спасения души. Восстановление монастырей и госпиталей, которые взяли бы на себя функцию общественного призрения, сильно пострадавшего в 1530–1540 гг., должно было стать, по его мысли, одной из задач этой благотворительности. Пол даже пытался пристыдить лондонцев, сравнивая опустошенный Лондон с Северной Италией, где существовало множество монастырей. Некоторые миряне (в основном, придворные) последовали примеру королевы: сэр Роберт Саутуэлл и виконт Монтегю вернули воссозданным монастырям отчужденные у них ранее земли и основали новые часовни. Однако масштаб был незначительным. Большинство лондонцев справедливо считали, что они уже достаточно потратили на добрые дела, воссоздавая приходские

церкви. Кроме того, они отнюдь не были уверены в том, что их вложения не будут конфискованы в будущем, с новой переменой в религиозном законодательстве. Ведь королева Мария была бездетной, и, несмотря на все усилия, произвести на свет ребенка ей так и не удалось. Уже в 1557 г. всем было ясно — детей от Марии ждать не приходится. А бесспорного католического наследника в Англии не было.

Те же факторы повлияли и на медленное возрождение в стране религиозных братств. За все правление Марии I в Лондоне было воссоздано только одно братство — имени Иисусова при соборе Св. Павла (1556 г.). Примечательно, что хотя по форме это было воссозданное братство, по сути оно представляло собой новое образование. Если в старом братстве главную роль играли его члены — миряне, то теперь в нем, в соответствии с духом Тридентского собора, заправлял клир. Его главой был Дэвил Пул, которого вскоре назначили епископом в Питерборо, а помощником — Томас Дербишир, племянник и генеральный викарий епископа Боннера. Кроме того, братства, созданные в царствование Марии Тюдор, как правило, были посвящены не святым патронам, а Иисусу и Деве Марии, тем самым подчеркивая смещение главного фокуса религиозной жизни мирян. А сферой их деятельности была не столько молитва за души своих умерших членов (поминальные братства), сколько помощь бедным — благотворительность. Они явно следовали образцу итальянских братств XV–XVI веков.

Изменились и приходские церкви. Далекое не везде были восстановлены боковые алтари в приделах. А значит, теперь в церкви служили только одну мессу в день, на главном алтаре — что делало ее центром притяжения всех прихожан. Помимо единственного алтаря, в церкви, как правило, было лишь одно изображение — большое Распятие с фигурами Девы

Марии и Иоанна Крестителя по бокам. Таким образом, число святых заступников было ограничено. Подобная изобразительная программа не могла не влиять на восприятие мирянами роли Девы Марии и святых в деле их спасения.

Такое смещение акцентов было не столько данью финансовым неурядицам, сколько сознательной политикой церковных властей. В нем вновь проявилось свойственное Католической реформе внимание к крестному страданию Христа и искуплению.

Правление Марии Тюдор было кратким. Она умерла 17 ноября 1558 г. в Сент-Джеймском дворце, так и не произведя на свет католического наследника. В тот же день в Ламбетском дворце скончался кардинал Пол. Казалось, дело католичества в Англии навсегда проиграно. Однако менее чем за пять лет королеве удалось создать в стране новое, дисциплинированное католическое духовенство, епископат, ревностно выполнявший свои пастырские обязанности. Епископы стремились взрастить поколение мирян, способных к сознательной вере. Воспитанное при Марии I поколение отличалось устойчивым консерватизмом в религиозной сфере, а многие его представители остались убежденными католиками. Им еще предстояло играть немаловажные роли на лондонской сцене в последующие десятилетия.

Первая половина XVI века принесла Лондону религиозные бури и изменила его до неузнаваемости. Изменился не только облик города, его ландшафт, из которого исчезли монастыри и звук их колоколов, вид их обитателей и масса связанных с монастырями видов деятельности. Главным итогом первых десятилетий кровавого религиозного конфликта стало разделение городской общины на конфессиональные группы. Теперь Лондону предстояло научиться жить с разногласиями.

Реформация возвращается: восшествие на престол Елизаветы I (1558–1603)

Конец 1558 г. в Англии выдался нерадостным: военные действия против Франции шли не слишком успешно, приведя к утрате последнего английского анклава на континенте — замка Кале с округой. Кроме того, в стране свирепствовала эпидемия гриппа (часть глобальной пандемии, первой, о которой нам достоверно известно), погубившая тысячи людей. Восшествие на престол новой королевы в этих обстоятельствах изначально не вызвало взрыва народного энтузиазма, о котором впоследствии любила рассказывать сама королева и историки ее царствования. Впрочем, о враждебности подданных тоже речи не шло: англичане настороженно ждали развития событий.

Им было о чем беспокоиться: брак родителей Елизаветы, Генриха VIII и Анны Болейн, был аннулирован, а сама она признана незаконнорожденной. Это обстоятельство не помешало королеве Марии считать сводную сестру своей наследницей, но делало Елизавету уязвимой, тем более что при поддержке французского короля о своих наследственных правах заявила и шотландская королева Мария Стюарт (правнучка первого Тюдора, Генриха VII). Хотя англичане привыкли видеть в шотландцах и французах врагов, Елизавета не могла быть уверенной в том,

что недовольные не предпочтут ей шотландку — католичку.

В царствование Марии I сама Елизавета вела себя как добропорядочная католичка и исправно ходила к мессе. Однако ее собственные взгляды были ближе к умеренному протестантизму начала 1550-х гг. Ближайшее окружение Елизаветы — люди, служившие ей в трудные для нее годы, — разделяли ее взгляды. Все они стремились вернуть часы Реформации ко времени Эдуарда VI. Но на этом пути возникали затруднения, причем с разных сторон религиозного спектра. Католики, составлявшие большинство населения страны, не обрадовались бы возвращению протестантского учения; кроме того, такой шаг грозил отлучением от церкви. Произнесенное папой отлучение фактически означало призыв к свержению такого правителя и могло привести к вторжению в Англию иностранной (французской) армии и лишению Елизаветы трона и самой жизни. С другой стороны, значительная часть протестантов-эмигрантов за годы изгнания усвоила представления Кальвина о вероучении и об устройстве церкви и призывала теперь собратьев на родине построить новую церковь, свободную от «папистских суеверий». На практике это означало бы перекраивание английской литургии по женеvскому образцу и уничтожение епископата. На это Елизавета не готова была пойти.

Новой правительнице предстояло лавировать между двумя крайностями, а ее подданным — узнать, насколько искусно она с этим справится. Всех интересовало также, в какой степени она станет диктовать англичанам, как им молиться. В первое время королева воздерживалась от категорических суждений и молчаливо позволяла подданным служить мессу, хотя в некоторых лондонских приходах, где большинство составляли реформаторы, смерть Марии

и приход к власти Елизаветы были восприняты как разрешение вернуться к английской литургии.

Далеко не все англичане предвидели грядущие перемены. Так, в декабре 1558 г. один добрый католик из городка Бэттл в Сассексе распорядился в своем завещании о пожертвованиях на помин его души в восстановленные лондонские монастыри. Лондонцы раньше других поняли, куда дует ветер. Взойдя на престол, Елизавета заполнила свой Тайный Совет протестантами, многие из которых были известны столичным жителям еще со времен Эдуарда VI (например, государственный секретарь, сэр Уильям Сесил, служивший в этой должности Эдуарду VI, а до этого — герцогу Сомерсету); явные католики, особенно участники недавних гонений против протестантов, были из Совета изгнаны. Произнесшие публичные проповеди против протестантов у Креста Св. Павла (27 ноября) и на похоронах Марии I (14 декабря) прелаты — епископ Чичестерский Джон Кристоферсон и епископ Винчестерский Джон — были отправлены под домашний арест.

На Рождество 1558 г., когда епископ Карлайлский Джон Оглторп должен был служить мессу в королевской часовне, Елизавета приказала ему воздержаться от вознесения гостии — т. е. поднимания над головой дарохранительницы во время произнесения посвятельных молитв. Тем самым королева объявляла, что не верит в пресуществление. Епископ отказался последовать приказу королевы, и тогда раздраженная Елизавета вышла из часовни прямо посреди рождественской службы. Сразу после праздника (27 декабря 1558 г.) была издана королевская прокламация, предписавшая всем проповедникам воздержаться от высказываний по догматическим вопросам, чтобы не вызывать раздоров между соседями, пока парламент не примет решения о церковном устройстве

и исповедании. До тех пор в церквях полагалось служить мессу; но читать отрывки из Посланий Апостолов и Евангелия, а также Символ веры и «Отче наш» следовало теперь по-английски.

Прибыв в Вестминстерское аббатство — возрожденный бенедиктинский монастырь — уже после Рождества, Елизавета высказала недовольство «суеверием» монахов, шествовавших в торжественной процессии с зажженными свечами. «Уберите эти факелы, — заявила она. — Нам и так хорошо видно!»

Если же кто-то из лондонцев все еще сомневался, в каком направлении развиваются события, коронация Елизаветы все расставила по своим местам. В четверг, 12 января 1559 г., королевская процессия прибыла в Лондонский Тауэр из дворца Уайтхолл в Вестминстере, но, в отличие от всех предыдущих коронационных процессов, Елизавета предпочла прибыть туда на барже, что напоминало о коронации ее матери, первой покровительницы протестантов в Англии. Согласно сохранившимся описаниям, Темза заполнилась множеством «кораблей, галер, бригантин и т. п.». Королева вместе с придворными прибыла на барже, украшенной гобеленами; ее тащила по реке галера, на борту которой были и музыканты.

В субботу, 14 января, Елизавета совершила торжественный въезд в столицу, проследовав обычным путем — от Тауэра через весь город к его западным предместьям и оттуда к Вестминстеру. На всем пути ее следования были приготовлены деревянные барьеры, за которыми выстроились лондонцы; улицы были посыпаны песком и гравием — участники процессии не должны были увязнуть в грязи. Королева следовала в покрытом золотой парчой паланкине, который несли два мула.

Разрывая с традицией, Елизавета не разрешила сообществам иностранных купцов приветствовать ее

своими собственными представлениями. Это право было дано только ее природным подданным. Лондонцы-англичане приветствовали это решение, продиктованное, впрочем, не столько национализмом, сколько нежеланием создавать конфликты во время коронации. Ведь в это время иностранными сообществами были итальянцы — генуэзцы и венецианцы, т. е. католики. А общий тон запланированной церемонии был явно протестантским.

На Грейсчерч-стрит Елизавету ждала первая триумфальная арка, символизовавшая союз Йорков и Ланкастеров. Она была украшена статуями предков королевы и ее самой, словно бы выращавших из розового куста. На главной лондонской улице — Чипсайде — королеву приветствовали лорд-мэр и олдермены, поднесшие ей атласный кошель со 100 фунтами золотом. Близ собора Св. Павла было устроено самое важное представление. Небольшую площадь преобразили, насыпав два холма и украсив один из них зелеными ветвями. Между ними была сооружена пещера, из которой по прибытии королевы вышел старик, символизовавший «Время», ведя за руку девочку, «Истину». Здесь устроители торжества обыграли девиз покойной королевы Марии «Истина — дочь времени». А если бы кто-то не усмотрел здесь намек на бесплодную католическую королеву и ее сестру, которой предстояло принести Англии процветание, то все прояснил жест девочки «Истины», державшей в руках запрещенный английский перевод Нового Завета. Его она преподнесла королеве. Елизавета поцеловала книгу и поблагодарила горожан за дар. Наконец, за городскими воротами, у Темпл-бар, было устроено представление, в ходе которого королева была показана как библейская воительница Дебора в сопровождении трех сословий Англии — напоминание о том, что правительнице

вскоре предстояло заседать вместе с ними в парламенте, созванном для разрешения вопроса об исповедании.

На следующий день, в воскресенье, 15 января 1559 г., состоялась сама коронация. Церемония была тщательно продумана советниками королевы и должна была как подчеркнуть преемство и традицию, так и указать на новое направление, которому будет следовать наступающее царствование. Отличия были заметны искушенным зрителям с самого начала: обычно в Вестминстерское аббатство монарха сопровождали епископы, а уже вслед за ними светские пэры несли символы власти (меч, державу и корону). Однако у Елизаветы возникло затруднение: короновать ее было некому. По традиции, коронацию в Англии совершал архиепископ Кентерберийский. Но на момент коронации кафедра была вакантна. Архиепископ Йоркский Николас Хит отказался проводить церемонию, недовольный тем, что Елизавета запретила совершать вознесение гостии в своей часовне. Следующий по старшинству епископ Лондонский (Эдмунд Боннер) был неприемлем для королевы и ее советников из-за активного преследования протестантов; Уайт и Кристоферсон пребывали под арестом. Остальные епископы (из оставшихся в живых — многие, как и кардинал Пол, не пережили эпидемии) также отказались. В результате пришлось принудить к участию Джона Оглторпа, епископа Карлайлского. А сопровождали королеву в церковь — впервые — светские пэры, графы Пемброк и Шрусбери.

Коронация Елизаветы I стала последней английской церемонией, в ходе которой звучала латынь и была отслужена месса. После «возглашения», т. е. торжественного объявления всеми присутствовавшими в соборе Елизаветы своей королевой, она произнесла коронационную клятву, сформулированную

по образцу той, что была произнесена Эдуардом VI в 1547 г. К ней добавили обещание править в соответствии «с истинным исповеданием Писания, признанным в этом королевстве». Текст клятвы был преподнесен епископу сэром Уильямом Сесилом во время службы. За клятвой последовали помазание и коронация, следовавшие традиционным (католическим) образцам.

Самой противоречивой частью церемонии стала коронационная месса. В соответствии с недавним предписанием, апостольское и евангельское чтения прозвучали не на латыни, а на английском языке. Но главным стало провокационное поведение самой королевы. Позади алтаря, близ гробницы Св. Эдуарда Исповедника, было выгорожено пространство, предназначавшееся для королевы. Здесь она могла сменить облачения во время церемонии. И сюда же она удалилась в самый торжественный момент мессы, в момент вознесения гостии, отказавшись и от католического причастия. Впоследствии Елизавета говорила французскому послу, что была помазана и коронована католическими епископами в соответствии с католической традицией, но не была на мессе. Ее подданные — те, кто присутствовал в аббатстве, а также и многочисленные лондонцы, довольствовавшиеся рассказами о ней, прочитали знаки правильно. Коронация показала, какую именно веру королева и ее окружение считают истинной. Оставалось выяснить, как далеко зайдет Реформация на этот раз.

Елизаветинское религиозное законодательство 1559 г.

Заседания первого парламента нового царствования начались 23 января 1559 г., вскоре после коронации. Известный протестант Роберт Кокс, при Эдуарде VI руководивший «чистками» в Оксфорде, произнес антикатолическую проповедь, адресованную собравшимся парламентариям, ведь их главной задачей было воссоздание национальной протестантской церкви. Манипулирование выборами в графствах и «боро» («бургах», т. е. небольших местечках, имевших право отправлять в парламент представителя, который обычно номинировался самым влиятельным местным дворянином) обеспечило протестантское большинство в палате общин, что должно было облегчить прохождение законопроектов, касавшихся церковных вопросов. В палате лордов ситуация была иной: там заседали 20 епископов, все — католики, занявшие свои кафедры при Марии Тюдор. Они не собирались сдаваться без боя (в отличие от своих предшественников из первой половины столетия). Многие светские лорды также не были сторонниками Реформации. Поэтому именно в палате лордов и развернулись основные столкновения сторонников и противников Реформации.

28 февраля 1559 г. палата общин одобрила так называемый «Билль о Реформации», предполагавший

дарование монарху титула главы национальной церкви, а также возвращение к протестантской литургии образца 1552 г. Все эти меры не получили поддержку рядового английского духовенства, представители которого собрались на заседания конвокации (ассамблеи духовенства — по одной в Кентерберийской и Йоркской метрополиях — обычно заседавшей параллельно с сессией парламента). Священники Кентерберийской провинции ответили на билль своим заявлением, где была подтверждена власть папы над английской церковью как частью вселенской католической церкви, а также вера в пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы и в законность мессы.

В палате лордов епископы и светские пэры-католики объединили усилия и выдвинули столько поправок к законопроекту, что он в итоге оказался совершенно непохожим на изначальную версию. Из билля исчезло упоминание о литургии 1552 г., а католическую литургию предполагалось оставить практически нетронутой, с единственным, но принципиально важным изменением: допускалось (но не предписывалось обязательно!) причащение мирян «под обоими видами», т. е. хлебом и вином, а не только хлебом, как это было раньше. О власти папы в исправленной версии билля не упоминалось, но и королеве титул «главы церкви» дарован не был, хотя допускалось, что она сама может себя так назвать. Фактически лорды духовные и светские заявили королеве Елизавете о своем желании перевести стрелки часов на 1547 г. (конец царствования Генриха VIII), а не на 1552 г. (протестантскую реформу литургии, принятую Эдуардом VI). Даже и в этом урезанном виде законопроект едва прошел: все епископы и два светских пэра — граф Шрусбери и виконт Монтегю — проголосовали против него. Епископы даже подумали было

пригрозить королеве отлучением от церкви, если она не откажется от «еретического учения», но старший по рангу прелат — архиепископ Йоркский Николас Хит отговорил их.

Королева наложила вето на законопроект в новой редакции. Для ее правительства такой результат означал поражение. Более того: Елизавета и ее Тайный Совет оказались в тупике. Если бы королева своим собственным решением, не опиравшимся на власть парламента, даровала себе титул главы церкви, католические епископы отказались бы ей служить (а смещение всех епископов с автоматическим исключением их из числа заседающих в верхней палате вполне могло поставить под сомнение легитимность всех решений, принятых парламентом без их участия). Заполнить же их кафедры другими, более покладистыми и, главное, верными протестантскому учению людьми она не могла до тех пор, пока английская церковь официально не вернулась к протестантской литургии. Пришлось прибегнуть к «непарламентской» тактике давления, запугивания и манипулирования на грани жульничества.

Прежде всего необходимо было скомпрометировать католических епископов, лишив их поддержки светских лордов, заседавших в палате, а также не дать хотя бы некоторым из прелатов голосовать. С такой целью во время пасхальных каникул парламента, в конце марта 1559 г., были организованы дебаты по религиозным вопросам между католиками и протестантами. С обеих сторон в диспуте участвовали по 9 представителей (5 епископов и 4 богослова с католической стороны, 9 богословов-протестантов, только что вернувшихся из изгнания в Англию, — с протестантской). На обсуждение были вынесены три темы — язык литургии (латинский или английский), власть церкви определять форму богослужения

и евангельское обоснование таинства мессы. Диспут проходил в Вестминстерском дворце с 31 марта по 3 апреля 1559 г. под председательством хранителя королевской печати, сэра Николаса Бэкона. Елизавета присутствовала там вместе с придворными. Участники препирались по процедурным вопросам, решая, должны ли католики отвечать на подготовленную речь протестантов устно или письменно и на каком именно языке это делать. Председатель собрания при этом был отнюдь не беспристрастен: его задачей был спровоцировать епископов на резкий выпад, что ему и удалось — в один момент раздосадованные и несдержанные на язык католики Джон Уайт и Томас Уотсон были обвинены в неуважении к королеве и Тайному совету. Они были арестованы и отправлены в Тауэр. На этом диспут и завершился по приказу королевы, добившейся желанного результата: арестованные не могли участвовать в заседаниях палаты лордов, когда через несколько дней парламент вновь собрался для обсуждения религиозного вопроса. Кроме того, епископы были представлены в дурном свете. Впрочем, обе стороны немедленно опубликовали свои отчеты о диспуте и засчитали победу себе.

Вторая попытка провести законопроекты через парламент потребовала изменения тактики. В нижнюю палату были внесены два новых билля — о власти королевы над церковью (т. н. «билль о королевской супрематии») и билль о протестантской литургии («Билль о единообразии богослужения»). Протестанты из окружения королевы Елизаветы надеялись, что хотя бы один из них, а именно билль о супрематии, все же пройдет. Этот законопроект включал себя отрицание власти папы над церковью Англии. Королева признавалась верховной правительницей церкви, но не ее главой: многие протестанты полагали, что

женщине не подобает носить такой титул; кроме того, надеялись и на то, что такая формула окажется более приемлемой для католиков. Всех должностных лиц обязывали присягой подтверждать свое согласие с этим принципом.

Билль легко получил одобрение общин, однако столкнулся с ожидаемым сопротивлением в верхней палате. Против него проголосовали все епископы, но только один светский пэр — виконт Монтегю. Этого оказалось достаточным, чтобы билль прошел.

Билль о единообразии богослужения вызвал еще более ожесточенные споры. Законопроект предполагал возвращение к литургии 1552 г., с несколькими важными изменениями. Из текста литании было выброшено упоминание о «римском епископе и его отвратительных прегрешениях». Кроме того, формула причастия — слова, произносимые священником в момент причащения его прихожанина, — тоже изменилась за счет соединения версий 1549 и 1552 гг. Она включала в себя одновременно и упоминание о теле Христа, «отданном за тебя», и фразу: «Прими и вкуси это в воспоминание о том, что Христос умер за тебя». Соответственно, формулу можно было толковать в католическом духе — как представление о реальном присутствии Тела и Крови Христовых в евхаристии — или же в кальвинистском — как воспоминание об искупительной жертве Христа.

Даже и в таком виде билль едва не был отвергнут лордами. Против него голосовали все присутствовавшие в палате епископы и 9 светских пэров (в том числе два члена Тайного Совета). Билль был одобрен двадцатью одним голосом против восемнадцати, и то лишь потому, что одного из епископов — Голдуэлла Сент-Асафского — вообще не пригласили в парламент, а другому — Танстеллу Дарэмскому — предписали не ехать на его заседания по старости и плохому

здоровью. Уайт и Уотсон находились в этот момент в Тауэре и тоже не участвовали в голосовании. Отсутствие этих епископов решило дело, и билль прошел с перевесом всего в три голоса. О всеобщей поддержке Реформации и протестантской церкви пока и речи не шло. Это было делом будущего.

Первым шагом стала смена епископата, т. е. смещение католических епископов. В отличие от их предшественников первой половины и середины XVI в., католики, назначенные на кафедры в правление королевы Марии, отказались принять новую литургию и власть монарха над церковью Англии. Отказались они и просто отправиться в отставку: ведь смещала их королева, юрисдикцию которой в делах церковных они оспаривали. Всех епископов отправили под арест, и одним из первых в тюрьме оказался епископ Лондонский Боннер, совсем недавно «прославившийся» преследованием протестантов. Жаждавшие мести протестанты даже пытались отдать его под суд и приговорить к смерти. На это королева не пошла, но и свободы арестованные епископы больше не увидели, проведя оставшиеся им годы жизни в лучшем случае под домашним арестом под надзором сменивших их на посту протестантов, или же, как Боннер, в тюремной камере. Католики считали их мучениками за веру.

Среди вновь назначенных на епископские кафедры протестантов было много недавних эмигрантов, бежавших от гонений в Германию. Одним из них был Эдмунд Гриндел: один из кембриджских протестантов первой половины XVI в., он был впервые назначен епископом Лондонским еще в 1553 г., всего за месяц до смерти Эдуарда VI, и был вынужден бежать из страны, не успев даже принять дела в епархии. Теперь же именно ему предстояло бороться с «католическими суевериями» в Лондоне.

Как и прежде, лондонская община была разделена в своем отношении к Реформации. В одних приходах начали служить английскую литургию задолго до того, как этого потребовал закон — практически с того момента, как на престол взошла королева Елизавета. Другие же — в том числе и собор Св. Павла — продолжали служить мессу вплоть до 24 июня 1559 г., когда в силу вступил Статут о единообразии богослужения, предписавший переход к английской литургии образца 1552 г. Однако по городу прокатилась волна беспорядков, вызванная вандализмом особенно рьяных протестантов: они разбивали статуи святых и нападали на католические процессии. Так, в ходе Великого молебствия (25 апреля) близ собора Св. Павла ученик печатника отнял у верующих большое распятие и сломал его, а затем унес изображение Иисуса Христа.

Но даже и после вступления в действие нового закона прихожане далеко не всегда сразу могли определить границы допустимого в новом богослужении и церковном убранстве. Причиной тому были как расплывчатые формулировки нового служебника — Книги Общих молитв, так и королевские предписания 1559 г., на основании которых проводилось инспектирование всех английских приходов. Например, в служебнике 1552 г. присутствовала так называемая «черная рубрика»: разъяснение прихожанам, что преклонение колен перед принятием причастия ни в коем случае не предполагает почитания Тела и Крови Христовых (ведь протестанты времен Эдуарда VI склонны были истолковывать евхаристию только как воспоминание об искупительной жертве Христа). В 1559 г. «черную рубрику» изъяли из Книги Общих молитв, сохранив при этом саму практику преклонения коленей; соответственно, часть прихожан (и их пастырей) вполне могли истолковать это умолчание в католическом духе.

Кроме того, Книга Общих молитв образца 1559 г., в отличие от своей предшественницы 1552 г., предполагала, что пастор во время литургии будет облачен в стихарь и каппу (хотя традиционная для католиков риза (казула) и была запрещена), а не только в стихарь. Наконец, королевские предписания 1559 г. разрешили сохранить практику Великих молебствий в период между Пасхой и Вознесением. Обычный крестный ход при этом превращался в объединявший прихожан молебен с просьбой о благословении будущего урожая, для которого были составлены молитвы на английском языке.

В целом, однако, королевские предписания 1559 г. требовали уничтожить в приходских церквях следы католического прошлого: как и при Эдуарде VI, приказано было конфисковать литургическую утварь, облачения священников и латинские богослужебные книги. Распятая, хоругви, изображения святых подлежали уничтожению. Исключение было сделано только для витражей: они стоили дорого, и многим приходам было просто не по карману сразу их заменить. Поэтому предписания разъясняли, что витражи должны будут заменяться постепенно по мере того, как старые (с изображениями святых) придут в негодность. Алтари необходимо было заменить на деревянные столы для причастия, которые должны были располагаться в трансепте. Замене подлежали и каменные крестильные купели (обычно также украшенные изображениями Христа и святых). Им на смену должны были прийти меньшие по размеру металлические купели. Изначально их предполагали разместить не в западной части храма, ближе ко входу в него, как это было раньше, а передвинуть купели в трансепт, ближе к кафедре проповедника. Таким образом, крещение предполагало, прежде всего, представление нового члена христианской общины

собратьям и связывалось с проповедью. Это новшество, впрочем, в церкви Англии не прижилось, и начиная с 1571 г. купели было предписано оставлять на прежнем, привычном месте — в западной части храма, где они остаются и по сей день.

После публикации королевского предписания, летом 1559 г. все английские епархии провели тщательную инспекцию, в ходе которой активную деятельность развернули протестанты. Осознавая, что они заходят гораздо дальше, чем то подразумевали пожелания королевы Елизаветы, они дождались ее отъезда из столицы на время летнего путешествия по южным графствам Англии. В ее отсутствие 24 и 25 августа в городе запылали костры; старостам приходов было предписано использовать в качестве топлива изображения святых, чаще всего представлявшие собой деревянные статуи или рельефы. Уничтожались большие кресты, хотя распятия, воздвигавшиеся сверху на перегородке, отделявшей трансепт храма от нефа, пока сохранялись.

Вернувшись в Лондон осенью, королева решила, что епископы зашли слишком далеко. Сама она считала, что распятия и некоторые изображения могут оставаться в церквях, если при этом им не оказывается почитания как иконам. Чтобы наглядно продемонстрировать подданным свою позицию, она распорядилась, чтобы в королевской капелле стол для причастия вернули на то место, где раньше стоял алтарь, а также водрузили на него распятие и два серебряных подсвечника. Лондонцев-католиков эта новость обрадовала, но епископы-протестанты пришли в ужас от такого «идолопоклонства» и пригрозили уйти в отставку. В результате был достигнут компромисс: королева сохранила капеллу такой, какой хотела ее видеть, но епископам разрешено было бороться с «католическими суевериями» и дальше.

В Лондоне епископ Гриндел уже в 1560 г. приказал убрать большое распятие с перегородки над трансептом, а в 1561 г. были убраны и сами перегородки.

В целом, за 1559–1561 гг. в двух третях приходских храмов алтари были заменены столами для причастия, и в половине — убраны все изображения святых. В число этих приходов, несомненно, входили и лондонские: власть предрержающие находились слишком близко, и уклонение от предписаний могло дорого обойтись пасторам и прихожанам. В других приходах перемены заняли куда больше времени, причем чем дальше от Лондона, тем медленнее они происходили. Уничтожение следов католического прошлого в церквях растянулось как минимум на десятилетие, а в удаленных сельских приходах северной и западной Англии — еще дольше. Даже в Лондоне далеко не всегда речь шла об уничтожении: литургическую утварь, облачения католических священников, небольшие распятия и изображения святых прихожане зачастую скрывали от епархиальных властей. Причиной тому была приверженность католичеству, а также и практические соображения: восстановление убранства церквей для католического богослужения в недавнем прошлом обошлось приходам в кругленькую сумму, и прихожане не желали тратиться еще раз в случае нового возвращения страны к католичеству.

Такое развитие событий не казалось поколению англичан, переживших три смены исповедания за десять лет, чем-то невероятным. Елизавета могла выйти замуж за католика: по столице ходили слухи о переговорах с императором Фердинандом I о браке королевы с его сыном; она могла умереть молодой (что едва не произошло в 1562 г., когда она заболела оспой); наконец, ее могли свергнуть с престола внешние враги, если бы папа римский отлучил ее

от церкви (а об этом шла речь на заседаниях Тридентского собора в 1562 г.). В таком случае престол мог достаться католичке Марии Стюарт, а приходам опять пришлось бы снова тратить деньги на распятия, потиры и ризы. Поэтому прихожане предпочитали не отдавать запрещенные предметы утвари и облачения епархиальным инспекторам, но прятать их: приходские счета показывают, что все это англичане предпочитали тайно хранить десятилетиями, на всякий случай. Многие приходы в свое время одолжили распятия, потиры, подсвечники и облачения священников, а также изображения святых у богатых прихожан (которые сами некогда забрали все эти предметы из монастырских и приходских церквей в ходе предыдущих конфискаций). Теперь все это можно было просто вернуть им, как частную собственность, защищенную таким образом от посягательств со стороны властей.

Прихожане-католики, впрочем, были недовольны переменами, а протестанты считали, что проводимые Елизаветой реформы недостаточны. Поэтому, когда 4 июня 1561 г. в шпиль собора Св. Павла попала молния и он сгорел, все лондонцы усмотрели в этом событии знак божьего гнева, но для одних он означал недостаток Реформации, а для других — ее избыток.

Вводить новые порядки в приходах должны были приходские священники. В их числе, однако, было совсем немного протестантов: их вообще в Англии было пока немного. Кроме того, английское духовенство сильно пострадало от эпидемии гриппа 1558 г., ведь именно они принимали последнюю исповедь и причащали умирающих, часто заражаясь при этом. Приходских пастырей в стране не хватало, и власти просто не могли себе позволить заменить всех тех, кто не слишком был доволен нововведениями. Однако от всех священников потребовали принести

присягу на верность королеве как правительнице церкви. Отказавшихся ждало лишение прихода и средств к существованию, и далеко не все готовы были на это пойти. Когда служащие лондонского епископа вызывали летом 1559 г. клириков своей епархии для принесения присяги в собор Св. Павла, вызванные с этой целью Томас Дарбишир и Джон Кеннал столкнулись на соборной площади. Кеннал не мог поверить, что Дарбишир был готов отказаться от присяги, восклицая: «Не верю, что ты — такой дурак, чтобы отказаться подписать присягу и лишиться богатого прихода!» Дарбишир, однако, и в самом деле отказался подписывать присягу, был лишен прихода и уехал в Рим, где вскоре вступил в орден иезуитов.

Джон Кеннал подписал требуемую присягу и не только не лишился прихода, но со временем приобрел новые. Он был архидиаконом в оксфордской, позднее — в рочестерской епархии, а также и викарием в Корнуолле. Во всех своих приходах он по мере сил сопротивлялся протестантским новшествам, а в своем корнуолльском приходе, пользуясь удаленностью от столицы и отсутствием надзора, служил мессу вместо английской литургии еще в 1590 г.

Пример Кеннала показывает, что далеко не все подписавшие присягу священники — а таких в Кентерберийской провинции было примерно две трети, и около половины в Йоркской — были совершенно беспринципными. К их желанию сохранить свое положение присоединялось и чувство ответственности перед приходской общиной. Оставаясь «внутри» церкви Англии, такие пасторы саботировали реформу. Многие из них в 1560-х гг. по мере сил уклонялись от выполнения королевских предписаний: они продолжали служить мессу по требованию прихожан, оправдываясь потом, что действовали по

принуждению. Порой в их устах английское богослужение следовало тому же распеву, что и месса. Они же могли утром в воскресенье служить предписанную законом английскую литургию, а позже в тот же день — мессу «для желающих».

В Лондоне, впрочем, такое поведение вряд ли могло сойти священникам с рук, поэтому и Дарбишир, и Кеннал покинули столицу, пойдя разными путями. Но и серьезных гонений на священников-консерваторов и их прихожан в первое десятилетие правления королевы Елизаветы не было. Предполагалось, что старое поколение священников уйдет на покой, а новое поколение не будет помнить о мессе и жизни католических приходов. В целом, такая смена поколений произошла в начале 1570-х гг., но сама по себе она еще не означала победы Реформации. Бывшие католики не становились автоматически протестантами: их еще предстояло этому научить.

Научить верующих: проповедь нового учения

Прихожан предстояло наставлять в вероучении, и эти обязанности возлагались на приходское духовенство. Соответственно, и само это духовенство должно было быть подготовлено к выполнению своих пастырских обязанностей. Оставшиеся после епархиальных инспекций 1559–1561 гг. в приходах пасторы, хотя и признавшие официальную церковь, зачастую не были проповедниками: кто-то из-за равнодушно-враждебного отношения к новому учению, а кто-то — в силу недостатка образования и подготовки. На протяжении всего царствования Елизаветы епископы восполняли недостаток проповедей в приходах, выдавая лицензии проповедникам, не являвшимся приходскими священниками или их заместителями. Но такое решение представлялось лишь временной мерой.

Кроме того, как епископы, так со временем и дворяне, в распоряжении которых после роспуска монастырей находилось большинство английских приходов (с правом номинировать священника), стремились к заполнению вакансий теми, кого они считали достойными заниматься пастырской деятельностью, а именно выпускниками Оксфорда или Кембриджа. В 1560-х гг. университеты подверглись «чистке»: католические богословы, отказавшиеся признать короле-

ву главой церкви, были изгнаны и уехали из Англии. Центром притяжения для них стал Лувен — новый центр католической учености во Фландрии. Места эмигрантов в английских университетах заняли теологи-протестанты. Им и предстояло готовить поколения священников-протестантов для английских приходов.

В начале XVI в. число выпускников университетов среди приходского духовенства составляло примерно 20–25 %. В середине столетия ситуация ухудшилась, не в последнюю очередь из-за нестабильности церковной жизни. Во второй половине столетия дела пошли лучше, но дореформационные показатели были превышены только к концу столетия. Так, в 1580-х гг. в Лондоне треть духовенства была университетскими выпускниками; кроме того, были и те, кто учился в университете, но не закончил курса. В других епархиях образованных пасторов было куда меньше: так, в Лестершире (центральные графства) в 1576 г. только 15 % клириков были выпускниками университетов. Однако в 1585 г. таких было уже 31 %, а к 1642 г. — до 90 %.

Как и раньше, прихожане ожидали от священников регулярных богослужений и совершения других таинств и обрядов — крещений, бракосочетаний и отпеваний. Кроме того, пасторы должны были регулярно наставлять своих прихожан в вере. В правление королевы Елизаветы вновь вошли в силу предписания 1552 г. о наставлении всех детей в приходах. Кроме того, в 1570–1580-х гг. в церковных кругах рассматривались программы религиозных наставлений, обращенных к людям всех возрастов. На практике, однако, усилия клириков-протестантов сосредотачивались на детях и юношестве.

Хотя проповедники увещевали родителей учить детей основным молитвам дома, на откуп семье

религиозное образование не оставляли. Согласно предписанию канона 1571 г., уроки катехизиса должны были регулярно проводиться приходским священником каждое воскресенье и праздничный день. Отсюда ведут свое происхождение приходские воскресные школы. К концу XVI в. классы катехизиса стали регулярным еженедельным событием в большинстве английских приходов, хотя в отдаленных сельских районах или же в местностях, контролируемых католическими магнатами, такие занятия могли проходить значительно реже или отсутствовать совсем.

Уроки обычно проводились по воскресеньям (иногда по субботам) перед вечерней службой и занимали от 30 минут до 1 часа (к концу XVI в.). Дети заучивали наизусть молитвы «Отче наш» и «Богородица», Символ веры и Десять Заповедей, а также «39 статей» — символ веры, принятый церковью Англии в 1563 г., а объяснения священника также заучивались наизусть. Основой преподавания обычно был краткий катехизис, включенный в Книгу Общих молитв. Все главы семейств отвечали за то, чтобы их домочадцы — дети и подростки 12–19 лет, а также молодые слуги — регулярно посещали классы катехизиса. Отсутствие молодежи на занятиях могло привести к тому, что главу семьи могли вызвать в церковный суд епархии.

Основы вероучения дети постигали и в начальных школах, число которых во второй половине столетия начало расти по сравнению с 1540–1550 гг. Предназначавшийся для этих целей краткий катехизис обычно издавался вместе с букварями под одним переплетом. Таким образом, обучение грамотности и начальное религиозное образование тесно переплетались.

Религиозное образование более высокого уровня предоставлялось в грамматических (т. е. латинских)

школах и было доступно только для мужчин. Здесь ученики должны были демонстрировать не только способности к запоминанию, но и понимание преподаваемых им основ вероучения. Предполагалось, что они будут не столько заучивать катехизис со слуха, как это происходило в приходских классах, где большинство учеников были неграмотными, сколько сами изучать материал по катехизисам «школьного» уровня.

Чем более образованным становился человек, тем глубже он мог постичь истины вероучения и содержание Писания. Неудивительно поэтому, что усвоение протестантского учения, особенно кальвинистского богословия, доминировавшего в английских университетах XVI в., напрямую зависело от распространения грамотности. Закрытие монастырей и роспуск религиозных братств в 1530–1540-х гг. привели к плачевным результатам: в Англии закрылось множество школ. Впоследствии городские общины и отдельные благотворители начали открывать новые учебные заведения. Лондон в этом отношении не миновал общей участи. До Реформации в столице была сеть относительно небольших школ при монастырях, однако все они закрылись в 1530-х гг. Лишь две столичные школы пережили бури середины столетия — школа при соборе Св. Павла и Вестминстерская школа. Сохранение последней гарантировал своим указом Генрих VIII при роспуске аббатства. Когда при Марии I монастырь был воссоздан, школа продолжила свое существование, а в 1560 г. королева Елизавета даровала ей новую хартию. Но такого количества школ для столицы — коммерческого центра страны и средоточия судов и правительственных учреждений — было явно мало.

В 1561 г. лондонская гильдия портных открыла новую «грамматическую» школу, чтобы восполнить потребности столицы в образованных людях.

В основании этой школы, существующей в Лондоне по сей день, важную роль сыграли именно отцы города, а не протестанты — один из основателей школы, богатый купец и бывший лорд-мэр Лондона (1553) Томас Уайт, скорее склонялся к католицизму. Он, тем не менее, тоже верил в необходимость для страны образованных людей и, прежде всего, духовенства. Еще в царствование Марии I его стараниями в Оксфорде был основан новый колледж — Св. Иоанна (Сент-Джонс, 1555). Правда, из-за политических перемен созданные Уайтом учебные заведения готовили теперь проповедников другого исповедания.

В окрестностях Лондона также открылось несколько новых школ на средства благотворителей — в Хайгейте (школа, основанная в 1565 г. на средства сэра Роберта Чолмли, главного судьи Суда Королевской скамьи), Гринвиче (1568 г., ее основателем стал Джон Глин) и Хэрроу (1572, основатель — Джон Лайон). В двух последних случаях школы существовали до роспуска религиозных братств и были воссозданы на основании королевской хартии.

Начальных школ в столице было гораздо больше — почти в каждом приходе, что неудивительно: один из столпов учения протестантов всех толков требовал от христианских властей обеспечить свободный доступ всех христиан к Св. Писанию — т. е. подготовить и издать переводы Библии на национальные языки, а от самих верующих — научиться читать и понимать Писание.

В правление королевы Елизаветы вновь вошло в силу правило 1549 г., согласно которому каждый приход обязан был на свои средства приобрести экземпляр английской Библии, а также «Парафразы» Эразма Роттердамского — английский перевод парафраз Нового Завета (1548). Практически все лондонские приходы быстро приобрели требуемые

книги, в отличие от многих провинциальных общин, где епархиальные инспекции обнаруживали отсутствие Библии еще в 1580-х гг. Лондонцы раньше других усвоили протестантское учение; кроме того, их приходы были богаче и могли позволить себе новые расходы. Сыграла свою роль и доступность книг — ведь практически все издания английской Библии именно в столице и печатались.

Во второй половине XVI в. англичане продолжали пользоваться «Большой Библией» 1539 г. — переводом Майлса Ковердейла, получившим официальное одобрение Генриха VIII. Однако самым популярным у протестантов изданием стала так называемая «Женевская Библия» (1557–1560) — издание, подготовленное английскими эмигрантами в Женеве (отсюда и название). «Женевская Библия» соединяла в себе текст Писания с его толкованием в отчетливо кальвинистском духе и предназначалась для более «продвинутых» протестантов, стремившихся углубить свои богословские познания.

Английское духовенство, в особенности епископы, не принадлежавшие к числу бывших эмигрантов, с подозрением относилось к этому изданию именно из-за включенных в него толкований. Поэтому архиепископ Кентерберийский Мэтью Паркер инициировал новое издание английской Библии — «Библии епископов», увидевшей свет в 1568 г. Прихожан поощряли приобретать это издание, и именно оно было официально признанным в церкви Англии. Однако в XVI в. ему не удалось сравняться по популярности с «Женевской Библией». Объяснялось это ориентацией издания на уже существовавшие группы протестантов. Новообращенных англичан было куда больше, но они чаще всего не умели читать.

Обращенные к ним наставления по необходимости должны были упрощаться, от чего страдало

религиозное образование, особенно начальный его уровень. Катехизис Книги Общих молитв — т. е. тот текст, который должны были выучить наизусть все юные прихожане, практически не содержал никаких указаний на протестантское учение. Таким образом, все специфически протестантские доктрины должны были усваиваться прихожанами через разъяснения священника, далеко не всегда способного или желавшего их растолковывать.

В помощь грамотным прихожанам на английском печатном рынке существовало огромное количество катехизисов разных форматов, предназначенных для разных аудиторий и использования в разных обстоятельствах. Английские протестантские катехизисы 1560-х гг., как и в более ранний период, как правило, были переводными или представляли собой переработки катехизисов континентальных реформаторов — Лютера, Цвингли и, с конца 1550х гг., — Кальвина. Во второй половине XVI в. к ним добавились многочисленные английские тексты, которые начиная с 1570-х гг. доминировали на книжном рынке.

Самыми распространенными и популярными были издания краткого (всего 8 страниц) катехизиса Книги Общих молитв, который часто включали в состав букварей. В период между 1560 и 1630 гг. в Англии было продано от 70 000 до 100 000 экземпляров таких катехизисов, предназначенных для начальных и воскресных школ.

Другим официальным катехизисом, но совсем иного формата, в котором подробно излагалось учение церкви Англии, истолкованное в кальвинистском духе, был Катехизис настоятеля лондонского собора Св. Павла в Лондоне Александра Ноуэлла. Его текст — 147 страниц *in quarto* — представлял собой пособие для грамотных мирян. Он был опубликован в 1570 г. и стал официально признанным катехизисом

для учеников грамматических школ и студентов университетов.

Краткие катехизисы для приходских классов и развернутые «школьные» версии представляли собой два полюса; между ними находились многочисленные промежуточные версии, предназначавшиеся для использования в домашней обстановке — как для углубления личных знаний, так и для наставления детей и домочадцев. Они были значительно короче монументального труда Ноуэлла — 30–40 страниц. Популярными, хотя и неофициальными, катехизисами являлись «Краткий катехизис» Эдварда Деринга и Джона Мора (1572), «Краткие вопросы и ответы» Юсибиуса Пэджета и Роберта Опеншо (1579), а также «Основы христианского учения» Уильяма Перкинса.

Все эти книги особенно хорошо расходились в Лондоне: здесь они были доступны благодаря множеству типографий и книжных лавок. Однако еще лучше, нежели катехизисы, продавались дешевые издания баллад и стихотворных памфлетов, пользовавшиеся большой популярностью и, соответственно, выходявшие большими тиражами. Их содержание — небольшие истории (чаще всего посвященные злободневным местным и национальным новостям — от войн и эпидемий до убийств, колдовства и рождений двухголовых монстров), проникнутые морализаторским духом, способствовали распространению и усвоению основ протестантского благочестия: учения об оправдании верой и спасения через веру, а не добрые дела, и — в меньшей степени — учения о предопределении. Лондонцы любили чтиво такого рода, но трудно решить, что их больше привлекало: рассказы о кающихся грешниках и знаках, посылаемых Провидением, или подробности случившихся в столице преступлений, ведовских процессов и др.

Однако две трети англичан и более 90 % англичанок оставались в XVI в. неграмотными. Обращенные к ним религиозные наставления должны были быть устными; кроме того, в XVI в. считали, что услышанная информация запоминается и усваивается гораздо лучше, чем прочитанная. Соответственно, основная часть религиозных наставлений оставалась устной, и книги не заменяли, а лишь дополняли их. Если дети должны были заучивать наизусть катехизис, то ко взрослым прихожанам были обращены особые гомилии (нечто среднее между катехизисом и проповедью). Гомилии касались основ вероучения и морального богословия (основ добродетельной жизни христианина). В помощь приходским священникам, большая часть которых в 1560–1570-х гг. не могла или не хотела проповедовать, издавались сборники гомилий. Уже упоминавшаяся «Книга гомилий» 1552 г., составленная Кранмером, была переиздана в 1562 г. В 1571 г. появилось новое, расширенное издание «Книги гомилий», подготовленное епископом Джоном Джуэллом. Новые гомилии были сосредоточены на христианских добродетелях прихожан и представляли собой практическое объяснение того, как подобает вести добродетельную жизнь.

Наконец, к взрослым прихожанам были обращены проповеди, призванные наставлять их в добродетельной жизни и разъяснять, в чем именно состоит христианская добродетель. Согласно елизаветинским церковным предписаниям, проповеди должны были произноситься приходскими священниками регулярно по воскресеньям и большим церковным праздникам. Реальность далеко отстояла от требований правил. На протяжении всего XVI в. епархиальные инспекции постоянно выявляли нерегулярность или даже полное отсутствие приходских проповедей вплоть до 1580-х гг., а в некоторых районах — даже

до середины 1590-х гг. В целом, проповедь стала регулярной частью жизни приходов только к началу XVII в., когда и система начального религиозного образования в приходах начала приносить плоды. На этом фоне ситуация в Лондоне выглядит более чем благоприятной: в 1561 г. треть столичных приходов располагала проповедниками, в 1603 г. регулярные проповеди звучали в трех четвертях приходов, а время от времени — во всех. Столица с ее финансовыми и карьерными возможностями по-прежнему притягивала к себе лучших выпускников университетов, из числа которых и выходили проповедники. В этом отношении лондонские приходы сильно отличались от остальных. Проповеди, обращенные к прихожанам сельских приходов, зачастую упрощались. Кроме того, проповедь учения о предопределении могла вызвать крайне негативную реакцию неподготовленных слушателей — вплоть до представления о том, что если кто-то изначально предопределен к гибели и изменить божественный вердикт попытками вести добродетельную жизнь невозможно, то тогда увещевания избегать греха и соблюдать требования закона лишались всякого смысла. Из опасения, что упрощенные и неверно истолкованные проповеди могут быть восприняты как призыв к развалу всего социального порядка, учение о предопределении зачастую изымалось из набора тем, предназначенных для прихожан. Исключения здесь составляли университетские центры и большие города — прежде всего, Лондон с его понимающей и довольно придирчивой к качеству проповеди аудиторией.

Лондон протестантский

Десятилетия правления королевы Елизаветы создали то, чего не смогли сделать ее отец и брат: Англия стала королевством протестантов, хотя и не совсем таких, каких себе представляли ее предшественники. За почти 45-летнее царствование Елизаветы в Англии выросли два поколения, для которых принятая в 1559 г. литургия была единственным обычаем, который они знали и любили. А к концу столетия умерли их дедушки, помнившие католическую Англию.

Жизнь в приходах изменилась по сравнению с началом XVI в., но многое осталось если не совсем прежним, то похожим. Церковные интерьеры после всех перемен середины XVI в. изменились особенно сильно. Исчезли привычные распятия, кресты, изображения святых, видоизменилась литургическая утварь и упростилась одежда священников. Фрески на стенах церквей заштукатуривались, и на месте изображений появлялись цитаты из Библии, чаще всего — текст Десяти Заповедей. В отдаленных сельских церквях лики святых — например, на перегородке, отделявшей неф от хора, — сохранялись десятилетиями, а некоторые дожили до наших дней, так же как и средневековые крестильные купели с резными изображениями Христа и святых. В Лондоне таких

следов католического прошлого не осталось уже к началу XVII в.

Елизаветинские церковные установления 1559 г. предписывали англичанам обязательно посещать церковные службы — вечерню в субботу, а также утреннюю службу и литургию в воскресенье. Пасторы столичных приходов часто устраивали молебны еще по средам и пятницам, но они собирали самых преданных прихожан. В своей «Хронике» английский историк XVI в. Рафаэль Холинshed описывал порядок воскресных богослужений, обязательных для всех англичан. После утрени прихожане слушали чтение псалмов, а затем приходской священник зачитывал общее исповедание грехов — т. е. перечисление тех грехов, которые могли совершить прихожане. Те в это время, стоя на коленях, каялись (молча — произносимого вслух признания в совершении тех или иных грехов не требовалось). Затем священник давал общее отпущение грехов, и вся община оглашала слова молитв — «Символ веры» и «Отче наш».

Затем совершалось причастие, но только в том случае, если кто-либо из прихожан собирался причащаться. В отличие от католиков, протестантские пасторы не причащались одни, без других причастников — прихожан. Закон 1559 г. требовал от англичан причащаться трижды в год — на Пасху и еще дважды (обычно — на Рождество и на Троицу), однако начиная с 1571 г. проверялось только соблюдение традиционного правила пасхального причащения.

Кульминационная часть литургии — причащение — значительно изменилась. Прежде всего, теперь все прихожане, а не только священники, причащались хлебом и вином. Кроме того, причащение в английских церквях выглядело иначе: упростились облачения священников и литургическая утварь. Таинство совершалось не на каменном алтаре,

располагавшемся на возвышении в восточной части храма, а на деревянном столе, который размещали посреди нефа. Прихожане вставали вокруг него, когда священник произносил слова молитвы. Такой ритуал подчеркивал: священник всего лишь представитель общины, а не посредник между нею и Богом. Англичане преклоняли колени, принимая причастия — по крайней мере, так предписывал закон.

Для некоторых убежденных протестантов, принимавших кальвинистское толкование таинства причастия как воспоминания об искупительной жертве Христа, преклонение колен в этот момент служило нежелательным напоминанием о почитании причастия как реальных Тела и Крови Христовых в католической традиции — так же, как и торжественные облачения пастора. Поэтому в приходах, где жили многочисленные и, главное, богатые и влиятельные кальвинисты — пуритане, часто разгорались конфликты между ними и церковными властями. Пуритане пытались избежать ненавистных им «церемоний», например отказывались преклонять колени, принимая причастие, или же требовали от пастора вести службу в обычной одежде, без стихаря. Не все прихожане одобряли такие отклонения от правил — и не все пасторы, поэтому о подобных конфликтах докладывали епархиальным властям. Лондонские пуритане были богатыми и влиятельными, поэтому немало столичных приходов оказалось к концу XVI в. вовлечено в конфликт такого рода со своим епископом, настаивавшим на соблюдении всех предписаний Книги Общих молитв.

В целом, большинство англичан причащалось раз в год, на Пасху, особенно благочестивые — на Рождество и Троицу, и уж совсем немногие — раз в месяц, несмотря на то что приходское духовенство поощряло частое причащение. Как и раньше, причащение

воспринималось как «право» прихожанина и требовало от него или нее находиться в состоянии мира со всеми соседями. Известная всему приходу ссора, не закончившаяся примирением до Пасхи, по-прежнему могла стать причиной отказа в причащении или же оправданием для тех, кто это причастие принимать не желал (например, католиков).

В отличие от прошлых лет, однако, причащение теперь контролировалось церковными властями. Пасторы и церковные старосты теперь обязаны были учитывать причащающихся и информировать епархиальных инспекторов о «злостных уклонистах». За непричащение на Пасху накладывали штраф и могли вызвать в суд. Каждый приход вел учет причастников по-разному. Например, в многолюдном приходе при церкви Спасителя в Саутворке на южном берегу Темзы всем причастившимся выдавали значки, которые потом собирали на выходе из храма. Количество значков, выданных прихожанам, указывалось в особом списке. В нем учитывались отдельные домовладения — адрес, имя хозяина дома — и количество выданных значков. Такой способ был избран в силу многочисленности жителей единственного южного прихода Лондона — их было просто слишком много, чтобы перечислить всех причастившихся поименно. Домовладельцы несли ответственность — прежде всего финансовую — за выполнение домочадцами (членами семьи и слугами) предписаний закона. В целом, к началу XVII в. в приходе Спасителя ежегодно причащалось 80–90 % прихожан — примерно так, как это было и столетием раньше.

Причащение прихожан случалось по большим праздникам. В обычное воскресенье ключевым событием богослужения являлась проповедь — или гомилия, если пастор был не в состоянии проповедовать. Лондонцы, впрочем, обычно слушали именно

проповедь. В отличие от предков, которые во время мессы стояли или даже перемещались по храму, они слушали проповедь сидя: к началу XVII в. скамьи стали обычным делом в столичных церквях. Предполагалось, что сидящая аудитория станет более внимательно слушать проповедь. Порой так и происходило: самые прилежные — и грамотные — прихожане даже делали записи. Кто-то, однако, мог и задремать, сидя на скамье, особенно если проповедь затягивалась. Поэтому хорошим тоном считалось не слишком увлекаться красноречием: хорошая приходская проповедь должна была длиться примерно 30–40 минут, но не больше часа.

Лондонцы были избалованы хорошими проповедниками и знали толк в проповедях: помимо образованных священников к их услугам были и проповеди у Креста Св. Павла, произносившиеся лучшими ораторами страны. Однако и среди жителей столицы были те, кто скучал со время проповедей и в целом согласился бы со словами лодочника из Рамсгейта (Кент), который в 1581 г. заявил: «Как стали нас заставлять ходить в церковь, так и пропала старая добрая Англия!»

Неприязнь здесь вызывало не столько хождение в церковь, сколько принуждение. Его действительно стало гораздо больше, как и контроля над поведением прихожан. В XVI в. появились приходские регистры, в которых указывались совершавшиеся в приходе крещения, венчания и похороны. Отсутствие записи о крещении ребенка или венчании пары могло поставить под сомнение их правовой статус и, прежде всего, возможность наследовать имущество. Родителей, не крестивших детей в церкви, штрафовали на крупную сумму, а с 1606 г. могли даже подвергнуть тюремному заключению. Кроме того, в церковный суд вызывали тех, кто отсутствовал на

воскресных службах, а также прелюбодеев, богохульников. Следить за поведением прихожан и докладывать об их прегрешениях инспекторам вменялось в обязанности церковным старостам, которых избирали раз в год. Старосты же обычно занимались и финансами прихода, а также следили за состоянием храма и отвечали за наличие в нем всего необходимого для богослужения и проповеди.

Церковные старосты пользовались большим авторитетом в приходе и обычно принадлежали к числу богатых (хотя и не знатных) прихожан. И хотя они мало что могли поделать в случае конфликта с местными дворянами, их власть по отношению к простым прихожанам была велика, тем более в Лондоне, где элита приходов фактически совпадала с элитой горожан, заправлявших делами столицы. На протяжении XVI в. церковные старосты и те, кто занимал другие выборные должности — например, приходские клерки, — постепенно сформировали своего рода приходскую олигархию. Относительно небольшая группа богатых и влиятельных прихожан, иногда в союзе с приходским священником, а иногда — и в противостоянии ему, решала дела, касавшиеся жизни всех жителей прихода. Именно они ведали мобилизацией солдат (часто набиравшихся из беднейших семей) и раскладкой налогов — в том числе и главного приходского налога на содержание бедных.

До Реформации лишившихся средств к существованию поддерживали монастыри. Теперь же пришлось создать новую систему социального обеспечения, просуществовавшую в Англии с середины XVI по середину XIX в. Все англичане были приписаны к своим приходам (что фиксировалось в регистрах), жители которых и должны были выплачивать определенную сумму (различавшуюся в зависимости от уровня дохода домовладения) на содержание

тех, кто лишился работы по болезни, а также незаконнорожденных детей и их матерей. Финансовые соображения были отнюдь не последними в том, что мотивировало местных «олигархов» следить за нравственностью своих соседей — пьянство или распутство могли увеличить число тех, кого отцам приходилось бы кормить за свой счет. Нетрудно себе представить, что в сложных ситуациях — в период эпидемий или войн (с Испанией в 1585–1604 гг.) или же во время экономического кризиса (растущей инфляции, свойственной всей Европе в XVI в.) налоговое бремя вызывало распри в среде прихожан, и беднейшие их слои чувствовали себя несправедливо обиженными.

Не всегда улучшало ситуацию и поведение священников. Многочисленные изменения вероисповедных формул в середине XVI в. в значительной степени подорвали уважение к приходскому духовенству. Кроме того, поколение середины столетия должно было привыкать и к женам пасторов. Конечно, раньше у священников зачастую были сожительницы, о которых знал весь приход. Но эти женщины не претендовали на высокий социальный статус, равный статусу дам из числа приходской элиты, в отличие от жен пасторов. Порой их жены подвергались оскорблениям, но постепенно, со сменой поколения жены пасторов стали привычными лицами в приходе. Они, как правило, были также и дочерьми священников; так постепенно формировалось сословие духовенства. От прихожан их отделяла дистанция, определявшаяся, прежде всего, полученным пасторами университетским образованием. В Лондоне эта дистанция могла ощущаться не такой значительной — в столице было больше образованных людей, чем где бы то ни было еще в Англии (за исключением Оксфорда и Кембриджа). Но и здесь она существовала — хотя бы потому,

что являлась необходимым условием для успешных наставлений, учивших паству быть добрыми христианами. Отнюдь не все прихожане — богатые или бедные — радовались вмешательству в их дела, наставлениям и проповедям, особенно если проповедники в своих речах переходили на личности и начинали, подобно пророкам, обличать грешников, сидевших на скамьях напротив них. Такие ситуации могли привести к обращению оскорбленных прихожан в епархиальный суд, или же, если затронутые обвинениями люди были низшего ранга и не рассчитывали на защиту судов — просто дракой.

Другим потенциальным источником конфликтов могло стать отношение приходских властей и духовенства к традиционным развлечениям прихожан. Реформация значительно упростила церковный календарь, выкинув из него многие праздники, посвященные святым, но отнюдь не все: в елизаветинской Англии отмечали дни 27 святых, в том числе святого покровителя страны, Св. Георгия. Пережили все изменения официального исповедания и основные праздничные периоды, когда англичане могли не работать — 12 дней между Рождеством и Крещением, отмечавшиеся танцами и маскарадами, неделя после Пасхи и неделя после праздника Троицы, хотя характерные для последнего периода приготовление и продажа «церковных элей» как средства собрать деньги на нужды прихода постепенно отходили в прошлое.

К календарю англичан прибавились и новые, светские по природе праздники, которые, впрочем, тоже могли прочитываться в конфессиональном духе. Так, королева Елизавета впервые ввела в Англии празднование дня своего восшествия на престол (17 ноября). Британские монархи празднуют день восшествия на престол по сей день, но 17 ноября стало

особенно любимым праздником, который пережил саму королеву и соблюдался еще в начале XVII в.: для протестантов он стал днем триумфа, символом их победы над католическим идолопоклонством. А для многих англичан, устраивавших торжественные шествия и фейерверки, ноябрьский праздник стал удобным «заместителем» привычного, но отмененного с приходом Реформации празднования Дня Всех Святых. Примерно такую же, но еще более ярко выраженную антикатолическую функцию выполнял и День, а скорее, Ночь Гая Фокса, приходившийся на 5 ноября: в 1606 г. король Яков I объявил 5 ноября днем благодарения за избавление королевской семьи и членов парламента от смерти, уготованной им католическими заговорщиками, одним из которых был арестованный 5 ноября 1605 г. над бочонком с порохом Гай Фокс. Празднование, сопровождавшееся сжиганием чучела Гая Фокса (а позднее — папы римского) и фейерверками, приобретало особенный размах в столице с ее рано сформировавшимся и влиятельным пуританским крылом церкви Англии и стало поводом повеселиться для поколений англичан, вплоть до XX в.²

Примерно к 1620-м гг. страна привыкла также воздерживаться от работы по воскресеньям, хотя прихожане зачастую не были согласны в том, чем именно им надлежит заниматься. Закон предписывал всем идти в церковь на утреню и литургию. Многие простые англичане, в том числе небогатые лондонцы, трудившиеся всю неделю, считали, что в свободное от церковных служб время имеют право на

---

² Сейчас чучело папы римского сжигают только в городке Льюис (Сассекс), где история протестантской общины восходит к середине XVI в. Фейерверки устраиваются 5 ноября повсеместно.

заслуженный отдых, а именно распитие пива и других напитков с друзьями, гуляния, спортивные состязания и, конечно же, футбол. Приходские священники, правда, могли возражать против привычки некоторых молодых англичан играть в футбол в церковном дворе, на хорошей лужайке, где не паслись коровы.

Другим пасторам и прихожанам пуританского толка не нравился сам принцип развлечений в воскресенье — день, который, как они считали, должен был быть посвящен Богу и проведен в стенах храма, чтении Библии и размышлении об услышанном на проповеди, но никак уж не в «языческих игрищах». В конце XVI в. осуждения воскресных развлечений звучали столь часто и столь резко, что один остряк в 1581 г. имел повод заметить: «Они [пуритане] считают игры в воскресенье столь же греховными, как и прелюбодеяние в понедельник».

Такой подход, впрочем, не разделяли многие дворяне и епископы. Некоторые из них считали празднества (не отмеченные пьянством, драками и прочими беспорядками) средством улучшения манер англичан, установления дружеских отношений среди соседей и проявлением любви к ближним — ведь устраивая праздники для прихода и соседей, богатые делились частицей заработанного с неимущими. Конфликт, вызванный спорами о допустимых и недопустимых воскресных развлечениях, впрочем, тлел годами. В 1618 г. король Яков I был вынужден даже издать указ, предписывавший «пуританам и прочим законникам» не препятствовать англичанам развлекаться — участвовать в спортивных состязаниях, танцевать, устраивать приходские праздники с продажей и распитием эля и т. п. Запрещались — и только по воскресеньям! — кровавые развлечения вроде травли медведей и быков собаками. Таким образом,

англичане в целом готовы были отстаивать свои праздники перед лицом тех, кого многие сочли бы «слишком благочестивыми».

Это, впрочем, не означает неприязни к церкви. Напротив, в конце XVI в. англичане вновь стали признавать приходские церкви «своими», т. е. местом, где они выражали религиозные чувства, прежде всего через совместное участие в литургии, которая тоже теперь стала привычной, «своей». Особенно любимейшей частью службы стало распевание английских псалмов — к началу XVII в. они завоевали огромную популярность прихожан.

Любовь прихожан к своей церкви выражалась и вполне материальным образом. Правда, число пожертвований на храм и количество средств, оставленных по завещанию, в целом хотя и возросли по сравнению с серединой столетия, все же не дотягивали до уровня 1530-х гг. Конечно, протестантское богослужение в Англии стало проще и требовало меньше предметов и украшений, обходясь приходу дешевле. Кроме того, необходимые для содержания храма средства часто собирались через приходское налогообложение, а не через пожертвование. Однако невозможно не вспомнить о том, что раньше деньги завещались главным образом на помин души, а также на свечи, ставившиеся на алтарь того или иного святого. Протестанты отвергли почитание святых и представление о том, что молитва живых может каким-либо образом повлиять на посмертную судьбу их скончавшихся друзей и родственников. Вместе с этими представлениями ушло и желание англичан оставлять деньги приходу.

Некоторые, впрочем, завещали средства, на которые община могла бы содержать проповедника. Такая помощь прихожанам считалась добрым делом, в глазах протестантов на являвшимся причиной

спасения души завещателя, но свидетельствовавшим о дарованной его душе благодати — ведь именно она помогала ему при жизни совершать добрые дела и намекала на его избранность, предназначенность к спасению.

Гораздо более распространенным способом проявить привязанность к своему храму и происходящему там богослужению стали перестройки храмов. Предыдущая волна ремонта и перестройки церковных зданий пришлось на конец XV — начало XVI в. Спустя сто лет многие храмы опять требовали ремонта; кроме того, многие общины желали украсить храмы, расширить их, приспособить к своему видению богослужения — в них возводились кафедры проповедников, а пространство для алтарей — столов для причастия, которые теперь помещались туда, где раньше находился каменный алтарь, — окружалось низкой оградой. В Лондоне в первой трети XVII в. перестройке, полной или частичной, подвергся сорок один храм, включая собор Св. Павла. Лишь одна из них, церковь Св. Екатерины (некогда церковь приората августинцев) на Лиденхолл-стрит, полностью перестроенная в 1627–1630 гг., сохранилась до наших дней, пережив лондонский пожар 1666 г. и немецкие бомбежки 1940 г.

На рубеже XVI–XVII вв. большинство англичан приняли протестантское учение, но к этому времени стало очевидным и различие между тем, как разные группы протестантов понимали вероучение и церковную традицию, которую считали «своей». Англичане не делились теперь только на католиков и протестантов, хотя католическое меньшинство сохранилось. Среди протестантов существовала не одна, а как минимум две религиозные традиции. И все эти группы (включая католиков) продолжали сосуществовать в приходах церкви Англии.

Пуритане и их противники

Елизаветинская реформа церкви оставила много недовольных. В их числе были не только консерваторы, тосковавшие о старой доброй Англии, «когда была месса и все было дешево», но и протестанты, считавшие, что реформирование оказалось поверхностным, а церковь Англии по-прежнему нуждалась в очищении от «папистских суеверий». Такие протестанты составляли меньшинство, но меньшинство заметное и влиятельное. Лидерами радикального протестантского крыла были вернувшиеся на родину эмигранты, которые успели познакомиться с учением и церковным устройством кальвинистских общин в Германии и Швейцарии и хотели переустроить английскую церковь в том же духе. Они возражали против сохранения епископата, обязательного использования Книги Общих молитв в богослужениях, особого облачения священнослужителей (стихарей) и самого этого названия (оно должно было быть заменено словом «пастор» или «служитель», minister). Неприязнь вызывали и другие ритуалы, по их мнению, напоминавшие о католическом прошлом и не дававшие прихожанам обрести истинную веру.

Столица с самого начала стала центром притяжения тех, кого вскоре назовут «пуританами» (в XVI в. это слово было оскорбительным и означало что-то вроде «чистенькие», т. е. лицемеры, считавшие себя

лучше других). Причиной тому была, во-первых, история распространения протестантского учения именно из Лондона, а также возвращение в столицу иностранных церквей, изгнанных из Англии с приходом к власти королевы Марии в 1553 г. В 1560 г. эмигрантам-беженцам из Голландии и Франции было разрешено возобновить свои богослужения, следовавшие женеvскому образцу. Голландская община вернулась в церковь бывшего приората августинцев (где и существует до сих пор). Франкоязычные протестанты (французы и валлоны) образовали свою общину, в распоряжение которой была отдана церковь Св. Антония на Треднидл-стрит. Ж. Кальвин отправил в Лондон пресвитера Николя де Гайара для управления этой общиной.

Иностранные общины служили для некоторых английских протестантов образцом церковного устройства. Закон, правда, запрещал иностранцам пускать англичан на свои богослужения, но это правило соблюдалось не строго. Единственным ограничением оставалось только знание языков — ведь службы велись на голландском и французском соответственно. Поэтому тесные контакты с эмигрантами обычно устанавливали представители городской элиты: именно они, как правило, говорили на иностранных языках, ведь это было им необходимо в торговле. Именно среди этой категории лондонского населения окажется наибольшее число пуритан.

Не все лондонцы, правда, были в восторге от новых соседей, как по причине их веры, так и по другим соображениям. Голландская община уже в 1570-х гг. стала самой крупной иностранной общиной в Лондоне. И хотя голландцы и французы в основном бежали в Лондон от религиозных преследований, многие из них были, скорее, теми, кого сейчас называют «экономическими мигрантами»: они переселялись

в Англию в поисках лучших условий труда и ведения дел. Эти эмигранты были не бедняками, а искусными ремесленниками, принесшими своей новой стране ремесла и производства (их было много среди изготовителей ткани и предметов роскоши, а также печатников и др.). Ремесленники-иностранцы, а в особенности иностранцы преуспевающие, вызвали подчас неприязнь у соседей и способствовали росту напряженности в столице. К счастью, дело не дошло до восстания, подобного тому, что случилось в 1517 г. Однако в мае 1593 г. к дверям церквей иностранных общин были прибиты оскорбительные письма, в которых иностранцев грозились перерезать. К чести елизаветинских властей, возможные беспорядки были пресечены; однако иностранцы по-прежнему предпочитали жить в пригородах Лондона, не подчинявшихся городским властям, настроенным против них.

Еще одной причиной распространения пуритан в Лондоне стала молчаливая поддержка и покровительство многих влиятельных людей в правительстве, включая главных советников королевы Елизаветы — государственного секретаря (позднее — лорда-казначей) Уильяма Сесила, королевского секретаря и главу шпионской сети Фрэнсиса Уолсингэма, канцлера Казначейства Уолтера Мидлмея, а также и королевского фаворита Роберта Дадли, графа Лестера. Благодаря их попустительству или даже одобрению пуритане в Лондоне не раз становились организаторами кампаний за дальнейшее реформирование английской церкви.

Первое столкновение среди протестантов случилось вне Лондона, в ходе заседаний конвокации (собрания представителей духовенства) в Кентербери в 1563 г. Конвокация обсуждала Символ веры церкви Англии, приняв в этом качестве «Тридцать девять

статей» (чуть сокращенный вариант эдвардианского символа веры), который был официально принят в 1571 г. Кроме того, группа реформаторов среди духовенства, включавшая настоятеля собора Св. Павла Александра Ноуэлла, настаивала на сокращении количества дозволенных законом 1559 г. праздников святых, упразднении особых облачений священнослужителей, запрете преклонения коленей во время причащения, а также крещения младенцев мирянами в случае угрозы жизни (они выступали против распространенного представления о том, что душа некрещеного младенца не попадет в рай, считая его суеверием) и запрете органов в церквях. Реформаторы потерпели поражение, но их выступление стало первым появлением пуритан на английской церковной и политической арене.

В марте 1563 г. (через два месяца после заседаний конвокации) двадцать священнослужителей подали прошение церковным властям о разрешении им не выполнять требований о ношении стихаря во время богослужения. Среди них было немало лондонских пасторов, и неслучайно: новый епископ Лондонский Эдмунд Гриндел принадлежал к числу вернувшихся эмигрантов и заполнял вакансии людьми, близкими ему по духу, бывшими эмигрантами или другими сторонниками реформы. Хотя официальная позиция властей оставалась прежней, многим пасторам в Лондоне до поры до времени сходили с рук нарушение предписаний в отношении порядка богослужений и облачений.

Однако в 1566 г. этому режиму терпимости пришел конец. По настоянию королевы, архиепископа Кентерберийского Мэтью Паркера и епископа Лондонского Гриндела всех 28 марта 1566 г. лондонских пасторов собрали в Ламбетском дворце — столичной резиденции архиепископа. Там перед собравшимися

появился бывший «нарушитель правил» Роберт Коул в полном священническом облачении. Всем присутствовавшим было приказано немедленно подтвердить свое обязательство всегда служить литургию только в таком виде и зафиксировать свое согласие письменно. Шестьдесят один пастор согласился, тридцать семь отказались и были лишены приходов — пока только временно, на три месяца, по истечении которых они должны были либо покаяться, либо лишиться приходов уже навсегда.

Некоторые лондонские приходы сначала отказались подчиниться властям, и богослужения без «правильных» облачений продолжались. Именно в адрес таких пасторов и было впервые использовано слово «пуритане», ставшее потом обозначением всей радикальной фракции церкви Англии. Один из них, Роберт Кроули, викарий церкви Св. Эгидия (Сент-Джайлс) близ Крипплгейт, 23 апреля 1566 г. выгнал из церкви хористов в стихарях, сорвав заупокойную службу. В церкви Всех Святых на Темз-стрит на Вербное воскресенье (7 апреля) подрались пастор и прихожане — сторонники и противники ношения стихарей. В других храмах Лондона также случились беспорядки на Вербное воскресенье и Пасху.

Нарушителей спокойствия наказали. Например, Кроули был отправлен под домашний арест, а затем лишился прихода и вернулся к своей первоначальной профессии печатника. Именно в этом качестве он взялся за перо, написал и издал несколько памфлетов, обосновывая в них свой отказ носить стихарь как борьбу с папистскими суевериями.

Некоторые сторонники Кроули и других радикалов предпочли порвать отношения с официальной церковью и создали свои небольшие общины. Но таких сепаратистов в Англии XVI в. было немного. Большинство тех, кого именовали пуританами, не

мыслили себя вне официально признанной церкви, хотя и стремились изменить ее согласно своим представлениям об идеальной христианской общине. Потерпев поражение от епископов, реформаторы в 1570–1580-х гг. попытались убедить парламент провести дальнейшую реформу церкви и, по крайней мере, не настаивать на выполнении пастором всех предписаний Книги Общих молитв, если они противоречили его взглядам.

Соответствующий законопроект был предложен парламенту в 1571 г. и был отвергнут. В ответ на это в 1572 г. лондонские священнослужители — пуритане Томас Уилкоккс и Джон Филд — издали «Предостережение парламенту», памфлет, ставший манифестом английских пуритан. В нем перечислялись все «папистские суеверия», закрававшиеся в Книгу Общих молитв, а авторы настаивали на проведении дальнейшей реформы церкви по образцу Шотландии или французских гугенотских общин (отмене епископата и введении пресвитерий с собраниями старейшин как высшей власти).

К полемике немедленно подключились другие авторы, сторонники и противники пуритан, в том числе пуританин Томас Картрайт и будущий архиепископ Джон Уитгифт. Бурное обсуждение привлекло внимание властей, за что зачинщики немедленно попались: Филд и Уилкоккс провели почти год в тюрьме, а Картрайта от этой участи спасло только бегство из страны.

Число пасторов-пуритан оказалось достаточно значимым, чтобы новый архиепископ, Гриндел, сменивший Паркера в 1575 г., порой закрывал глаза на их неподчинение и нарушение церковных правил. Он и многие другие представители верхушки духовенства не желали карать пуритан за нон-конформизм, чувствуя в них опору, людей, благодаря которым

в стране звучала проповедь протестантского учения. Ведь именно они воспринимали распространение слова Божия (через проповедь) как важнейшую задачу верных. В тех частых случаях, когда приходские миссионерские усилия были или казались им недостаточными, миряне — городские корпорации, отдельные богатые горожане и/или дворяне — могли предоставлять средства для найма богослова-проповедника для чтения «лекций». Такие лекции (до нескольких в день в 1570-х гг. или одна в неделю позднее) обычно представляли собой соединение проповеди и катехизаторской лекции на более высоком уровне и предназначались как для местных священников — с целью повысить их образовательный уровень и научить проповедовать, так и для мирян, уже имевших начальные представления о вероучении и стремившихся к более глубоким знаниям.

В 1570-х гг. многие английские епархии, прежде всего лондонская и другие на востоке страны, наиболее всего охваченные пуританским движением, стали свидетелями так называемых «пророчеств». «Пророчества» собирали большие группы мирян и пасторов и подразумевали целый день интенсивных занятий: несколько проповедей (до трех), их обсуждение и разъяснение. «Пророчества» оказались весьма популярными и собирали большие аудитории, в том числе мирян (пуритан), которые порой путешествовали целыми семьями или соседскими группами, чтобы послушать того или иного проповедника.

Отношение церковных и светских властей к пророчествам было двойственным. Многие епископы, в том числе архиепископ Кентерберийский Гриндел, поддерживали это движение, считая его важным и эффективным способом распространения протестантского учения. Других, в частности будущего архиепископа Уитгифта, беспокоила инициатива,

фактически находившаяся вне контроля церковных властей. По мнению Уитгифта, «пророчества» были одним из способов оказания давления на монарха с целью углубления официальной Реформации, на что Елизавета идти не желала. Кроме того, существовали и опасения, что «пророчества», организованные мирянами вне приходской структуры, могут подрывать официальную иерархию английской церкви.

Все эти соображения вкупе с подозрительным отношением Елизаветы к неконтролируемому проповедничеству — которое она не без оснований связывала с потенциальным раздором среди прихожан — вызвали в 1577 г. запрещение практики «пророчеств». Архиепископ Гриндел, выступивший против этой меры, был фактически лишен права выполнять свои обязанности и отстранен от должности.

Борьба за продолжение реформы и приведение церковного устройства Англии в соответствие с пресвитерианской моделью — упразднение епископата и замена Книги Общих молитв женевской Книгой распорядка — продолжалась и в 1580-х гг. Еще дважды — в 1584 и 1586 гг. — пуритане вносили свои законопроекты в палату общин, но приняты они не были. В 1588–1589 гг. в Англии была анонимно издана серия пуританских памфлетов, автор которых прятался за псевдонимом «Мартин Марпрелат». Установить, кто именно является автором этих сочинений, точно не удалось до сих пор (хотя современные историки склоняются к «кандидатуре» дворянина-пуританина Джоба Трокмортонa), и неудивительно, если учесть, с какой яростью правительство начало поиск провинившихся. Памфлеты перешли все границы в критике епископата и прямо называли прелатов слугами антихриста.

К несчастью для пуритан, появление памфлетов в конце 1580-х гг. совпало со временем «схода со

сцены» старшего поколения советников королевы Елизаветы, многие из которых покровительствовали нонконформистам. В 1585–1590 гг. умерли графы Бедфорд, Лестер и Уорик, а также Фрэнсис Уолсингем. В этих условиях началось наступление на пасторов-пуритан, не желавших подчиняться предписаниям Книги Общих молитв. Многие лидеры пуританских общин предстали перед судом, лишились приходов или были вынуждены подчиниться закону. Кампанию возглавил капеллан архиепископа Уитгифта Ричард Банкрофт — один из видных лондонских клириков.

Большая часть пуритан подчинилась правилам. Начиная с 1590-х гг. пуританское движение в Англии оставило надежды на дальнейшее реформирование церкви. Но отдельные приходы (или группы прихожан) объединялись вокруг пастора-пуританина, ища теперь уже не исправления всей церкви, но личного совершенства. Многие из них вслед за кембриджским богословом Уильямом Перкинсом верили, что предназначенные Богом к спасению люди в назначенный Им момент обретают благодать (переживают опыт обращения к Богу), оказываясь способными вести добродетельную жизнь в постижении Слова Божия (через чтение Писания и проповеди), окружая себя единомышленниками. Так внутри церкви Англии сформировались общины, отличавшиеся от других прихожан своей религиозной культурой.

Внешне это выражалось в подчеркнутом внимании к проповедям. Пуритане заботились о том, чтобы в их приходах проповеди звучали регулярно, а для того, чтобы послушать наиболее уважаемых и красноречивых проповедников, они готовы были совершать путешествия. Лондонцам не нужно было ходить далеко: известные своим красноречием пасторы-пуритане собирали большие аудитории со всего города.

Сами себя такие «слушатели проповедей» именовали «благочестивыми».

Отличал пуритан и общий стиль богослужения. Пасторы-пуритане старались оставить как можно больше времени для проповеди, зачастую сокращая богослужение. Кроме того, они позволяли себе молиться «своими словами», вместо того чтобы произносить слова, предписанные Книгой Общих молитв. Упрощение «церемоний» и внимание к проповеди нравилось пуританам, но зачастую приводило к конфликту с другими прихожанами, ценившими литургию Книги Общин молитв.

Церковь Англии XVI в., однако, вмещала в себя отнюдь не только пуритан и тех, кто не вполне усвоил протестантское учение, как бы радикальным пуританским проповедникам ни хотелось порой представить дело именно в таком виде. За годы царствования Елизаветы в Англии сформировались группы противников пуритан, расходившиеся с последними по многим вопросам — богословским (истолкование предопределения), принципам церковного устройства и приоритетам в богослужении.

В последнее десятилетие XVI в. среди образованной элиты английского духовенства появились богословы, поддерживавшие принцип свободы воли верующего и считавшие, что искупительная жертва Христа была принесена за все человечество. Они отвергали кальвинистское толкование предопределения как неотменяемого божественного вердикта, разделившего человечество на предназначенных к спасению или гибели души, понимая догмат англиканского символа веры (статья 17) как предзнание Бога о том, какой путь — к спасению или гибели — выберет тот или иной человек.

Споры относительно предопределения охватили в конце XVI в. голландскую церковь и были связаны

с политическими конфликтами в соседней стране. Волновали они и английское духовенство. В 1595 г. архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт собрал в своем лондонском дворце богословов, принявших так называемые «Ламбетские статьи», подтверждавшие принятое в Англии кальвинистское толкование предопределения. Предполагалось, что статьи станут обязательными для всех священнослужителей, которых обяжут признать их своей подписью. Королева Елизавета, однако, отказалась сделать «Ламбетские статьи» частью церковного закона.

Противники пуритан отвергали и их критику церковного устройства Англии. Одним из самых известных богословов, с именем которого принято связывать собственно англиканскую традицию религиозной мысли, был Ричард Хукер (1554–1600), долгие годы жизни которого были связаны с Лондоном. Здесь в 1581 г. он с главной проповеднической кафедры страны — у Креста Св. Павла — произнес критические высказывания в адрес пуританского толкования идеи предопределения. Однако главное, чем обязаны Хукеру современники и потомки — это его богословские труды, в том числе его 6-томный трактат «О церковном устройстве», опубликованный в 1590-х гг. В нем Хукер показал, что церковное устройство в каждой стране определяется не единым и неизменным божественным законом, но церковными законами отдельного государства. Отсылая читателей к апостольской традиции и истории раннего христианства, Хукер обосновывал и законность епископата.

Для большинства английских прихожан, впрочем, эти тонкости богословия оказывались практически непостижимыми, в том числе и потому, что узнать о предопределении они могли только из книг: эта материя считалась слишком тонкой и открытой для

неверных толкований. Однако и среди обычных прихожан нередко проявлялось недовольство пуританами, обычно находившее выражение в конфликтах относительно соблюдения обрядов и церемоний, предписанных Книгой Общих молитв. Если пуритане по инициативе или с попустительства приходского священнослужителя могли сокращать предписанные ею службы, нарушать правила относительно облачений, преклонения колен перед принятием причастия и др., то их противники настаивали на точном соблюдении правил и могли жаловаться на нарушителей епархиальным властям. Лондонские приходы часто сталкивались с конфликтами такого рода, постепенно усиливавшимися к концу столетия: в это время пуритане лишились многих высокопоставленных покровителей, а миряне — противники пуритан — могли теперь опереться на поддержку среди духовенства.

Конфликты между пасторами и церковными старостами-пуританами сотрясали в конце XVI в. лондонские приходы Св. Петра (Сент-Питер Уэстчип), Св. Матфея (Сент-Мэтью на Фрайдей-стрит), Св. Михаила (Сент-Майкл Ле Квери) и других. Порой камнем преткновения становились крестильные купели. В своем стремлении порвать с католическим прошлым пуританская верхушка приходов настояла на замене обычной купели на металлические, помещавшиеся на деревянных столах в трансепте, рядом с кафедрой проповедника. Однако позднее, по настоянию остальных прихожан и пастора, в церкви вернули традиционные каменные купели и поставили их на обычное место — в западной части нефа, близ входа.

Контроль над приходом Св. Андрея (Сент-Эндрю) в Холборне переходил из рук в руки: в 1570-х гг. это был «пуританский» приход, однако к 1584 г. здесь к власти пришли противники пуритан, что отразилось

на украшении интерьера церкви. В приходе Христа (Крайст-черч) в 1590 г. прихожане спорили между собой относительно того, стоит ли заменять средневековые витражи с изображениями святых, еще не пришедшие в негодность, новыми, прозрачными стеклами. Во многих приходах пуританам приходилось отступать под давлением оппонентов. Впрочем, такая ситуация еще отнюдь не означала, что пуритане в Лондоне или где-либо в Англии подвергались гонениям. Эта сомнительная честь досталась католикам.

Прятаться на виду: католики в елизаветинском Лондоне

Значительная часть лондонцев, как и жителей других частей страны, не приняла нового религиозного законодательства. Официальную церковь нужно было поддерживать как при помощи проповеди, так и силой принуждения. Акт 1559 г. о супрематии не только провозглашал власть короны над английской церковью и отвергал власть папы, он также требовал принесения присяги в согласии с этими принципами от всех светских должностных лиц и от тех, кто получал ученую степень в университетах или посвящался в духовный сан. Отказ от принесения присяги означал смещение со всех постов; отрицание королевской супрематии влекло за собой лишение имущества и свободы. Повторный отказ от присяги приравнялся к государственной измене со всеми вытекающими отсюда последствиями. Согласно статуту о единообразии 1559 г., священники были обязаны соблюдать порядок литургии. Тот же статут впервые устанавливал штраф в размере 12 пенсов за непосещение приходской церкви по воскресеньям и праздникам.

Однако в 1560-х гг. карательные меры не применялись широко. Королева Елизавета не позволила казнить католических епископов после их смещения с кафедр, хотя свобода их и была ограничена.

Примерно треть приходских священников-католиков Кентерберийской провинции лишилась своих бенефициев. Некоторые эмигрировали, другие стали капелланами в домах дворян — католиков, а третьи избрали путь активной деятельности: они создавали подпольные католические общины, тем самым закладывая основы формирования католического общества в Англии.

Рядом с обычными прихожанами, пусть с ворчанием, но принявшими Реформацию, жили и те, кого враждебные им голоса называли «церковными папистами». Они ходили в церковь во избежание неприятностей, подчеркивая свою лояльность королеве, подчинение законам страны и связь с местным приходом, однако сами отождествляли себя с католической верой, не упускали возможности присутствовать на мессе. Многие из них никогда не принимали причастия по протестантскому обряду, в случае расследования приводя множество оправданий — например, что они на Пасху путешествовали или причащались в другом приходе (где не вели записей причастников), или же не успели примириться с соседями и, следовательно, не были достойными причаститься.

Наряду с «церковными папистами» были и католики, не желавшие идти на компромисс с официальной церковью. Начиная с 1580-х гг. их стали называть «рекузантами» (*recusants*, от латинского *recusare* — отвергать, отказываться) — то есть теми, кто отказывается ходить в церковь.

В первые годы правления Елизаветы *recusancy* было, скорее, исключением из правила, нежели нормой. Гораздо более распространенными были «церковные паписты», однако один и тот же человек в какой-то момент своей жизни, подчиняясь давлению, отправлялся в церковь, но затем вновь пере-

ставал туда ходить. Во многих католических семьях муж — «церковный папист» — демонстрировал свое подчинение закону и воле королевы, а жена появлялась в приходской церкви лишь изредка или вовсе этого не делала и воспитывала детей в католическом духе.

Католическое богослужение в Англии было поставлено вне закона (и оставалось нелегальным 270 лет, с 1559 г. по 1829 г.). В стране исчезли католические храмы, и нелегальные богослужения теперь проводились в домах католиков, а порой и в сараях, и даже под открытым небом. Все это существенно изменило облик богослужений, хотя, конечно, не саму литургию. Священники перемещались от одного безопасного убежища к другому и не могли возить с собой богатые облачения. Как правило, они ходили в обычной одежде, ничем не выделяясь из числа мирян, и лишь во время богослужения надевали стихарь. Мессу служили на переносном — походном — алтаре, который либо возил с собой священник, либо прятали в тайнике хозяева дома. Литургическая утварь также была очень простой.

В домах католиков второй половины XVI в., как правило, не было часовен — помещений, специально предназначенных для богослужений. Это было слишком опасно: слуги могли выдать хозяев властям, а наказания для католиков с каждым десятилетием становились все более суровыми, как мы увидим далее. Лишь в XVII в., с приходом к власти в стране новой династии Стюартов, католики, располагавшие средствами, стали создавать в своих домах постоянные часовни. До этого мессу служили в обычных комнатах, чаще всего — в личных покоях хозяина или хозяйки дома, вход куда был разрешен только для самых доверенных слуг и членов семьи. Постоянные преследования и надзор со стороны агентов

правительства, лицензированных охотников за священниками, а порой и «доброжелателей» из числа соседей, означали, что в любой момент в дверь могли постучать — даже в разгар мессы. Поэтому в домах католиков часто делали тайники, куда можно было быстро спрятать переносной алтарь, литургическую утварь и богослужебные книги, а также стихарь священника. По той же причине в домах католиков XVI в. было мало изображений святых, распятий и мощевиков — только относительно небольшие по размеру, какие было бы легко спрятать при необходимости. Комнаты, где проходили богослужения, чаще украшали гобеленами с изображениями распятия и других религиозных сюжетов — эти тканые полотна можно было быстро убрать в случае угрозы. Кроме того, они не попадали под правила конфискации предметов католического культа, и их всегда можно было выдать за наследство покойной бабушки.

Быть католиком в Англии после 1559 г. означало подвергаться немалым ограничениям. Согласно статуту 1563 г., присягу в признании королевы главой национальной церкви обязаны были приносить все мировые судьи, шерифы, юристы, члены парламента, школьные и университетские преподаватели, духовные лица. Отказ от присяги теперь карался как уголовное преступление, а его повторение — как государственная измена. Однако Елизавета I лично запретила епископам требовать вторичную присягу, тем самым отводя угрозу смертной казни. Что же касается первой присяги, то теоретически отказ от нее закрывал для католика возможность выдвинуться. На практике некоторые из них приносили присягу под давлением или из карьерных соображений, но многие избегали присяги и, тем не менее, занимали важные посты в графствах (в том числе были мировыми судьями) при попустительстве других должностных

лиц, зачастую связанных с католическими семьями узами дружбы и родства. Именно преобладание католического или протестантского клана среди местной элиты определяло положение католиков в том или ином графстве или городе.

До сих пор точно неизвестно, сколько католиков жило в елизаветинской Англии. Данные подсчетов, сделанных по разным документам, существенно разнятся. Наиболее оптимистические подсчеты показывают, что к началу XVII в. в Англии было примерно 500 000 человек, тайно принимавших причастие по католическому обряду, т. е. около 12,5 % от четырехмиллионного населения страны. При этом лишь около 40 000 (менее 1 %) были готовы открыто заявить о себе отказом от посещения приходских церквей. Географически католики были распределены крайне неравномерно: они составляли большинство населения Ланкашира и значительную его часть в Йоркшире, Хэмпшире, Сассексе, Вустере, Хертфорде, Дерби, Южном Уэльсе. Несмотря на то что в городах контроль над католиками был строже, чем в отдаленных деревнях, крупные города (прежде всего Йорк и Лондон) служили местом притяжения для католиков, как и для других религиозных диссидентов: в многолюдном городе легче было укрыться, кроме того, активная торговля с католическими странами (Нидерландами, Испанией, Францией) предоставляла большие возможности для тайного ввоза книг, контрабанды католической утвари, предметов религиозного назначения (крестов, распятий, четок, изображений святых и др.) и людей (священников и католиков, желавших эмигрировать или отправить детей учиться в католические страны).

Столица привлекала также богатых и знатных покровителей католиков — аристократов, державших свои дома, а порой контролировавших целые

городские кварталы и сдававших помещения единоверцам, купцов и юристов. Богатые купцы могли оказывать немалую поддержку единоверцам. Так, Джеймс Тейлор из гильдии торговцев-бакалейщиков устроил в своем доме убежище для священников, там регулярно проводились католические богослужения. В его доме бывали католики из разных слоев общества, от дворян до простолюдинов. Кроме того, богатый торговец в силу своего рода деятельности постоянно контактировал с иностранцами-католиками в Лондоне (испанцами, итальянцами, французами) и за пределами страны, что позволило ему создать целую сеть контрабандного ввоза и распространения католических книг — молитвенников, служебников и религиозных наставлений — по всей стране. В дом Тейлора неоднократно приходили с обысками, однако либо он очень хорошо прятал священников и контрабандные товары, либо — более вероятно — имел влиятельных покровителей и мог дать взятку: несмотря на десятилетия незаконной деятельности, он ни разу не был осужден.

Жил Тейлор в самом сердце католического Лондона — на Флит-стрит. Католики столицы обычно селились в приходах, не подпадавших под юрисдикцию лондонского Сити: отцы города зачастую оказывались пуританами или близкими к ним людьми и относились к католикам враждебно. Поэтому католики предпочитали западные пригороды — Холборн, Флит-стрит и Чансери-лейн, а также приход Св. Мартина-в-полях и Саутуорк на южном берегу Темзы. Все эти местности лежали вне городских стен и не подчинялись ни властям города, ни соседним графствам. Приход Св. Мартина находился в ведении Вестминстерского аббатства, а не лондонской епархии и обладал судебными привилегиями. Саутуорк относился к юрисдикции епископа Винче-

стерского; кроме того, там находился лондонский дом известного католика, виконта Монтегю. Он располагался близ церкви Спасителя, а здания вокруг также принадлежали виконту и сдавались внаем его единоверцам.

Холборн и Флит-стрит находились близ судебных Иннов — корпораций английских юристов и одновременно — юридической школы, «третьего университета» Англии. Инны привлекали католиков своим многолюдьем: к адвокатам приходили клиенты, там жили студенты со своими слугами, в том числе и сыновья влиятельных джентльменов-католиков. Но самым важным было стремление юридических корпораций сохранить нетронутыми свои привилегии: Инны были неподсудны городу и графствам, а их капеллы не подчинялись лондонской епархии. Юристы не позволяли никому совать нос в их дела; результатом стал фактический режим веротерпимости на территории Иннов: многие студенты и даже адвокаты (например, знаменитый елизаветинский правовед Эдвард Плауден) оставались католиками, и собратья не позволяли никому их преследовать, хотя католики совершали богослужения в стенах судебных корпораций.

Так, священник Джон Хембли в середине 1580-х гг. регулярно служил мессу в Грейс Инне (Gray's Inn). Вся литургическая утварь, облачения и богослужебные книги там уже были: они принадлежали обучавшимся в Инне молодым джентльменам и, вероятнее всего, попали к ним из какой-нибудь приходской церкви или закрывшегося монастыря. Хамбли и его паства посмели даже устроить «крестный ход» на Пасху. Правда, выглядел он совсем иначе, нежели в начале столетия: Хамбли и 9–10 его спутников, облаченные в мантии членов корпорации Грейс Инн, прошли по Холборну, произнося про себя слова молитвы. Здесь

не было, конечно, запрещенных хоругвей и крестов; верующих объединяло лишь общее действие и молитва. Вернувшись в Грейс Инн, участники процессии отправились на праздничную мессу и причастились.

Другими важными центрами католической жизни в Лондоне были посольства католических стран — прежде всего, Испании и Франции. Для постоянных посольств приспособили бывшие епископские резиденции. Испанское посольство сначала находилось в Дарэм-хаусе на Стренде, между Лондоном и Вестминстером, а после 1565 г. переехало в Или-хаус, располагавшийся в Холборне. Резиденция французского посла была неподалеку, в Солсбери-корте, между Флит-стрит и Темзой.

Капеллы при посольствах были единственными местами в столице, где разрешалось проводить католические богослужения (будучи территорией посольства, капеллы не подчинялись английским законам). Англичанам запрещалось посещать эти богослужения, а английским священникам — служить мессу в капеллах. На практике же англичане стали приходить в посольства по праздникам уже в начале 1560-х гг. и делали так все последующие годы, несмотря на гонения и угрозу ареста по выходе из посольства. Впрочем, блюстители порядка не слишком усердствовали, не желая спровоцировать международный конфликт.

Посольства католических стран были также активными участниками и организаторами католической контрабанды. Дипломатическая почта пользовалась правом неприкосновенности и свободы от досмотра; так в Лондон ввозили запрещенные в Англии католические книги, иконы, четки и т. д. В составе посольской свиты в страну часто въезжали католические священники и точно так же выезжали из нее в случае прямой угрозы для жизни. Статус

посольского слуги мог спасти от преследования и помогал джентльменам-католикам при необходимости уехать из страны. Посольства также финансировали деятельность католических священников в Англии, но главным образом тех, кто оказывался под арестом. Кроме того, отъезжающий из страны посол Испании мог с разрешения правительства увезти с собой католических священников, находившихся под арестом в лондонских тюрьмах. Впервые так поступил граф Ферия, покинувший Лондон в 1559 г. Вместе с ним уехали монахи и монахини воссозданных при Марии I и расформированных в 1559 г. монастырей и ряд священников. К этой практике вернулись в начале XVII в., и она стала регулярной.

В первое десятилетие правления Елизаветы католики оказывали лишь пассивное сопротивление новшествам. Елизавета, в свою очередь, надеялась, что католицизм постепенно «отомрет» вместе со старшим поколением консервативно настроенных мирян и священников. Но этот расчет не оправдался.

Все изменилось в конце 1560-х гг.: отношение к католикам стало гораздо более суровым, да и сами они активизировались. Причин тому немало, но самой важной стало появление в Англии центра притяжения для католической оппозиции: потенциальной католической наследницы Марии Стюарт. Королева Шотландии была в 1566 г. свергнута с престола, но в 1567 г. бежала из заключения и после неудачной попытки вернуть власть пересекла границу Англии, попросив убежища у Елизаветы.

Для английского правительства присутствие католички Марии, обладавшей правами на престол, означало большую опасность. Именно этим было продиктовано решение оставить Марию в Англии под домашним арестом. Отправившись к родственникам во Францию, она могла стать знаменем вторжения

в Англию. Но и оставаясь в стране, она немедленно стала символом оппозиции.

Об этом свидетельствовало Северное восстание 1569 г. Причины массового восстания в северных графствах страны, поставившего под угрозу власть тюдоровской монархии, как это было и в 1536 г. с «Благодатным Паломничеством», не сводятся только к религиозным; в них переплелись такие мотивы, как ущемление политических прав северных графов и их финансовые затруднения, равно как и экономические проблемы региона в целом. Однако выступили восставшие под лозунгами возвращения к старой вере. В Дарэме и Йорке опять начали служить мессу.

Опасность восстания заключалась и в том, что его поддерживали многие дворяне юга Англии, недовольные засильем при дворе «новых людей», выдвиженцев Елизаветы — прежде всего, клана Сесила. Правительство все же сумело подавить восстание, и это повлекло за собой тяжелые последствия для английских католиков. У правительства появились весомые причины сомневаться в их лояльности; заговорщики из числа близких ко двору аристократов в лучшем случае впали в немилость или эмигрировали, а в худшем — были казнены. Участники восстания были сурово наказаны: более 800 человек были казнены. Большая часть казней пришлось на северные графства — особенно Йорк и Дарэм. Однако небольшую группу приговоренных к смерти дворян (например, Томаса Нортон и его племянника Кристофера) отправили в Лондон и казнили в Тайберне 27 мая 1570 г. во устрашение столичной толпы.

Еще более важные и долговременные последствия имело провозглашенное 27 апреля 1570 г. отлучение Елизаветы I от церкви и освобождение ее подданных от долга верности королеве. Булла *Regnans in Excelsis* явилась результатом обращения восставших

за помощью к герцогу Альбе и Пию V. Папа рассчитывал, что после получения буллы в Англии жители страны поддержат восстание северных графов. Однако булла увидела свет уже после разгрома восстания, так как известия о нем достигли Рима с большим опозданием.

Распространение буллы было запрещено английскими властями. Однако жители столицы быстро ознакомились с ее текстом. В мае 1570 г. католик Джон Фелтон привез несколько экземпляров буллы из Кале в Лондон; часть он раздал друзьям, а один в ночь на 25 мая прибил к дверям резиденции епископа Лондонского близ собора Св. Павла. В ответ на эту вопиющую дерзость власти провели обыски в домах известных столичных католиков, арестовав тех, у кого нашли копии буллы. Один из арестованных вскоре выдал Фелтона. Тот был быстро арестован и немедленно признался в содеянном. Он был казнен возле места своего преступления 8 августа 1570 г., объявив, что умирает из-за отказа признать власть королевы над английской церковью.

Издание буллы существенно ухудшило положение английских католиков. Парламент, собравшийся в 1571 г., постановил, что одно только сомнение в законности права Елизаветы на престол является государственной изменой, караемой смертной казнью и конфискацией имущества. Другой статут, принятый тем же парламентом, приравнивал к государственной измене получение булл и посланий от римского престола, а также недонесение о подобном преступлении. Тюремным заключением теперь карались доставка в Англию и приобретение католической утвари, служебников, распятий, икон, крестов и т. п.

Вскоре после этого власти «обновили» новую виселицу в Тайберне, позволявшую вешать несколько осужденных одновременно. Первым католиком,

казненным на Тайбернском древе, стал Джон Стори — влиятельный католик времен королевы Марии I. В царствование ее сестры он эмигрировал в Нидерланды. В 1571 г. известного в эмигрантских кругах доктора Стори заманили на английский корабль в Антверпене и доставили в Лондон, где признали виновным в измене и казнили.

На следующий год (1572) правительство объявило о раскрытии так называемого заговора Ридольфи (по имени итальянского банкира заговорщиков), ставившего своей целью убийство Елизаветы и возведение на престол Марии Стюарт и герцога Норфолка силами повстанцев и испанской армии, направленной из Нидерландов. До сих пор не вполне ясно, был ли заговор реальным или же это была провокация, нацеленная против Марии Стюарт и герцога Норфолка (потенциального лидера дворянской оппозиции режиму). Парламентарии из числа радикальных протестантов в 1572 г. требовали казни шотландской королевы, и, хотя ей удалось уцелеть, герцог Норфолк взошел на плаху. Правительство арестовало ряд известных католиков и держало их в тюрьмах.

Причины гонений объясняются не только заговорами и восстаниями. На 1570-е гг. приходится начало деятельности католической миссии в Англии. Одним из ее основателей был Уильям Аллен, профессор оксфордского университета, эмигрировавший в Нидерланды. Осенью 1568 г. Аллен при содействии университета Дуэ открыл в этом городе первую Английскую коллегию. Коллегия изначально задумывалась как некий центр католической учености для эмигрантов из числа университетской элиты Англии, а также должна была предоставить молодым англичанам возможность получить католическое образование. В 1578 г. Аллен и иезуит Роберт Парсонс основали вторую Английскую коллегию в Риме, а в 1590-х гг.

появились еще две — в Вальядолиде и Севилье. Все эти учебные заведения готовили пастырей для английских католиков.

Первые выпускники коллегии прибыли в Англию из Дуэ в 1574 г. Их появление укрепило дух английских католиков; сыграли свою роль и переговоры о браке между Елизаветой I и Франсуа Анжуйским, породившие надежды на изменение положения католиков в стране. Однако прибытие священников-миссионеров вызвало в Англии очередной виток гонений: в 1577 г. прокатилась новая волна арестов среди дворян-католиков, а священник Катберт Мэйн был казнен в Корнуолле, положив начало серии казней католических клириков. Миссионеров, впрочем, не остановила угроза казни. Вскоре к выпускникам семинарий присоединились иезуиты.

Начало работы иезуитской миссии выпало на июль 1580 г., когда иезуиты Роберт Парсонс и Эдмунд Кэмпбелл высадились в Дувре. Из соображений безопасности направлявшиеся в столицу иезуиты путешествовали поодиночке, не имея при этом никаких полезных контактов в столице. Однако преследования католиков породили новые центры притяжения их единомышленников, места, где всегда можно было найти надежных людей.

Таковыми местами стали лондонские тюрьмы, в которых содержались католики. Всего их было 13, но чаще всего заключенные-католики оказывались в тюрьмах Ньюгейт, Маршалси и Клинк (в Саутуорке), а самые важные из них — в Тауэре. Условия содержания в них заключенных варьировались в зависимости от указаний приказа об аресте, а также социального статуса и богатства самого арестанта и его родственников. Тюремные XVI в. представляли собой, по сути, феодальные держания: тюремщик обязывался предъявить доставленных ему заключенных по

первому требованию королевских властей. За стол и еду ему платили сами заключенные, так что люди состоятельные могли устроиться там с комфортом. Им разрешалось иметь слуг и принимать посетителей (если, конечно, в приказе об их содержании не было оговорено обратное). Тюремщики могли даже выпустить арестованных на время под честное слово. Так, находившийся под арестом в замке Фрамлингэм (Кембриджшир) священник Томас Блюет был в 1602 г. отпущен на 10 дней и успел за это время съездить в Лондон, навестить своих друзей, арестантов в Маршалси, и вернуться.

Арестованные и порой пребывавшие в заключении месяцы, если не годы, священники с попустительства, а зачастую и при прямой материальной заинтересованности тюремщиков, служили в тюрьмах мессу; на такие богослужения допускались посетители из числа лондонских католиков. Многим небогатым горожанам именно тюрьмы предоставляли доступ к католическим таинствам, ведь они не могли содержать в своих домах капелланов. Тюрьмы служили также и центрами подпольной сети распространителей книг, и местами, где устанавливались контакты с единоверцами.

Именно их и искали прибывшие в Лондон отцы-иезуиты. Роберт Парсонс первым делом отправился в тюрьму Маршалси, нашел содержащихся там священников и познакомился с одним из арестантов — богатым джентльменом-католиком по имени Томас Паунд. Именно он помог иезуитам найти безопасное укрытие и свел их с нужными людьми, прежде всего, собственными родственниками из семьи графа Саутхэмптона и виконта Монтегю. Благодаря его посредничеству вскоре в Саутуорке (в доме сэра Фрэнсиса Брауна, брата виконта Монтегю) состоялся тайный католический синод, куда были приглашены

священники из близлежащих графств и представители католических дворянских семейств.

После завершения синода Парсонс и Кэмпбелл отправились в поездку по стране. Во время своего путешествия иезуиты останавливались в домах дворян-католиков, встречались со священниками, работавшими в этих графствах, закладывая основу сети убежищ и «баз» для новых миссионеров. В октябре 1581 г. они вернулись в Лондон, и здесь, в одном из пригородов, Парсонс устроил подпольную типографию, ставшую прообразом последующих нелегальных католических издательств на территории Англии.

Активность иезуитов в стране встревожила правительство и вызвала резкий ответ. В январе 1581 г. сессия парламента приняла статут, объявлявший государственной изменой обращение в католичество. Был введен штраф за присутствие на мессе (100 марок); уплатившему грозило также и тюремное заключение сроком в год. Штраф же за непосещение приходской церкви был увеличен до 20 фунтов стерлингов.

Иезуиты ответили на это публикацией в марте 1581 г. трактата Кэмпбелла «Decem rationes», оспаривавшего основные догматы Англиканской церкви. Епископу Лондонскому было предписано вступить в полемику, а за иезуитами началась настоящая охота. Кэмпбелл и несколько его спутников были арестованы, обвинены в заговоре с целью смещения и убийства Елизаветы и казнены в декабре 1581 г. Парсонс же еще осенью того года сумел выехать в Нидерланды (в свите испанского посла).

В начале 1580-х гг. эмигранты-католики пришли к выводу о возможности обращения Англии в католичество только после смены режима и склонялись к тому, что добиться этого можно только

насильственным путем: через восстание католиков внутри страны, поддержанное извне, силами французских родственников Марии Стюарт — Гизов — и Испании. Неоднократно строились и менялись планы, в том числе и потому, что испанский король отказался рисковать деньгами и солдатами, поддерживая профранцузскую кандидатуру. В 1584 г. участник заговора с английской стороны, дворянин-католик Фрэнсис Трокмортон, был арестован и под пыткой выдал планы заговорщиков освободить из заключения Марию Стюарт и возвести ее на английский престол силой армии герцога Гиза. Трокмортон был казнен в Тайберне (июль 1584 г.), но другим участникам заговора удалось бежать. Однако в правительственной пропаганде образ католика теперь связывался с понятием измены.

Обстановка тем временем накалялась: в 1584 г. был убит Вильгельм Оранский; с его смертью лидером европейских протестантов оставалась Елизавета. Филипп II увеличил численность войск в составших против его власти Нидерландах, и к августу 1585 г. его генерал Александр Фарнезе сумел отвоевать южную часть страны. Охваченная гражданской войной Франция к этому моменту была выведена из игры. Поражение голландских протестантов без помощи извне казалось неотвратимым, и английское правительство сочло необходимым открыто вмешаться в конфликт. Осенью 1585 г. английский экспедиционный корпус под командованием графа Лестера высадился в Нидерландах; началась затяжная война с Испанией (1585–1604).

С началом войны английские католики очутились меж двух огней: большинство из них было вполне лояльным по отношению к Елизавете, но именно Испания оказывала им поддержку и покровительство, испанский двор выплачивал пенсии эмигрантам

и частично финансировал семинарии для английского клира. С началом войны это дало правительству возможность рассматривать их как потенциальных изменников, своего рода «пятую колонну». После убийства Вильгельма Оранского в Англии была создана Ассоциация для защиты королевы, а парламент 1585 г. постановил, что «все подданные Ее Величества могут законно, в силу данного акта и по приказу королевы, всеми возможными средствами предать смерти тех, с чьего согласия и ведома и при чьей помощи может произойти вторжение или восстание или будет замышлено какое-либо деяние против личности Ее Величества». Тем самым он фактически разрешил самосуд, от которого пострадали многие католики, особенно священники.

Другой статут 1585 г. предписал всем католическим священникам покинуть Англию в течение 40 дней по окончании парламентской сессии. Оставшимся грозило обвинение в государственной измене. Статут запрещал оказывать материальную и иную помощь семинариям, а также посылать детей учиться за границу без специальной лицензии и устанавливал наказания за укрывательство священников и недонесение об этом.

Следующий год принес с собой раскрытие заговора Энтони Бабингтона, ставившего своей целью освободить из-под стражи Марию Стюарт и возвести ее на английский престол, предварительно убив королеву Елизавету. Заговор, по всей видимости, был инспирирован государственным секретарем Фрэнсисом Уолсингэмом (во всяком случае, доказательства согласия Марии на убийство английской королевы были откровенно подделаны). Ни Бабингтону и его собратьям, ни самой Марии это, впрочем, не помогло: заговорщики были казнены в 1586 г. как изменники. Елизавета не оказала милость своим

предполагаемым убийцам, приказав провести казнь в соответствии с буквой закона, т. е. вынуть приговоренных из петли живыми и выпотрошить заживо. Состоявшаяся 20 сентября 1586 г. в Тайберне казнь Энтони Бабингтона и еще 7 заговорщиков оказалась такой чудовищно жестокой и произвела такое тягостное впечатление на толпу зрителей, что остальных приговоренных, казненных на следующий день, было приказано сначала повесить «до смерти». Марию Стюарт предали суду пэров Англии, признавшему ее виновной и в соответствии со статутом 1584 г. приговорили к смертной казни, состоявшейся 8 февраля 1587 г. в замке Фрамлингэм, вдали от Лондона.

В годы войны с Испанией на плаху всходили не только претенденты на престол и заговорщики, но и многие рядовые католики. В 1577–1585 гг. было казнено 35 католиков (27 священников и 8 мирян), в 1586–1592 гг. — 97 (69 священников и 27 мирян). Позже число казней уменьшилось (33 священника в 1593–1603 гг.), однако десятки заключенных умерли в тюрьмах. В целом, за годы царствования Елизаветы было казнено около 300 католиков, причем более трети казней пришлось именно на Лондон. Лишь к концу столетия преследования стали менее интенсивными, хотя и не прекратились полностью (последняя казнь состоялась менее чем за месяц до смерти Елизаветы, в феврале 1603 г.). Подавляющее большинство приговоренных были мужчинами. В правление королевы было казнено всего 3 женщины, из них две — Маргарет Уорд и Энн Лайн — в Лондоне. Обе они были приговорены к смерти за пособничество в побеге священников из тюрьмы.

Большая часть казненных в столице католиков встретила свою смерть в Тайберне. Там приводили в исполнение приговоры осужденных по делам о государственной измене, а именно под эту категорию

подпадали католики — либо священники, либо укрывавшие их миряне. Эта практика изменилась только в самый напряженный момент: 1588–1591 гг. Именно в это время в Лондоне казнили больше всего католиков, а география казней значительно расширилась. Так, лишь за один день — 28 августа 1588 г. — в Лондоне казнили 8 католиков, и эти ужасающие зрелища были распределены по столичным пригородам, где жили бедные католики — Хаунслоу, Майл Энду, Клеркенуэллу и Шордичу. Еще пятерых казнили в Тайберне через два дня. В 1591 г. приговоренных католиков казнили прямо на тех улицах, где жили католики: Флит-стрит и Грейс Инн лейн, добиваясь максимального эффекта устрашения.

Но даже если казни проводили в обычном месте (в Тайберне), католики были об этом хорошо осведомлены, ведь приговоренных доставляли к месту казни на специальных волокушах из тюрьмы Ньюгейт по Холборну, т. е. прямо через самый католический квартал столицы. Католики, как правило, составляли значительную часть толпы, приходя, чтобы поддержать единоверцев своими молитвами и словами поддержки. Так, 12 февраля 1584 г. приговоренный священник Джордж Хейдок закончил свою последнюю речь просьбой молиться вместе с ним. Из толпы кто-то крикнул: «Тут католиков нет!», на что немедленно получил возражение: «Мы все здесь — католики!»

Единоверцы почитали казненных мучениками за веру и стремились при малейшей возможности получить частицы их тел, капли крови, одежды и т. п. в качестве мощей. Порой они отрывали куски одежды от облачений священников, пока тех везли к Тайберну, или же подкупали палачей, чтобы получить возможность обмакнуть платки в крови казненных или даже забрать части расчлененных тел мучеников.

Конечно, приговоренные католики сталкивались и с враждебностью собравшейся толпы, оскорблявшей «нечестивых папистов». Ведь далеко не все присутствовавшие там были католиками. Но, как и раньше, лондонцы уважали мужество перед лицом ужасной смерти. Проявлявших храбрость приговоренных встречало почтительное молчание. Не любили столичные жители и излишней жестокости. Потрошение заживо вызывало сочувствие у зрителей, католиками не являвшихся. Так, во время казни Роберта Саутуэлла (21 февраля 1595 г.) присутствовавшие были настолько впечатлены мужеством иезуита, призвавшего толпу молиться за королеву и пытавшегося перекрестить зрителей даже из петли, что находившийся там лорд Маунтджой и его приятели, повиснув на ногах приговоренного, не позволили палачу вынуть его из петли живым, предоставив ему увечить уже мертвое тело.

С середины 1590-х гг. число казней постепенно пошло на спад. Это объясняется как снижением накала военных действий против Испании, так и приходом к власти в окружении королевы младшего поколения придворных, пытавшихся достичь компромисса с католическим дворянством в ожидании близившейся смерти Елизаветы и восхождения на престол новой династии.

Конец «золотого века» Смена династии

Последние полтора десятилетия царствования Елизаветы — примерно с конца 1580-х гг. — для ее подданных и, прежде всего, для жителей столицы стали временем испытаний, глухого ропота и надежд, перемешивавшихся с опасениями и даже с ощущением неизбежно надвигавшегося кризиса. Королева Елизавета старела; никто уже не ожидал, что она выйдет замуж и произведет на свет наследника. Теперь ее подданные — кто с ужасом, а кто с нетерпением — ждали ее смерти, хотя, высказанная вслух, эта мысль могла привести на плаху.

Начавшаяся в 1585 г. война растянулась почти на 20 лет. Этот военный конфликт не был особенно популярен в столице: лондонцы в течение столетий зарабатывали на торговле с Нидерландами, прекратившейся из-за военных действий. Кроме того, большую часть расходов на оборону страны, а также на содержание английских отрядов в Нидерландах и северной Франции возлагали на столицу и южные графства. Местная беднота поставляла и основную часть солдат, отправлявшихся воевать и умирать за море. И если элита лондонского Сити — богатые торговцы — наживались на захватах испанских грузов в Атлантике, на долю основной массы лондонцев не выпадало ничего, кроме растущего бремени налогов.

Даже триумф 1588 г., вызванный разгромом испанской Армады и отражением попытки вторжения в Англию, принес лишь недолгое облегчение. Лондонцы имели все основания опасаться за свою судьбу, ведь столица была очевидной целью вторжения, а попытки защитить ее — довольно неумелыми. Планы генерала Фарнезе, армию которого должны были доставить из Фландрии корабли Армады, предполагали высадку в Маргейте и наступление на английскую столицу с юго-востока, через территорию графства Кент. Английские же войска — ополчение, предназначенное для обороны Лондона, — собирались в Тилбери, к северу от устья Темзы, так как английское правительство ошибочно предполагало, что испанцы отправят свои корабли прямо вверх по реке. Таким образом, если бы испанцам все же удалось реализовать свои планы, на пути лучшей европейской пехоты к английской столице просто не оказалось бы значительных войск, способных оказать им сопротивление.

К счастью, судьбу столицы и страны решили не ополченцы, располагавшиеся не на том берегу реки, а моряки. Именно английский флот, разгромивший испанский в проливе Ла-Манш и Северном море, сделал высадку армии невозможной. Его победа была отпразднована торжественной процессией в Лондоне 30 августа 1588 г., когда королева, облаченная в золотую парчу, в сопровождении всего двора отправилась в собор Св. Павла на благодарственный молебен. Вместе со столицей праздновала вся страна, была отчеканена памятная монета по случаю разгрома Армады. Однако победители — английские моряки — находились в это время в портовых городах юга, тщетно ожидая выплаты им жалованья. Раненым и увечным не оказывалась помощь, а среди матросов, живших в скученности, начались эпидемии.

Лорды — капитаны кораблей — порой платили жалованье своим людям из собственного кармана, но этих денег не хватало. Казна же раскошелилась лишь в 1593 г.; к тому моменту многие моряки просто умерли от ран и болезней. В итоге, потери английского флота оказались сравнимыми с потерями разгромленной Армады, хотя понес их он уже в мирное время, от неблагодарности спасенного им правительства. Хотя английский флот располагался в портах южного побережья, часть его кораблей строилась на дептфордских верфях под Лондоном; кроме того, столица всегда притягивала нищих — и многие обездоленные калеки, бывшие матросы, потянулись туда, добавляя причин недовольству горожан.

Война усилила ксенофобские настроения лондонцев, и в лучшие времена не отличавшихся большой терпимостью. Объектами нападения лондонских подмастерьев становились отнюдь не только испанцы — они-то как раз покинули столицу после начала войны — но практически все не-англичане, вне зависимости от страны происхождения и вероисповедания.

Напряженности столице прибавляли также и так называемые монополии — исключительные права на производство того или иного товара и торговлю им. Такие «монополии» даровались приближенным королевы и служили средством их обогащения: все производители и торговцы должны были приобретать у монополиста лицензии на свою деятельность, и стоимость этих лицензий могла произвольно увеличиваться. Монополии обогащали знать и позволяли аристократам на свои средства собирать отряды для войны с Испанией, тем самым давая королеве возможность меньше зависеть от парламентских субсидий (в 1580-х гг. Елизавета собирала парламент 4 раза, а за следующие 13 лет — всего трижды).

Однако достигалась такая экономия средств за счет роста недовольства подданных. Особенно возмущались столичные жители: именно они — ремесленники и торговцы — больше всего страдали от монополий и вызванного их введением роста цен. Во всех парламентах конца царствования звучали требования либо вовсе отменить монополии, либо начать борьбу с произвольным завышением цен на лицензии. Кульминацией стала петиция 1601 г. Но монополии оказались слишком выгодными двору; практика их пожалований продолжалась и при Елизавете, и при ее преемнике Якове I.

Напряженности столичной жизни способствовала и политическая нестабильность при дворе. В конце 1580-х–1590-х гг. один за другим ушли из жизни представители старой елизаветинской «гвардии», ее ближайший круг — граф Лестер (1588), сэр Фрэнсис Уолсингэм и граф Уорик (1590), сэр Кристофер Хаттон (1591), лорд Берли (1598). На смену им пришло молодое поколение политиков, соперничество которых разделило окружение королевы на фракции и часто выплескивалось за пределы собственно придворного мира. Молодые придворные — сын лорда Берли, сэр Роберт Сесил, и пасынок графа Лестера — Роберт Деверо, граф Эссекс — предполагали пережить королеву и строили планы, ориентируясь на будущее, в котором они сами будут у власти рядом с новым правителем. А его еще предстояло определить.

Наученная собственным горьким опытом, Елизавета не желала назвать имя наследника, справедливо считая, что он станет ее главным соперником. Однако в 1593 г. королеве исполнилось уже 60 лет — преклонный возраст по меркам XVI в. — и подданные начали потихоньку готовиться к смене власти. Ситуацию усугубляло отсутствие возможности четко

определить, кто именно должен наследовать английский престол. Все дети Генриха VIII оказались бездетными, следовательно, права на престол должны были перейти потомкам его сестер. Старшая из них, Маргарет, вышла замуж сначала за короля Шотландии, а затем — за одного из его лордов. Таким образом, ее наследниками были король Яков VI Шотландский и леди Арабелла Стюарт (правнучка Маргарет Тюдор от ее второго брака, родившаяся в Англии и считавшаяся английской подданной). Казалось бы, все очевидно. Однако король Генрих VIII высказывался против шотландской линии; парламент в 1536 г. законодательно определил право короля указывать линию наследования в завещании. Завещание Генриха VIII категорически исключало шотландских родственников и определяло в качестве наследников потомков младшей сестры короля Марии. В конце XVI в. ими были графы Хартфорд и Дерби.

Произошедшая в Англии начала XVII в. смена династии прошла настолько легко, что у потомков возникла иллюзия очевидности и предопределенности выбора Якова VI. Его современники не были уверены в его правах на престол — ведь он был иностранцем, а английское право ограничивало права наследования земли, если наследник был рожден вне Англии. Правда, никто точно не знал, распространяется ли это правило на наследование короны. Кроме того, Яков VI был шотландцем, а англичане еще помнили войны против своего «старого врага». Неясно было, как поведут себя соседи Англии, окажут ли они поддержку правам шотландского короля, если дело дойдет до прямого конфликта. Традиционный союзник Шотландии Франция находилась в состоянии гражданской войны, и по той же причине — из-за престолонаследия. Испания могла и воспрепятствовать Якову силой оружия из-за его протестантских взглядов.

Арабелла Стюарт — формально принадлежавшая к церкви Англии, но воспитанная в окружении католиков — могла оказаться хорошей компромиссной кандидатурой в условиях затянувшейся войны с Испанией. Ее руку можно было обещать католическому принцу в ходе мирных переговоров. Но Англия устала от трех королев подряд; Яков же был мужчиной, причем мужчиной женатым и отцом троих детей — потенциальных наследников.

Потомки младшей линии Тюдоров были англичанами, однако не могли рассчитывать на большую поддержку в стране. А поддержка эта казалась тем более необходимой, что распри придворных намекали на вполне реальную перспективу войны за наследование престола, по примеру Франции.

Вражда между придворными группировками Сесила и Эссекса достигла апогея в конце XVI в. Оба лидера стремились доминировать в окружении королевы Елизаветы, одновременно строя планы относительно будущего. Эссекс выступал за продолжение войны с Испанией и хотел видеть Англию в качестве лидера протестантов в Европе. Парадоксальным образом, он сочетал агрессивную внешнюю политику с обещанием терпимости по отношению к лояльным католикам. Среди его друзей было немало аристократов-католиков, которых привлекало обещание разрешить католикам проводить богослужения в частных домах в обмен на верное служение монарху. Своим будущим государем Эссекс видел короля-протестанта Якова VI и вступил с ним в тайную переписку, обещая свою поддержку.

Сесил уже в 1590-х гг. выступал за заключение мира с Испанией, но при этом был гораздо жестче по отношению к католикам и уж точно не предполагал даровать им никаких прав. В отношении престолонаследия, однако, его позиция оказалась сложной:

соперник уже установил контакты с шотландским двором. Кроме того, при жизни его отца, лорда Берли — одного из главных организаторов казни Марии Старт — Сесилу вряд ли можно было рассчитывать на благосклонность шотландского короля. Лишь после смерти Берли в 1598 г. ситуация начала меняться.

Лондонцы, конечно, не были в курсе всех интриг вокруг наследования престола. Однако именно до столицы первыми доходили слухи, просачивавшиеся из-за стен королевских дворцов. Кроме того, именно здесь в 1593 г. парламентарии все же задали вопрос о наследнике — и заплатились за это тюремным заключением. Именно в Лондоне можно было купить тайно изданные в Эдинбурге или Антверпене трактаты и памфлеты о наследовании престола. Именно на столичных улицах разыгралось самое драматичное событие, завершившее противостояние придворных группировок — восстание Эссекса (1601).

Фаворит королевы, граф Эссекс³, назначенный в 1599 г. лордом-лейтенантом Ирландии и поставленный во главе армии, которая должна была подавить там восстание, быстро пришел к выводу, что отсутствие при дворе подрывает его позиции. Нехватка средств и подкреплений подрывала успехи его кампании. В 1600 г. граф заключил перемирие с лидером восставших ирландцев графом Тироном и без разрешения королевы вернулся в Англию, где немедленно попал под домашний арест. И хотя Елизавета вскоре смягчилась, позволив графу свободно передвигаться по городу, при дворе ему было запрещено появляться, что подрывало его политическое влияние. Последней

---

³ Он был также и ближайшим родственником Елизаветы — ее внучатым племянником, т. е. внуком Кэтрин Кэри, приходившейся королеве двоюродной сестрой по матери (и сводной сестрой по отцу).

каплей стал отказ королевы продлить пожалованную графу ранее монополию на торговлю сладкими винами; без этих средств Эссексу грозило банкротство.

Сторонники Эссекса начали планировать захват власти. Они хотели подчинить себе двор королевы Елизаветы и очистить его от сторонников Сесила. Хотя о смещении самой королевы речи не шло, фактически предполагалось, что граф станет ее главным советником и будет править от ее имени. Заговорщики собирались в доме графа на Стренде и в доме его ближайшего соратника графа Саутхэмптона на месте нынешней Друри-лейн. Там в начале февраля 1601 г. они планировали захват королевского двора, Тауэра и города Лондона. Планы графа стали известны королеве, и уже 7 февраля ему было приказано предстать перед Тайным советом. План захватить Елизавету врасплох провалился. В ответ Эссекс решил привлечь на свою сторону лондонцев, распространив слухи о том, что сторонники Сесила готовятся убить его и продать страну Испании.

Основные события развернулись утром 8 февраля. В это время лорд-хранитель малой печати Томас Эджертон явился в дом Эссекса и был взят в заложники. Сам граф и около 200 его сторонников отправились в город; их появление должно было совпасть с окончанием проповеди у Креста Св. Павла, куда обычно приходило множество горожан и руководители городского совета вместе с лорд-мэром. Именно их Эссекс и планировал привлечь на свою сторону. Однако Роберт Сесил уже успел отправить мэру города предупреждение, в котором объявил графа и его сторонников изменниками. Лондонцы очень хорошо знали, что случается с изменниками; знали об этом и сторонники Эссекса, ряды которых вскоре изрядно поредели. Горожане отказались присоединиться к ним. Эссекс вернулся в свой дом и, обнаружив, что

взятых утром заложников освободили, сдался осадившим его дом отрядам графа Ноттингэма.

Спустя две недели состоялся суд; Эссекса и Саутхэмптона, а также нескольких сторонников (осужденных 5 марта) приговорили к смертной казни. Казней, впрочем, последовало немного: сам Эссекс был обезглавлен в Тауэре 25 февраля 1601 г., а затем, в марте, — еще четверо его людей. Саутхэмптон и Генри Невилл попали в тюрьму и вышли на свободу при новом короле. Остальные отделались крупными штрафами. Елизавета, вероятно, чувствовала себя отчасти ответственной за судьбу Эссекса: более осторожное балансирование между придворными фракциями могло бы помочь избежать насилия. В 1602 г. придворные сплетничали, что порой «королева сидит в темноте и проливает слезы над Эссексом».

После того как Эссекс сошел со сцены, Роберт Сесил получил возможность установить свои собственные контакты с шотландским королем, обеспечив мирный переход власти в стране и свои доминирующие позиции при дворе нового правителя. Планам Якова VI и Сесила способствовало желание нового короля Испании Филиппа III заключить мир с Англией, а также поддержка Франции. Шотландский король мог рассчитывать, что никто из могущественных соседей не станет оспаривать его прав на английский престол.

Елизавета все больше оказывалась фигурой из прошлого, даже для своих придворных. Тем не менее, она пребывала в хорошей форме и почти до самого конца не выказывала признаков упадка сил или умственных способностей. Однако осенью 1602 г. скончались многие ее друзья из числа придворных, в том числе ближайшие дамы из ее окружения, моложе ее по возрасту, те, кто рос при ее дворе и фактически составлял ее семью. После этого Елизавета

словно лишилась воли жить дальше; она впала в глубочайшую меланхолию, практически перестала спать и есть. Скончалась она в ночь на 24 марта 1603 г. в своем дворце в Ричмонде близ Лондона.

По приказу Роберта Сесила и лордов Тайного Совета смерть королевы скрыли от подданных, а все выходы дворца оцепили, чтобы новость не просочилась, пока Совет решал, как лучше обеспечить передачу власти новому монарху. Позже в тот же день на улицах столицы зачитали указ Совета, провозгласивший Якова VI королем Англии.

К тому моменту вестники уже мчались по дорогам страны на север, чтобы оповестить о случившемся шотландского короля. Первым из них стал Томас Сомерсет, сын графа Вустера, лорда-камергера покойной королевы: когда Елизавета скончалась, из окна дворца придворная дама (вероятно, сестра Сомерсета) бросила ему кольцо с сапфиром — условный знак. Это кольцо Сомерсет вечером того же дня, загнав не одну лошадь, вручил Якову I — новому правителю Англии. Так началась гонка, призом в которой была благосклонность нового короля.

Гроб с телом покойной королевы ночью доставили по реке в Уайтхолл на барже при свете факелов. 28 апреля 1603 г. Елизавету похоронили в Вестминстерском аббатстве. И хотя похоронная процессия собрала немало зрителей, оплакивавших свою прежнюю правительницу, некоторые наблюдатели жаловались на скромность действия⁴. И Тайный Совет,

---

⁴ Яков I не просто пожалел денег на похороны своей предшественницы. Вскоре он лишил ее даже собственной могилы: в 1612 г. в Вестминстерское аббатство перенесли гроб с телом его матери, Марии Стюарт. Чтобы освободить место для ее надгробия, тело Елизаветы переместили в могилу ее сестры Марии. Вряд ли они были бы рады такому близкому соседству при жизни.

и отцы Сити планировали потратить немало средств на торжественную встречу Якова I, прибывшего в свою новую столицу всего через девять дней, 7 мая 1603 г. В течение полутора месяцев король медленно двигался на юг от шотландской границы, принимая поздравления и заверения в верности от новых подданных. Англичане радовались мирному исходу дела; кроме того, у них после 50 лет правления женщин вновь был король, семьянин и отец троих детей (двое из них – сыновья). Собравшиеся приветствовать Якова у северных ворот Бишопсгейт лондонцы вряд ли сожалели об ушедшем золотом веке Тюдоровской Англии, напротив, они ждали перемен к лучшему.

Согласно обычаю, за торжественным въездом монарха в столицу следовала коронация в Вестминстерском аббатстве. Однако летом в столице началась эпидемия чумы. Поэтому празднества, приуроченные к королевской коронации (25 июля), пришлось существенно сократить, а торжественный предкоронационный въезд короля в Тауэр и вовсе отменили. Он состоялся лишь почти через год после коронации, в мае 1604 г. За прошедшее между этими событиями время англичане уже успели несколько попривыкнуть к королю и начали понимать, чего от него можно ожидать.

Большие надежды: восшествие на престол Якова I Стюарта

Задолго до восхождения на английский престол Яков, желая заручиться поддержкой в Англии, с легкостью раздавал обещания тем, кто к нему обращался. Дворянам-католикам он обещал веротерпимость; пуритане ждали от короля-кальвиниста дальнейшего реформирования английской церкви и борьбы с «папистским идолопоклонством», а другие протестанты — сохранения ее в том виде, в каком она существовала при Елизавете. Понятно, что выполнить все свои обещания, порой взаимоисключающие, Яков I просто не мог, да и не стремился к этому. Воспитанный шотландскими реформаторами, король в своих богословских взглядах был кальвинистом, однако, в отличие от многих современников, отличался широтой воззрений и был противником религиозных преследований, но при единственном условии — если все его подданные соблюдали законы страны в отношении религии, т. е. присутствовали на приходских богослужениях и, хотя бы формально, признавали власть короля в делах церковных. В обмен на это Яков готов был закрыть глаза на то, как именно молятся его подданные дома, и предоставить фактическую (но не законодательно признанную) терпимость как католикам, так и пуританам.

И те, и другие ждали от короля большего. Пуритане весной 1603 г., когда Яков находился еще в Лестере, представили ему петицию, подписанную ок. 1000 клириков. В ней они просили об отмене или изменении некоторых обрядов или церемоний, которые считали пережитками католичества, в частности об отказе от крестного знамения при крещении младенца и запрете крещений, совершаемых вне церкви повивальными бабками, обмена кольцами во время венчания, конфирмации (как не имеющей библейского обоснования), ношения пасторами стихарей и поклонов при произнесении имени Иисусова во время богослужения. Пуритане хотели также, чтобы в каждый приход был обязательно назначен проповедник; кроме того, они просили отменить требование к приходскому духовенству письменной присягой признавать Книгу Общих молитв и литургические облачения, а вместо этого обязать их подписывать признание короля главой церкви и «39 статей» как главного вероисповедного документа. Наконец, предполагалось и реформировать церковное устройство: отменить епископат и ввести пресвитерии, как в Шотландии.

Яков I в юности изучал богословие, сам был автором теологических сочинений и любил диспуты. Поэтому он пошел навстречу своим подданным, призвав пуритан и их оппонентов прислать представителей на диспут («конференцию») в королевский дворец Хэмптон-корт близ Лондона. Синод богословов был запланирован на лето 1603 г., однако эпидемия чумы вынудила отложить его до января 1604 г. Король сам выбрал богословов-пуритан (в основном, из числа университетских профессоров), а среди их оппонентов было несколько епископов и настоятелей соборов, в том числе и глава столичной епархии Ричард Банкрофт, которому вскоре предстояло сменить Уитгифта на посту архиепископа Кентерберийского.

Диспут состоялся 14–18 января 1604 г. Король решительно отверг предложение переустроить английскую церковь по пресвитерианскому образцу, в ходе обсуждения произнес свою знаменитую фразу: «Нет епископов — нет короля!» Практически все остальные требования были отвергнуты, хотя король пошел на небольшие уступки пуританам. В частности, из Книги Общих молитв было убрано упоминание о крещении, совершаемом мирянами, конфирмация стала называться «наложением рук» и др. Король также согласился на требование петиции и приказал собрать комиссию переводчиков из числа лучших богословов и лингвистов Англии. В 1604–1611 г. они подготовили новый официальный перевод Библии на английский язык, получивший название «Библия короля Якова». Этим переводом церковь Англии пользовалась в течение трех столетий.

Сделав небольшие уступки пуританам, Яков в дальнейшем повел себя так, как если бы вопрос о реформе церкви был окончательно закрыт. Он настаивал на соблюдении всеми пасторами правил, касавшихся облачений и церемоний. Назначение в 1604 г. на должность архиепископа Кентерберийского известного гонителя пуритан Ричарда Банкрофта подтвердило это впечатление.

Разочарование из-за несостоявшейся реформации сблизило пуритан с группами парламентариев, которые порой протестовали против того, что считали покушением короля на их привилегии. Первый признак такого союза проявился уже на заседаниях парламента 1604 г. Параллельно с парламентом, согласно обычаю, заседали и представители духовенства — конвокация кентерберийской провинции. В 1604 г. они одобрили собрание канонов (постановлений), реформировавших церковное право Англии, которое так и оставалось неизменным, несмотря на

Реформацию и разрыв с Римом. Однако парламентарии возмутились этому факту. Речь шла не о содержании канонов, а о том, что они вводились властью епископов, а не парламента. Пуритане в палате общин поддерживали оппозицию. Это было первое проявление их союза, но отнюдь не последнее, в чем монархам из династии Стюартов предстояло вскоре убедиться.

Превращение пуритан в оппозиционеров происходило постепенно. Сказалось и недоверие короля, приравнивавшего английских пуритан к своим шотландским подданным — пресвитерианам, которые, как он полагал, стремились ограничить его власть. А сами пуритане опасались того, что им представлялось «католической реакцией» в церкви Англии.

Смерть Елизаветы и приход к власти Якова I Стюарта (1603–1625) вызвали всплеск энтузиазма среди английских католиков. Яков I был сыном Марии Стюарт, чье имя связывалось в сознании современников с делом католицизма, и, хотя сам он воспитывался в духе строгого кальвинизма, его жена, королева Анна, была католичкой. Этот факт давал надежду на терпимость по отношению к единоверцам своей супруги. Наконец, Яков I не был отлучен от церкви. Ослаблению политической напряженности способствовало и начало мирных переговоров с Испанией: от них ожидали прекращения затянувшейся войны, делавшей католиков подозреваемыми в измене; кроме того, предполагалось, что Испания настоит на включении в условия мирного договора статьи, касающейся положения католиков в Англии, что гарантировало бы им защиту от преследований.

На первых порах Яков I, казалось, оправдывал эти надежды: он проявлял терпимость, прекратив взимать штрафы с католиков. В результате число рекузантов в 1603 г. резко увеличилось, почти

удвоившись. В 1603–1604 гг. возросла и политическая активность католиков, которые требовали терпимости и разрешения исповедовать свою веру. Якову I был подан ряд петиций, формулировавших эти требования

Однако католикам так и не была дарована свобода вероисповедания, а испано-английские переговоры завершились заключением мира (1604), условия которого не затрагивали статуса католиков в Англии. Многим из тех, кто рассчитывал на Якова I, пришлось пережить жестокое разочарование. Некоторые из них, священники Уильям Уотсон, Уильям Кларк и дворянин Энтони Копли, попытались добиться своей цели путем организации заговора. Уотсон сразу после смерти Елизаветы посетил Якова I в Шотландии, стремясь получить у нового короля обещание веротерпимости, но был обманут в своих ожиданиях. Тогда он сделал ставку на принуждение: заговорщики планировали захватить Якова I (силами католических дворян) и заставить его даровать католикам свободу исповедания или же устранить короля, если он отказался бы выполнить это требование. «Заговор священников» был раскрыт после того, как глава английских иезуитов Генри Гарнет, узнав о его существовании, довел информацию до сведения правительства, расправившись таким образом с врагами ордена. Уотсон и Кларк были казнены 9 декабря 1603 г. в Винчестере, а Копли помиловали после подробного рассказа о заговоре.

Отношение Якова I к католикам было куда более мягким, нежели в предшествующее царствование, но не настолько, чтобы его можно было бы назвать веротерпимостью. Король простил дворянам-католикам задолженность по штрафам за recusancy. С другой стороны, парламентский статут 1604 г. подтвердил все елизаветинское репрессивное законодательство,

а в королевской прокламации от 22 февраля 1604 г. объявлялось о высылке всех иезуитов и священников из страны. Эта мера затронула лишь тех, кто находился под стражей (их было немного, так как после смерти Елизаветы большинство заключенных-католиков вышло на свободу). Однако католикам дали понять, что Яков I готов проявить к ним милость, но веротерпимости не допустит.

По сравнению с царствованием Елизаветы режим Якова I был для его католических подданных благом, однако их «большие надежды» не сбылись. Разочаровавшись в Якове I, который до своего воцарения в Англии был щедр на обещания, но затем отказался даже признавать, что переговоры имели место, наиболее радикальные из них готовы были обратиться к насилию, свидетельством чему стал Пороховой заговор.

Пороховой заговор — первая в английской истории и, к счастью, неудачная, попытка организации террористического акта — одновременно был последним в череде заговоров «долгого XVI в.». Его организаторы совсем недавно принадлежали к кругу графа Эссекса и участвовали в восстании 1601 г. (и были наказаны крупными штрафами). Они относились к поколению католиков, стремившихся достичь соглашения с властями и добиться хотя бы свободы исповедовать свою веру, а в случае необходимости — и принудить монарха к уступкам.

Главным организатором был Роберт Кейтсби; в группу его ближайших друзей и соратников входили также братья Джон и Кристофер Райты, Роберт и Томас Винтуры, Томас Перси (именно он посещал короля Якова в Эдинбурге и получил обещание свободы исповедания для католиков), Роберт Кейес, Эверард Дигби, Джон Грант, Эмброуз Руквуд и Фрэнсис Трешэм. Заговорщики планировали взорвать палату

лордов во время торжественного открытия заседаний нового парламента (после серии переносов назначенного на 5 ноября 1605 г.), когда в палате должен был присутствовать король с обоими принцами и члены палаты лордов, т. е. весь Тайный Совет, епископы, верховные судьи королевских судов — по сути, вся правящая элита Англии. Устранив тех, кто, по мнению заговорщиков, был виновен в страданиях католиков, отряд дворян должен был затем захватить девятилетнюю дочь Якова Елизавету, находившуюся в поместье под Ковентри (Мидлендс), и возвести ее на престол с тем, чтобы править от ее имени. Захват власти должен был сопровождаться реставрацией католичества как официальной религии Англии.

Никто из заговорщиков не имел военного опыта и не умел обращаться с порохом, поэтому они привлекли в свои ряды «военного специалиста» Гая Фокса — уроженца Йоркшира, долгие годы служившего в испанской армии в Нидерландах. Именно он занимался закладкой пороховых бочек в погребах Вестминстерского дворца, прямо под залом заседаний палаты лордов. Для этого заговорщикам пришлось арендовать погреб, но это оказалось нетрудным, ведь лондонские королевские резиденции, Уайтхолл и Вестминстер, представляли собой запутанные лабиринты из строений, пристроек, многоуровневых погребов и складских помещений под ними, право аренды которых принадлежало дворцовым слугам и их родственникам. Практика сдачи внаем помещений, непосредственно прилежащих к палатам парламента, имела долгую историю, и даже Пороховой заговор не прекратил ее; отказались от нее лишь в конце XVII в.

Заговорщикам удалось приобрести 36 бочек пороха и доставить его в погреб. Возможно, им удалось бы устроить там взрыв, если бы не забота

о родственниках: в палате лордов в силу происхождения заседали не только протестанты, но и аристократы-католики, приходившиеся заговорщикам родней или покровителями, например лорд Мордаунт, виконт Монтегю, граф Нортумберленд. Все они должны были присутствовать на открытии парламента и, соответственно, рисковали жизнью. Чтобы спасти их, кто-то из заговорщиков (вероятно, Фрэнсис Трешэм) 26 октября отправил им анонимные письма, советуя не ходить в палату 5 ноября. Один из адресатов, лорд Мордаунт, немедленно отправился с письмом к Роберту Сесилу.

Но хотя правительство теперь располагало сведениями о готовящемся заговоре, никому из членов Тайного Совета и в голову не пришло, что планируется взрыв, хотя слово *blow* («удар») в письме могло быть прочитано таким образом. Лишь через несколько дней, когда накануне открытия парламента в столицу вернулся с охоты король, ему показали письмо. И именно Якову пришла в голову мысль о порохе: ведь именно с помощью пороха в 1566 г. планировали убить его отца в Эдинбурге. По приказу короля в Вестминстерском дворце провели обыск, и вечером 4 ноября 1605 г. Гай Фокс был захвачен с личным в погребе, рядом с пороховыми бочками и подготовленными запалами и лампой, чтобы зажечь их утром.

Остальным заговорщикам, узнавшим об аресте Фокса, удалось бежать из Лондона в западные графства. Они были окружены в маноре Холбеч. В ходе осады некоторые из них, включая и организатора, Кейтсби, погибли; остальные были захвачены и доставлены в Лондон. По королевскому приказу их подвергли пыткам, Фокса — несколько раз подряд. Подпись под его показаниями свидетельствует, что через несколько дней он уже почти не в состоянии был держать в руке перо.

Жители столицы не подозревали о происходящем (возможно, за исключением завсегдатаев таверн на Холборне, где собирались заговорщики) и узнали о готовившемся теракте только из изданной 5 ноября королевской прокламации, объявлявшей день национального благодарения за спасение короля и парламента. Город ответил на известие всплеском насилия: королю пришлось выставить охрану вокруг испанского посольства, так как лондонцы, уже привыкшие к сообщениям о кознях испанцев, сочли, что за планами Кейтсби и Фокса стояла именно Испания.

27 января 1606 г. заговорщики предстали перед судом в Вестминстере и были приговорены к смертной казни изменников: повешению и потрошению. В тот же день был арестован Генри Гарнет, глава английских иезуитов. В ходе допросов от заговорщиков под пытками требовали рассказать о причастности иезуитов к заговору. Гарнет действительно знал о нем из исповеди Кейтсби, хотя и не располагал сведениями о том, что именно планируется сделать. Он пытался отговорить Кейтсби от выступления и даже писал в Рим, прося направить английским католикам послание папы с прямым запретом на насильственные действия. Однако его просьба запоздала. Правительству о готовящемся заговоре Гарнет не сообщил; впоследствии он объяснял свои действия тем, что как священник он ни при каких условиях не мог нарушить тайну исповеди. В любом случае английские иезуиты не были организаторами Порохового заговора. Судьбу арестованного Гарнета все это не изменило: он был признан виновным в измене 28 марта 1606 г. и приговорен к казни, как и остальные заговорщики.

30 января первую группу приговоренных — Дигби, Роберта Винтура, Гранта и Бейтса — казнили во дворе собора Св. Павла при большом скоплении народа. Остальных — Томаса Винтура, Руквуда, Кейеса и Гая

Фокса — предали смерти рядом со зданием, которое они планировали взорвать, в Старом дворе Вестминстера. Несмотря на слабость после пыток, Фоксу удалось спрыгнуть с эшафота и повиснуть в петле со сломанной шеей. Всех остальных вынули из петель живыми и выпотрошили согласно букве закона.

Генри Гарнет был казнен 3 мая 1606 г. во дворе собора Св. Павла. В последней речи он говорил о своей верности королю и настаивал на невинности в измене и сохранении тайны исповеди. Поведение иезуита впечатлило толпу лондонцев, ценивших храбрость и мужество перед лицом смерти. Присутствовавшие (католики или нет, неизвестно) не позволили палачу вынуть его из петли живым, чтобы мучить дальше. А после того, как палач поднял отсеченную голову и показал ее толпе, как это полагалось по обычаю, не прозвучало обычных криков «Предатель!». Толпа безмолвствовала.

Пороховой заговор был делом рук небольшой группы католиков, но последствия затронули все католическое сообщество. Яков I в своем обращении к парламенту от 6 ноября 1605 г. (сразу после раскрытия заговора) заявил: «Хотя... только слепое суеверие и заблуждения ложной веры породили их [заговорщиков] отчаянный план, из этого не следует, что все, исповедующие Римскую религию, виновны». Но антикатолическое законодательство, тем не менее, было значительно ужесточено. Статутом 1606 г. предписывалось взимание штрафа в размере 20–60 фунтов стерлингов в год не только за *recusancy*, но и за уклонение от причастия. Кроме того, статут предписывал требовать от католиков принесения присяги на верность королю, в которой, помимо прочего, содержалось утверждение о том, что право папы смещать с престола отлученных от церкви государей является еретической идеей. Это утверждение

для католиков фактически звучало как признание, что ряд понтификов были еретиками, и было неприемлемым. Отказ от принесения присяги мог повлечь за собой тюремное заключение.

Яков I мог быть терпимым *de facto*, но это вовсе не означает, что он был сторонником веротерпимости как принципа. Полностью лояльным подданным мог считаться лишь человек, принадлежавший англиканской церкви. В этом Яков I не отличался от Елизаветы, хотя размах реальных гонений в годы их правлений несравним. Даже в худшие для католиков годы его царствования (1606–1614), когда от арестованных священников, а порой и мирян требовали принесения присяги, число казненных было невелико.

Неизменным оставался финансовый пресс. Для Якова I штрафы за *recusancy* стали одним из источников дохода. Взимание их было упорядочено, для чего в системе казначейства возникла особая структура, ведавшая их сбором. В сравнении с правлением Елизаветы финансовое бремя, возложенное на католическое дворянство, возросло. Но вряд ли следует видеть в финансовом давлении на католиков только религиозную нетерпимость (хотя оно, несомненно, имело такую окраску). Католики, как и вся страна, почувствовали на себе последствия фискальной политики первых Стюартов.

После 1617 г. положение католиков изменилось к лучшему, так как в связи с планировавшимся браком принца Уэльского и испанской инфанты Яков I был вынужден пойти на уступки. Находившиеся в тюрьмах католики вышли на свободу, а репрессии против них (в том числе требование присяги) практически прекратились. Король мог простить недоимки по штрафам, а после единовременного внесения крупной суммы (примерно равнявшейся годовому доходу того или иного аристократа и исчислявшейся

от нескольких сотен до пары тысяч фунтов стерлингов) католик мог получить королевское прощение за нарушение закона о посещении приходских церквей и тем самым освобождался от постоянных поборов.

Фактическое прекращение преследований католиков, а также присутствие высокопоставленных католиков-конформистов в окружении короля пугали пуритан, опасавшихся реставрации католичества. Но еще больше их пугало то, что происходило в самой церкви Англии, а именно то, что воспринималось ими как перерождение церкви изнутри.

Возможно, наименьшие надежды возлагали на Якова I те протестанты, которые принимали верование и уже сформировавшиеся литургические традиции церкви Англии не как «программу минимум» и объект дальнейших преобразований, а как истинную христианскую традицию. В начале царствования Якова именно они могли опасаться, что выросший в пресвитерианской Шотландии монарх захочет изменить ее. Однако Яков I не просто проявил терпимость к этой традиции, но и выказал свое предпочтение литургическому порядку и устройству церкви Англии.

Любитель богословских споров, король готов был допустить мнения, отличные от его собственного, при условии строгого соблюдения сторонами закона (в отношении церковного устройства и литургии). Поэтому в царствование Якова начала постепенно усиливаться группа богословов, выступавших против кальвинизма (учения о предопределении). Сам Яков всю жизнь оставался верным этому учению, однако при нем обрели покровительство епископы и богословы другого направления. Строгим кальвинистам, впрочем, король также покровительствовал, так что епископат в его пору представлял собой целый спектр богословских суждений. В противниках

кальвинистов, а также сторонниках «церемоний», т. е. строгой обрядности церкви Англии, король видел союзников против пуритан, которых он считал бунтовщиками.

Рост влияния «сторонников церемоний» в церкви Англии проявился самым наглядным образом — в интерьерах храмов. Пуритане предпочитали простые, практически лишенные украшений помещения, все внимание в которых должно было уделяться происходящему на кафедре проповедника. Она размещалась в трансепте и должна была быть хорошо видна прихожанам на скамьях: ведь проповедь сопровождалась экспрессивными жестами, которые были призваны привлекать внимание слушателей к самым важным ее моментам. Стол для причастия должен был стоять в середине нефа; пастор становился рядом с ним, а прихожане — вокруг него. Согласно королевским предписаниям 1559 г., когда стол не использовался по назначению — т. е. когда прихожане не принимали причастия — он должен был находиться в восточной части храма, там, где раньше стоял алтарь. В «пуританских» приходах это правило часто не соблюдалось, так как казалось напоминанием о «папистских» суевериях. Другие же настаивали на строгом его соблюдении.

В XVII в. сначала в соборах, а потом и в приходских церквях постепенно начали возвращать алтарный стол на традиционное для него место, которое в 1620–1630-х гг. даже отделяли от остального пространства храма низкой оградой, перед которой должны были преклонять колени причащающиеся. За такими изменениями стояло определенное толкование происходящего в церкви и спасения в целом. Для противников пуритан спасение обреталось благодаря вере (знаменитый лютеровский принцип оправдания верой). Спасительную веру христиан

получал как дар божественной благодати. В этом они сходились с пуританами. Однако для последних дар благодати являлся по воле Бога, когда и как Ему угодно, и не был никоим образом связан с богослужением и причащением. Для многих богословов, которых впоследствии назовут англиканскими (хотя само это понятие появится только в конце XVII в.), обретение благодати происходило во время причащения и церковной молитвы. Поэтому причащение (а не проповедь) вновь оказывалось кульминацией богослужения, и такими важными становились внешние жесты, выражавшие благоговение перед обретаемой в причастии благодатью — преклонение колен, позиция алтаря, а также и украшение интерьера церквей. В Лондоне изменились интерьеры почти трети церквей, а 11 были радикально перестроены, в том числе церковь Христа (Крайст-черч Ньюгейт), Св. Троицы («Малая»), Сент-Брайд на Флит-стрит, Сент-Мэри-ле-Боу и, конечно же, собор Св. Павла.

Эти перемены засвидетельствовали разделение религиозного мира Лондона — и всей Англии — на разные, и чем дальше, тем более расходящиеся — традиции. Эти традиции формировались на протяжении XVI столетия и сложились к началу правления Стюартов, хотя и существовали до поры в рамках одной национальной церкви, стремившейся охватить всех англичан, от католиков-конформистов до умеренных пуритан. Но расхождение традиций сделало раскол неизбежным, и через несколько десятилетий церковь Англии включала в себя лишь одну протестантскую традицию, а другие оказались из нее вытесненными, так же как и католики. Единому миру окончательно пришел конец, а разнообразие традиций стало обыденным фактом существования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Stow J.* A Survey of London [1st edn: 1598; 2nd edn: 1603]. Reprinted from the Text of 1603/ Ed. by C. L. Kingsford. Oxford, 1908 // British History Online <http://www.british-history.ac.uk/no-series/survey-of-london-stow/1603>
- Foxe J.* Acts and Monuments of these Latter and Perilous Days, Touching Matters of the Church [Edn: 1563, 1570, 1576, 1583] // John Foxe's Acts and Monuments Online [TAMO] <https://www.dhi.ac.uk/foxe/>
- Holinshed R.* Chronicles of England, Scotland, and Ireland [1st edn: 1577; 2nd edn: 1587] // Oxford Holinshed Project <http://www.cems.ox.ac.uk/holinshed/>
- Bernard G. W.* Power and Politics in Tudor England. L., 2000.
- Bernard G. W.* The King's Reformation: Henry VIII and the Remaking of the English Church. New Haven; L., 2005.
- Bossy J.* The English Catholic Community, 1570–1850. L., 1975.
- Brigden S.* London and the Reformation. Oxford, 1989.
- Catholic Communities in Protestant States: Britain and the Netherlands, c. 1570–1720 / Ed. by B. Kaplan et al. Manchester, 2009.
- Catholics of Parish and Town, 1558–1778 / Ed. by M. Rowlands. Wolverhampton, 1999.
- The Church of Mary Tudor / Ed. by E. Duffy and D. M. Loades. Aldershot, 2006.

- Collinson P.* The Birthpangs of Protestant England: Religious and Cultural Change in Sixteenth and Seventeenth Centuries. L., 1988.
- Collinson P.* Godly People. L., 1983.
- Collinson P.* The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559–1625. Oxford, 1982.
- Cressy D.* Birth, Marriage and Death: Ritual, Religion, and the Life-Cycle in Tudor and Stuart England. Oxford, 1997.
- Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, c. 1400–1580. New Haven; L., 1992.
- Duffy E.* Fires of Faith: Catholic England under Mary Tudor. New Haven; L., 2009.
- Duffy E.* Saints, Sacrilege and Sedition: Religion and Conflict in the Tudor Reformations. L., 2012.
- Duffy E.* Reformation Divided: Catholics, Protestants and the Conversion of England. L., 2017.
- England's Long Reformation, 1500–1800 / Ed. by N. Tyacke. L., 1998.
- The English Reformation Revised / Ed. by C. Haigh. Cambridge, 1987.
- Fincham K., Tyacke N.* Altars Restored: The Changing Face of English Religious Worship, 1547– c. 1700. Oxford, 2007.
- Haigh C.* English Reformations: Religion, Politics and Society under the Tudors. Oxford, 1993.
- Haigh C.* The Plain Man's Pathways to Heaven: Kinds of Christianity in Post-Reformation England. Oxford, 2008.
- Heal F.* Reformation in Britain and Ireland. Oxford, 2003.
- Hutton R.* The Rise and fall of Merry England: The Ritual Year 1400–1700. Oxford, 1994.
- Jones N.* Faith by Statute: Parliament and the Settlement of Religion, 1559. L., 1982.
- Lake P.* Anglicans and Puritans? Presbyterian and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker. L., 1988.

- Lake P.* Moderate Puritans and the Elizabethan Church. Cambridge, 1982.
- MacCulloch D.* Tudor Church Militant: Edward VI and the Protestant Reformation. L., 1999.
- MacCulloch D.* The Boy King: Edward VI and the Protestant Reformation. Berkeley and LA, 2002.
- Maltby J.* Prayer Book and People in Elizabethan and Early Stuart England. Cambridge, 1998.
- Marsh C.* Popular Religion in Sixteenth-century England. L., 1998.
- Marshall P.* Reformation England, 1480–1642. L., 2003.
- Marshall P.* Religious Identities in Henry VIII's England. Aldershot, 2006.
- Marshall P.* Heretics and Believers: A History of the English Reformation. New Haven; L., 2017.
- McClain L.* Lest We Be Damned: Practical Innovation and Lived Experience among Catholics in Protestant England, 1559–1642. Chicago, 2004.
- Questier M. C.* Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic patronage and Religion, c. 1550–1640. Cambridge, 2006.
- Rex R.* Henry VIII and the English Reformation. L., 1993.
- Ryrie A.* The Gospel and Henry VIII: Evangelicals in the Early English Reformation. Cambridge, 2003.
- Ryrie A.* Being Protestant in Reformation Britain. Oxford, 2013.
- Scarisbrick J. J.* The Reformation and the English People. Oxford, 1984.
- Sharpe J. A.* Remember, Remember: A Cultural History of Guy Fawkes Day. L., 2005.
- Tyacke N.* Anti-Calvinists: The Rise of English Arminianism, c. 1590–1640. Oxford, 1987.
- Walsham A.* Catholic Reformation in Protestant Britain. Farnham, 2014.
- Wizeman W.* The Theology and Spirituality of Mary Tudor's Church. Aldershot, 2006.

Библиография

- Worship and the Parish Church in Early Modern Britain / Ed. by N. Mears, A. Ryrie. Farnham, 2013.
- Дмитриева О. В.* Елизавета Тюдор. М., 2012. 2-е изд.
- Евсеев В. А.* «Городская цивилизация» Англии от Тюдоров до Стюартов. М.; СПб., 2019.
- Ерохин В. Н.* Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI — первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. М.; СПб., 2016.
- Серегина А. Ю.* Политическая мысль английских католиков второй половины XVI — начала XVII в. СПб., 2006.
- Серегина А. Ю.* Английское католическое сообщество XVI–XVII вв.: виконты Монтегю. М.; СПб., 2017.
- Софронова Л. В.* Джон Колет. Христианский мыслитель ренессансной эпохи. М.; СПб., 2016.
- Чернова Л. Н.* Под сенью Святого Павла. Деловой мир Лондона, XIV–XVI вв. М.; СПб., 2016.
- Чугунова Т. Г.* Уильям Тиндел. Слово, церковь и государство в раннем английском протестантизме. М.; СПб., 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
«Старый порядок»	7
Еретические общины в Лондоне	47
«Ветер перемен»	52
«Великое дело короля»	65
Развод короля	79
Начало протестантской Реформации в Лондоне	102
Роспуск монастырей	110
Продолжение Реформации в Лондоне	120
Реформация в Лондоне при Эдуарде VI (1547–1553)	153
Протестанты в Лондоне к концу царствования Эдуарда VI	173
Лондон при Марии I Тюдор (1553–1558). Рестаурация католичества	179
Реформация возвращается: восшествие на престол Елизаветы I (1558–1603)	212
Елизаветинское религиозное законодательство 1559 г.	219
Научить верующих: проповедь нового учения ...	232

Содержание

Лондон протестантский.....	242
Пуритане и их противники	254
Прятаться на виду: католики в елизаветинском Лондоне	267
Конец «золотого века». Смена династии.....	287
Большие надежды: восшествие на престол Якова I Стюарта	298

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus»

Серегина Анна Юрьевна

ЛОНДОН И РЕФОРМАЦИЯ

Жизнь английской столицы
в эпоху Тюдоров
(1485–1603)

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка издания *В. Ю. Трофимов*

Подписано к использованию 19.06.25
Формат 10,5×19,0 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: <https://eurasiabooks.com/>
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: <https://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

В истории Англии время правления династии Тюдоров (конец XV — начало XVII вв.) считается «золотым веком», особенно в сравнении с предшествующим и последующим периодами, когда в стране бушевали Войны Алой и Белой Розы и Гражданская война. Символом тюдоровской эпохи стали экономическое процветание и рост могущества Англии под скипетром Генриха VIII и Елизаветы I.

Впрочем, все было отнюдь не безоблачно. XVI столетие стало свидетелем исчезновения старого мира с его единой религиозной традицией. Начавшись с небольших подпольных общин, протестантизм внезапно стал государственной религией Англии, а католицизм был поставлен вне закона. Мучительно рождался новый мир, в котором разнообразие — а значит, конфликт, но одновременно и проявление терпимости — стало обычным явлением.

Книга посвящена истории Реформации в Лондоне, городе, наиболее открытому новым идеям и веяниям. При этом в центре повествования находится повседневная жизнь всех слоев общества — как монархов и придворных, так и горожан, в большинстве своем не стремившихся к переменам, но оказавшихся в самой их гуще.